

С. Рубинчик

**ТРЕТЬЯ
ЧЕТВЕРТЬ**

СТЯНИСЛАВ
РУБИНЧИК

Третья
четверть

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА» РИГА 1976

К 2
Р 823

Оформление *Алисы Ландсберг*

© Издательство «Линесма», 1976

Р $\frac{70803-41}{M801(11)-76}$ 382—75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Познакомьтесь: он главный герой этой повести, его зовут Юрий Алехин или попросту Юра, он учится в седьмом классе и ему тринадцать лет.

Столько же, сколько нам, скажете вы. Тогда вы, наверное, знаете, как трудно быть тринадцатилетним: вы еще не взрослые, но и не дети уже. А если послушать, что говорят старшие, все окончательно запутается. Как только у вас появляется свое мнение, как только вам захочется сделать что-то на свой страх и риск, тотчас же говорят: Что это с ним (с ней)? Разве он сможет сделать такое, разве сумеет? И что он вообще понимает? Он же еще совсем мальчишка (девчонка)! Но стоит вам совершить какую-нибудь ошибку или глупость — самую крохотную, самую пустяковую глупость — и сразу совсем другие речи: Такой большой мальчик (девочка)! Почти взрослый человек, а в

голове ветер гуляет! Когда мне было столько же лет, сколько тебе... И так далее. Ну, вы сами все это слышали.

Но, между прочим, кто в таком возрасте станет нарочно делать глупости, разве что порой совершит нечаянно какой-нибудь промах... Вот так же, как Юра Алехин или его друг Костя Боровик. Например, вряд ли грех погулять по льду на море, к тому же не весной, когда все тает и ломается, трескается и рассыпается, а посреди зимы, когда лед кажется крепким и звонким, как стальные латы. И вдруг отламывается кусок льдины, такой, казалось бы, прочной и надежной, и его несет в открытое море, как плавающий остров. Прогулка на льдине оказывается вовсе не веселой и приятной, потому что холод проникает сквозь все петли и щелочки в одежде, лезет в рукава и за воротник, пробирая, как говорится, до самых костей, и бурчат пустые животы, и не съеденная за завтраком из-за вечной спешки яичница кажется теперь такой ароматной и соблазнительной, и в воображении она растет и в ширину и в высоту: это же настоящая пытка на голодный желудок вспоминать и представлять божественную яичницу! Конечно, существуют на свете спасательные катера и вертолеты, и двое мальчиков из курортного городка не могут так просто исчезнуть без следа даже в морских просторах, но переполох, как вы понимаете, получается страшный и неприятностей множество, хотя ни Юра, ни Костя не хотели ничего худого.

И так случается раз за разом, и потому Юра Алехин считает себя неудачником и твердо уверен, что жизнь его пошла прахом. Каждую новую четверть он начинает с хорошими, благородными намерениями: он решает готовиться к каждому предмету, внимательно слушать на уроках и даже учить грамматику, не драться ни с кем, не сердить директора школы Василия Ефремовича, ибо, чего же тут скрывать, «список грехов» Юрия Алехина так длинен и обширен, что ему грозит исключение из школы.

Да, намерения хорошие, благородные, однако... Проходит время, но они, к сожалению, не исполняются. Скорее даже на-

оборот. В этом смысле третья четверть, о которой написана книга, почти ничем от прочих не отличается. Одно за другим следуют веселые и грустные события, разные приключения, и порой Юра действительно оказывается не только на грани исключения, но даже на волоске от еще более страшного несчастья, но, надо отдать ему справедливость, он держится, как подобает мужчине, ибо действительно надо иметь мужество, чтобы встать на пути преступников — малодушный человек на такое не способен.

И, наверное, вам, несмотря на все его ошибки и промахи, Юрий Алехин покажется порядочным парнем, ибо никогда его поступками не руководили низость и расчет. Правда, он немножко болтлив, порой ему нравится похвастать именно своей славой неудачника, иногда он наивно умничает и склонен делать из мухи слона, подымая, как говорится, на принципиальную высоту несущественные, быстро теряющие актуальность проблемы (например, с ожесточением борется за право носить галстук); он необъективен по отношению к директору школы Василию Ефремовичу, это тоже правда; к тому же он влюбляется во всех своих одноклассниц по очереди, а бывает, что в трудные минуты окончательно падает духом и теряет веру в себя. Юре, действительно, присущи все эти недостатки, что есть, то есть, но самое главное, что у него голова на плечах, а в груди бьется доброе сердце. На пороге между детством и юностью, спотыкаясь время от времени, он все глубже входит в сложный мир человеческих отношений и явлений жизни взрослых, самостоятельно оценивает события, серьезно судит о них, и это уже юношеское восприятие мира.

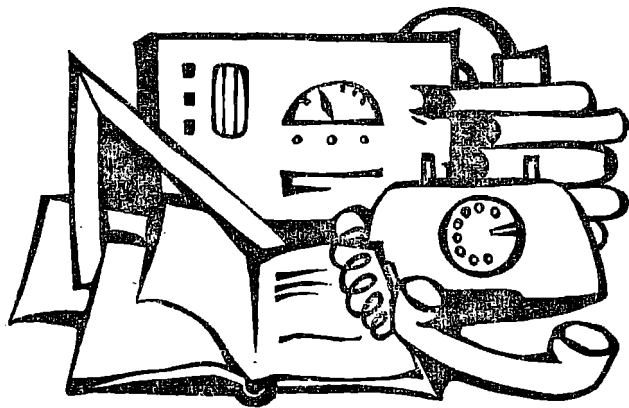
Юра Алехин, с которым мы расстаемся в конце книги, совсем не тот человек, с которым познакомились в начале, хотя прошла одна третья четверть — каких-то неполных три месяца. Но, быть может, три месяца вовсе не так уж мало, если за это время можно пережить так много интересного и значительного, если за это время можно из мальчика превратиться в юношу?

Автор этой книги Станислав Рубинчик не новичок в литературе. Изданы уже три его книги. Первая, совсем тоненькая («Сказки о городском транспорте и петушке»), написанная в соавторстве с О. Слепковым, увидела свет в 1968 году. Через три года вышел второй, более объемистый сборник «Лес новогодних елок». По профессии С. Рубинчик экономист, но уже много лет он работает экскурсоводом в Рижском бюро путешествий. Он знакомит туристов со столицей нашей республики и, само собой, знает ее вдоль и поперек. Увлекательные исторические факты, интересные сведения о архитектуре и самых старых и примечательных зданиях Старой Риги, сегодняшний день города и живая фантазия — все это переплелось в книге «Сказки о Старой Риге и другие истории воробья Ричи», вышедшей в 1973 году.

Теперь перед вами четвертая книга. Она полна юмора, забавных недоразумений, но в то же время на ее страницах идет серьезный и глубокий разговор о смысле жизни, о благородстве и гуманизме в отношениях между людьми.

Среди своих героев-подростков автор чувствует себя свободно, непринужденно. И это делает книгу правдивой и захватывающей. Но вы сами увидите все и прочувствуете.

Регина Эзера

Глава I.

КЛЯТВА В ДУБОВОЙ АЛЛЕЕ

К нашей школе ведет длинная дубовая аллея. Почему-то именно в этой аллее в начале каждой четверти я замедляю шаги и даю себе зарок начать новую жизнь. «Все! — говорю я себе. — С сегодняшнего дня буду заниматься! Я же запросто могу учиться хорошо! Главное — каждый день делать домашние задания и не вертеться на уроках». Поначалу все так и бывает. Я получаю четверки и пятерки. Серафима Михайловна, наша классная, ставит меня в пример, дает общественные поручения. Но потом обязательно что-нибудь случается... Вот, как в прошлой четверти. Держался больше месяца, не схватил ни одной пары. И тут нас с Костей Боровником, моим другом, унесло

на льдине в море. Кажется, что тут особенного? Поболтало нас в море и все. Так ведь подняли такой тарарам, словно мы школу подожгли или ворвались в учительскую с автоматами.

Зима в этом году какая-то нелепая. Чуть ли не в сентябре ударили морозы, да такие, что замерз залив. Такое раз в сто лет случается. А в декабре пошли оттепели, одна за другой. И в тот день, когда нас унесло, было плюс девять. Ничего себе декабрь!

Так вот, после уроков спустились мы с Костей к морю и остолбенели: так было красиво. Километра на полтора тянулась белая, залитая солнцем пустыня. Там, где она кончалась, громоздились оранжевые горы и дальше серо-зеленая полоска не то неба, не то воды. Такие кадры бывают только в научно-фантастических фильмах. Мы подошли к самой воде и начали сталкивать в нее куски льда. Льдины с шумом плюхались, переворачивались и медленно, словно им жаль было расставаться с берегом, уплывали, покачиваясь на волнах. Не помню, кто первый, кажется, Костя, услышал крик. Обернулись. К нам бежал Семка Булкин и что-то орал. Но что именно — не разобрать. Мы тоже стали кричать, бросать вверх портфели. Но Семка вдруг остановился и побежал назад, к школе. Только тогда мы увидели, что огромная льдина, на которой мы стояли, оторвалась от берега и разворачивается, направляясь в море. Один край был еще близко к берегу. Мы побежали туда, но не успели — прыгать было уже поздно. Пролив между льдиной и берегом стремительно расширялся.

Перетрусили мы порядком, но старались не показывать этого друг другу. Боровик сказал, что ветер морской, нас поболтает немного и прибьет к берегу. Я согласился с ним: ерунда! Небольшая морская прогу-

лочка, для разнообразия! Но сам подумал: а что если ветер переменится или льдина расколется? Мы сели на портфели в центре льдины, прижались друг к другу и попытались представить, как у всех вытянутся физиономии, когда Булкин расскажет о нашем путешествии. Льдину несло вдоль берега к устью реки. Там маяк. Нас обязательно заметят и вышлют спасательный катер. Все бы ничего, но стало вдруг дико холодно. Зубы у нас стучали, как кастаньеты. Я вспомнил, что утром успел только выпить кофе, а великолепная яичница, во всю сковороду, так и осталась нетронутой. Чем больше я думал об этом, тем больше становилась яичница. На миг надо мной даже исчезло серое зимнее небо с бледным желтком солнца и засветилась яркая шипящая глазунья. Но потом стало еще холоднее. Мне показалось, что ветер переменился и нас стремительно уносит в море. День-два и все, больше мы не выдержим, замерзнем, или нас смоем волной. Как раз в тот день на математике я думал о том, что живу уже страшно долго, все видел и вряд ли в моей жизни случится еще что-нибудь особенное. Здесь же, на льдине, мне казалось, будто я впервые ощутил, что живу. Все, что еще час назад раздражало или вызывало скуку, сейчас казалось необыкновенно важным и захватывающе-интересным. Неужели мы погибнем так глупо? Именно сейчас, только-только поняв, до чего же здорово жить. Мы уже почти не надеялись на спасение, но часа через два нас прибило в районе станции Озерной. Сели на электричку и через пятнадцать минут были в своем поселке. Теперь, казалось бы, все в порядке. Грейся на кухне, пей горячий чай и радуйся, что все так хорошо обошлось. Но тут-то и начались неприятности.

Сначала мы с Костей зашли в школу сообщить о

благополучном прибытии. Думали встретят нас, как героев, обрадуются. Куда там! Оказалось, директор звонил в город, вызвал вертолет. И завертелась карусель! Косте Боровику еще ничего, поругали и все. Он почти что отличник, да и отец у него не родной, особенно не нажимает. Во всем обвинили меня. Будто это я подбил Боровика покататься на льдине и вообще плохо на него влияю. Директор, Василий Ефремович Котов, а по-нашему, Вася, допрашивал меня часа два, вызвал мать, а потом меня на педсовет. Там мне припомнили кота, которого я принес на урок чуть ли не в первом классе, зачитали все замечания из дневника, насчитали штук десять стекол, хотя я разбил всего два. Я молчал. Все терпел. Пусть себе говорят. Но когда Вася сказал, что я на уроке химии налил в карман Семке Булкину соляной кислоты, терпение мое лопнуло.

— Неправда, — сказал я, — никому кислоту я в карман не наливал!

Директор обвел учителей долгим и грустным взглядом.

— Кто же тогда?

Я знал, что кислоту налил Борька Шиян. И все в классе это знали. Серафима Михайловна тоже догадывалась. На собрании она предлагала Борьке сознаться, но он отказался, а доносить никто не стал. Так это дело и замаяли, хотя Семкиной матери пришлось покупать новый костюм. А теперь, пожалуйста, оказывается, я виноват!

Директор произнес целую речь. Вот, мол, до чего я докатился, совершил такой гнусный поступок и не имею мужества сознаться. Но еще хуже, если это сделал не я и, зная, кто сделал, скрываю, оказывая тем самым медвежью услугу и себе, и товарищу.

Пока меня таскали, нахватал я кучу двоек. Какие уж тут занятия! В стенгазете поместили карикатуру на меня с Костей. А по школе пошли слухи, что нас чуть не унесло в Швецию и что домой нас доставили на вертолете. Степан Кириллов, кретин из 8-а (он себя величает Стенли) даже спросил меня:

— Ну как там житуха, в Швеции?

У Кости тоже спрашивали. Он трепал напропалую. Неплохо получалось. Но мне было не до шуток. На педсовете объявили, что дают мне испытательный срок. Если не выдержу, будут приняты меры. Серафима тоже предупредила:

— Смотри, Алехин, если в третьей четверти что-нибудь выкинешь, могут поставить вопрос об исключении!

Было над чем задуматься. И, топая в школу в начале третьей четверти, там, в дубовой аллее, я дал себе слово, нет, даже клятву с этой минуты стать другим человеком. Для начала я зажал портфель между ног, поправил шапку, шарф и, чеканя шаг, направился к школе.

Здание школы новое, построено года три назад на месте деревянного курортного зала. А вокруг старинный парк. По утрам в аллеях сумрачно, и, когда я вошел в школу, даже зажмурился от яркого света. Мне вдруг показалось, будто я очутился на корабле, на который напали пираты: крики, рев, лязг оружия, все в панике носятся взад и вперед.

У входа в гардероб меня остановил Стенли:

— Как жизнь, старина? — спросил он нарочито громко.

Обычно меня он не замечал, а тут вдруг такое внимание.

— Порядок, — ответил я и хотел войти в раздевалку. Но Стенли взял меня за пояс пальто.

— Куда торопишься? Поговорим, как там у тебя...

Он не знал, что придумать, и мялся, все время оглядываясь на дверь.

— Как там твой брат? — выручил я его.

У Стенли от удовольствия заалели уши. Брат у него очистил в нашем поселке ларек курортторга и второй год сидит в тюрьме. Будь у меня такой брат, я бы стыдился на людей смотреть. А Стенли наоборот — гордится им, все его письма читает вслух.

— Все о'кэй! Скоро приедет с дачи!

— С какой дачи? — не понял я.

Но Стенли уже на меня не смотрел. Из гардероба, посвистывая, вышел его приятель верзила Эд. По-настоящему зовут его Федя Цапенко. Но попробуй, назови Федькой — будешь ходить с фонарями.

В гардеробе Эд, наверное, лазил по карманам, а Стенли стоял на атаке. Хорошо, что я ничего не видел. С этой компанией лучше не связываться! Еще в первой четверти Эд при мне вытряхивал из первоклашек деньги на завтраки. Только я открыл рот — заработал фонарь под глазом. А пожалуешься — еще хуже будет. Совсем прохода не дадут.

Наш 7-б находится на втором этаже. По широкой лестнице снуют девочки, делая вид, что они чем-то заняты, мальчишки бегают друг за другом. Обычно я мчался вместе со всеми и кричал громче всех. Но сегодня, несколько минут назад, я стал другим человеком. Они еще этого не знают, но они это увидят.

Не спеша я прошел по коридору, широко открыл дверь и подчеркнуто спокойно вошел в класс.

— Юра-а Алехин! — радостно крикнул коротышка Булкин и бросился ко мне прямо по партам.

Я его окинул ледяным взглядом, небрежно кивнул Наташе Марченко и опустился на свое место.

... В каждом движении его сквозила уверенность и сила. Куда бы он ни входил, сразу становится центром внимания. Его прекрасные серые глаза излучали сердечную теплоту и ум...

Вот такая чепуха мне все время лезет в голову. Иногда кажется, что не живу, а читаю какую-то захватывающую книгу. Раскрыть бы ее на середине и посмотреть, что будет дальше.

Борьку Шияна я еще не видел, но даже спиной чувствовал, что он вошел в класс, тихо, по-кошачьи, пробирается между партами, а круглая, веснушчатая физиономия посматривает на всех выжидательно и хитро. Вот он прыгнул, схватил у Наташи портфель и наутек. Марченко за ним!

— Борька, отдай!

— Сначала посмотрю, что ты таскаешь в школу! — Шиян вытряхнул содержимое портфеля на учительский стол.

Ната пыталась отнять портфель, но Борька завернул ей руку за спину так, что она от боли закусил губу.

... Одним прыжком Билл подскочил к бандиту и, не дав ему опомниться, нанес страшный удар в челюсть. В воздухе мелькнули кирзовые ботинки, раздался грохот, и часть стены обрушилась на обезумевшего от страха гангстера. Она стояла бледная, кусая губы, но в глазах ее Билл прочел горячую благодарность...

Раздался звонок. Борька прыгнул за свою парту. Наташа подхватила учебники, сумку и понесла на вытянутых руках, как дрова.

Эта сцена испортила мне настроение. Почему я так

боюсь Шияна? Не пойму. Он ниже меня ростом и вряд ли сильнее. Но стоит ему косо посмотреть на меня, и я скисаю. Правда, Борьку бояться все в классе: он занимался боксом. Эх, хотя бы раз дать ему по роже!

Серафима вошла в класс отутюженная, улыбающаяся, подтянутая. Сразу видно — за каникулы отдохнула. Преподавала Серафима Михайловна у нас первый год и нам сразу понравилась. Она пришла в класс и на первом же уроке рассказала, что у нее четверо детей, муж военный, но теперь он выходит в отставку и они навсегда останутся в нашем поселке. Другие учителя о себе ничего не рассказывали, но мы о них все равно все знали. Еще Серафима сказала, что много лет не преподавала и ей придется начинать все сначала. Видно было, что она очень волнуется. И это нам тоже понравилось.

Рассказывала Серафима Михайловна всегда тихим ровным голосом, расхаживая по классу и заглядывая в тетрадки. Иногда вдруг погладит по голове и пойдет дальше. Стихи и грамматические правила она читала одинаково. Но когда речь заходила о Пушкине, неожиданно преображалась: стояла у своего стола, как изваяние, и смотрела поверх наших голов куда-то вдаль:

— ... Пушкин — солнце нашей поэзии! Величайший... непревзойденный... — А потом с надрывом читала стихи.

Уроки литературы мне нравятся. А занятия по русскому языку — настоящая пытка. Вот в математике, например, одно вытекает из другого. И все ясно. А в грамматике к каждому правилу тринадцать дополнений и тридцать три исключения. Настоящие джунгли! И чем дальше, тем непроходимее. Ползком продираешься через эти заросли по едва заметной тропке. Чуть

уклонился в сторону — и завяз в каком-нибудь болоте! Взять бы топорик и прорубить широкую просеку! Так нет же, нельзя даже думать об этом. Я однажды попробовал, спросил у Серафимы:

— Зачем нужно писать «корова» через «о», если слышится «а»?

Серафима не любит, когда я задаю вопросы. Спрашиваю я в самом деле много, если урок меня интересует. А ей все кажется, что я задаю вопросы от скуки, чтобы развлечь класс. Она коротко ответила:

— Исторически так сложилось, поэтому и пишут. Язык живет, изменяется, исчезают слова, целые обороты речи, появляются новые...

— Все равно непонятно: зачем писать «о», там где слышишь «а» или два «н», когда слышишь одно?

— Верно, — обрадовался Булкин, не вылезавший по русскому из двоек. — Только путаешься во всех этих параграфах.

— Давайте создадим комитет по пересмотру грамматики русского языка! — предложил Костя.

— А председателем выберем Сему Булкина, — подхватил классный остряк Жека Скворцов.

— Хватит! — Серафима хлопнула по столу журналом. — Продолжим урок!

Но комитет мы создали. Председателем выбрали не Булкина, а Боровика. Он единственный пишет без ошибок. Несколько дней мы старательно листали учебник русского языка. Оказалось, что там запросто можно выбросить половину правил. Мы записали свои соображения в тетрадь, но Серафима даже не стала ее смотреть.

— Бросьте, ребята! Лучше бы выучили эти правила! В последнем диктанте Булкин сделал одиннадцать

ошибок, а Скворцов и Алехин по четыре. Недавно вопросами реформы русского языка занималась большая группа ученых. Много было статей в печати: обсуждали, предлагали, но решили оставить все по-старому.

Больше вопросов на уроках русского языка я не задавал, сидел и смотрел на часы. «Но, боже мой, какая скука!» Не поймешь, то ли сидишь у постели умирающего, то ли сам умираешь. Пока учительница спрашивает старый материал или говорит об ошибках в наших домашних заданиях, еще ничего, но когда Серафима переходит к новому материалу... жуть.

— ... Предложения могут также объединяться в сложные только при помощи интонации, без союзов и союзных слов. Такие предложения называются бессоюзными сложными предложениями. Например... — произносит Серафима тягучим голосом.

Я чувствую себя мухой, попавшей в огромную банку сгущенки. Этих правил столько, что никогда их не запомнить. Я толком старые еще не знаю, а тут каждый день новые подсыпают. И надо их затвердить не на день или на два, а на всю жизнь. Как подумаю об этом, ничего уже не слышу, верчу в пальцах ручку и время от времени толкаю в бок свою соседку Надю Куракову. Хотя это не очень интересно. Надя только зашипит в мою сторону и продолжает строчить узенькие аккуратные буквочки. Сразу видно отличница! Нас и посадили рядом, чтобы я на уроках не болтал. С нею не поговоришь. Это точно. Абсолютно не о чем. А может быть, она очень стеснительная? В начале года я простудился, заболел, и Надя пришла меня навестить. Сидела рядом и молчала. Так и ушла, не сказав ничего, кроме «как себя чувствуешь?» Мне нравится задавать ей всякие дурацкие вопросы:

— Надя, как ты думаешь, имеет ли врач моральное право оперировать мозг?

Это я читал в каком-то журнале статью о хирургии мозга. Ничего не понял, но в голове засело. Куракова испуганно посмотрела на меня, как на учителя, пожалала узенькими плечиками:

— Почему же нельзя? Раз оперируют, значит, можно.

— Видишь ли, человеческий мозг — заповедная область. Совершая операцию, хирург может нарушить психический строй человека, его неповторимую индивидуальность... — Я с минуту шпарил в таком же духе, благо память хорошая.

Надя долго смотрела на меня, потом покраснела, отвернулась и бубнит:

— Ну, Алехин, ты даешь!

Серафима ходит по классу, как часовой:

— Приведите пример бессюзного сложного предложения.

Оглянешься на класс — каждый занят своим. Некоторые, конечно, записывают урок, но большинство только делают вид: рисуют, читают, спрятав книгу под партой, играют в города. В соседнем ряду Сема Булкин наматывает какую-то катушку. Он увлекается электротехникой. Жека Скворцов высокий, худой, закрыл глаза, раскачивается, а пальцы бегают по парте, как по клавиатуре. Он учится в музыкальной школе и вечно что-то мурлычет. В прошлом году Жека вырезал на парте клавиши. Ох, и здорово ему тогда влетело! Интересно бы послушать, что он там играет. Глазеть на класс надоело, лезу в сумку: может быть, там что-нибудь найду. Вдруг:

— Алехин! Ты чем занимаешься?

Это, как раскат грома. Сейчас небо может

заволоочь тучами, и на меня обрушится ливень. Я пытаюсь наострить уши, пялю на доску глаза, но ничего не понимаю. И тогда наступают самые жуткие минуты урока. Сидишь и дрожишь. Вот возьмет сейчас и спросит. А ты ни бум-бум! Подойдет, увидит, что тетрадь разрисована, из урока ничего не записано, вкатит двойку или замечание в дневник... Сидишь, к парте прижмешься и считаешь секунды до окончания урока. Тоска! И вдруг мглу пререзает неистово яркий луч солнца — звонок! Ура-а! Победа! Нет, скорее перемирие! Впереди еще четыре урока.

Уходя, Серафима объявила:

— Сегодня все должны записаться в художественную самодеятельность. Приказ директора. Кто хочет в хор, кто хочет в драмкружок. Наш класс будет ставить комедию Гоголя «Ревизор». Записываться у Нади Кураковой.

Настроение сразу упало. Я стал лихорадочно сообщать, как же мне открутиться. Главное — протянуть неделю, никуда не записываться, а там шум-гам пройдет, никто и не вспомнит, что ты неохваченный. Но в голову ничего не приходило. Что же делать? Самое смешное, что я очень люблю петь, но все говорят, что голос у меня противный. Даже от уроков пения освободили. Драмкружок мне тоже нравится. Я бы с удовольствием выступал, если бы не зрители. Но выйти на сцену, когда на тебя смотрит вся школа... Какая там игра. Я растянусь посреди сцены или буду стоять, как истукан, и рта не смогу раскрыть. Только подумал об этом и уже страшно! Нет, драмкружок не для меня.

Все стали собираться к нашей парте. Я поднялся, хотел незаметно уйти, но Надя меня остановила:

— Куда тебя записать?

— В хор!

Все знали о моих вокальных способностях и заулыбались.

— Я серьезно. — Надя нахмурила брови. — В драмкружок?

— Живым я туда не пойду. Лучше на курсы современных танцев.

— Не выдумывай. Такого кружка нет!

— Давай организуем!

— Вот еще! Из-за тебя одного организовывать кружок!

— Почему из-за меня одного? Разве никто не хочет научиться красиво танцевать?

— Я хочу! — крикнул Булкин.

— И я, — сказал Скворцов.

Надя стала нервничать. Губы у нее задрожали.

— Ну нет такого кружка. Нет. И Василий Ефремович его никогда не разрешит. Он же сказал, что никаких шейков в школе не будет. Надо записываться или в хор, или в драмкружок!

— Но я не хочу ни в хор, ни в драмкружок! Оставьте меня в покое!

— Ты же слышал, что записываться должны все! — Надя положила ручку и отвернулась.

— Кончай, Юра, ломаться! — одернул меня Валерка Шуст.

— Давай запишемся в драмкружок, — предложил Костя. — Все равно ничего не поставят, и через месяц он развалится.

— Ребята! Идея! — крикнул Скворцов. — Нам в духовой оркестр нужны два человека. Юра, Костя, хотите?

Сколько раз, встречая на улице духовой оркестр,

я мечтал идти вот так, впереди колонны, с блестящей трубой в руках.

— Мы же не умеем играть!

— Научим! Записывай, Надя! Тебя тоже? — спросил он Костю.

Боровик кивнул.

— Сегодня после уроков репетиция!

Глава II

Я ИГРАЮ НА «УДАВЕ»

Мы вышли в коридор. Жека, размахивая руками, расписывал нашу будущность в оркестре, такую же блестящую, как духовые инструменты.

Я внимательно слушал его, вставляя реплики, но ловил себя на том, что все время слежу за Наташей. Она гуляла по коридору с двумя девчонками из нашего класса, то и дело прыкала от смеха и дергала плечом, передразнивая Серафиму.

Не пойму, что я в Наташе нашел? Вся она какая-то круглая, ходит, как утка, в перевалочку, и, даже когда говорит, все время держит губы колечком. А может быть, она нарочно так говорит? Может, ломается, подражает какой-нибудь кинозвезде?

Папа у Наташи знаменитый портной. К нему ездят из города артисты, музыканты. Но дядька он простой, тихий, вечно сидит за своей машинкой. А вот Наташина мама — это фрукт! Она красивая и одевается лучше всех в поселке. Но воображая страшная. Слова без кривляния не скажет. И Наташка любит поломаться. Жека Скворцов однажды здорово ее проучил. Стала она как-то хвастаться:

— Вчера у нас в доме устраивали прием, был композитор Сенин, пили чай по-английски, ужасно весело...

Жека тогда ее и спрашивает:

— Ната! А как это — чай по-английски?

— Тот же чай, но варится в кастрюльке, — объясняет Наташа.

— Значит так, — Жека обеими руками взъерошил волосы, — в самоваре — это «чай по-русски», в кастрюльке — «по-английски», а если варить в чайнике, как это будет называться?

Наташа покрутила пальцем у виска и отошла. Но от Скворцова так легко не отвяжешься. То принесет в класс кружку воды:

— Тягни, Ната, тайландского! Из титана! — или скажет:

— Видел я вчера вашего композитора, привет передавал. Оказывается, он в санатории на гармошке играет.

— Вот и нет! Хочешь знать, он руководит оркестром в филармонии!

— Оркестром?! — Скворцов ошарашенно смотрит на Наташу. — Ах, да! С ним рядом были двое отдыхающих, дудели на расческах!

Все в классе в лежку. Даже Наташа хотя и злится, но смеется. А Жека смотрит на всех удивленно: мол, не понимаю, чем вызвано это веселье.

Больше Наташа о приемах в своем доме не рассказывала. И даже стала как-будто поменьше ломаться. А может быть, ей самой надоело? Иногда она бывает совсем простецкой девчонкой. Мы даже с ней лазили в сад. Кажется, тогда я в нее и влюбился. А вот как Наташа ко мне относится, не пойму. В прошлой четверти, когда случилась эта история со льдиной,

Наташа подарила мне открытку с надписью «Юре на память от Наташи». Я ходил гордый и счастливый, пока Костя Боровик не показал мне точно такую же. Ну, с Костей все ясно. Марченко у него списывает домашние задания. Но потом я увидел такую же открытку у Борьки Шияна. Тогда я себе сказал: Баста! Больше я к ней не подойду! Буду ходить мимо Наташи гордый и неприступный, шутить с другими девчонками и дьявольски хохотать. Но через неделю Наташа подошла ко мне сама и показала толстую тетрадь, исписанную эстрадными песенками. И я (ну и тряпка!) стал мямлить, что я от песенок без ума, и мы стали вместе собирать эту эстрадную чушь и записывать в Наташину тетрадь. Точнее, я весь день просиживал в библиотеке, рылся в молодежных газетах и журналах, отыскивая песенки, а Наташа переписывала их. Я выучил фамилии всех модных эстрадных певцов, упросил родителей купить мне гитару, но Наташа переключилась на киноартистов и обменяла тетрадь на портрет Жана Маре. Я поднакопил денег, купил в городе целую пачку кинозвезд и небрежно бросил Марченко.

— Вот, валялись в столе. Может быть, тебе пригодятся?

Я думал, она от радости будет прыгать до потолка. Но Наташа посмотрела лишь мельком, хочешь, говорит, я тебе покажу, что мне Боря подарил? И вытаскивает из портфеля стопку иностранных киножурналов.

Лучше бы меня этот Шиян просто избил! И с таким предателем я дружил когда-то! Недолго, правда, но было. Из-за нумизматики — оба собирали монеты и ходили друг к другу каждый день.

Вначале Борька даже понравился моей матери.

Шиян громко здоровался, называл ее по имени и отчеству и долго вытирал ноги перед входом. Новостороги ее восторги поутихли.

— Хитрец твой Борис! Никогда не смотрит в глаза! — заметила она. — И учится еще хуже тебя!

— Трудно ему учиться, — стал я защищать приятеля. — Обстановка дома у него очень тяжелая.

Насчет обстановки я не соврал. Дома у Шиянов, действительно, невесело. Вот уж не хотел бы, чтобы у меня были такие родители! Мать сухонькая, сутулая старушка, всегда смотрит в пол, слова от нее не услышишь. Отец, румяный толстяк, рубит мясо в нашем магазине. Домой вваливается пьяный и начинает орать на сына, на жену. Но Борька на него ноль внимания, будто и не слышит, продолжает рассказывать мне о своем Рексе. Он часто мне рассказывал об этой собаке, и я наизусть знал, как она выносила Борьку из горящего дома, спасала от бандитов, ловила шпионов. Никакой собаки у него не было. Факт. Но рассказывал он классно. Пока я слушал, верил каждому слову. Отец пошумит, погремит и свалится в постель прямо в одежде. Борька разденет его, вытащит трешку или пятерку и на улицу. «А если отец узнает?» — «Откуда? — говорил Борька, — он никогда не знает, сколько у него денег». Потом мы ходили по магазинам и покупали все, что захочется. Я ничего не просил. Но Борька сам покупал для себя и для меня. Парень он не жадный и пофорсить любит. Разбрасает по классу целый килограмм самых дорогих конфет. Все ползают под партами, а Шиян хохочет и поет: «Цып-цып-цып, мои цыплятки!» Мне было противно смотреть и на Борьку, и на класс. Я очень люблю сладкое, но ползать вот так под партами не стал бы.

Поссорились мы с Шияном из-за монет. Он как-то пришел, когда меня не было дома, подождал в комнате и ушел. А потом я обнаружил, что исчезла вся моя коллекция. Потребовал от Шияна, чтобы он вернул монеты. Но Борька двинул меня по скуле и все.

Даже если б он не украл у меня монеты, все равно мы бы с ним не дружили долго. На короткое время я сходилась почти со всеми ребятами в классе. Думаешь, вот интересный парень! И как это я раньше на него не обращал внимания? С таким можно дружить всю жизнь. А пройдет недели две, поссоришься из-за какой-нибудь ерунды, и новый друг исчез. Он рядом, но ты его снова не замечаешь.

Только с Костей Боровиком у нас по-другому. Мы дружим с пятого класса. Бывает, так на него разозлюсь, думаю, в жизни больше к нему не подойду. А на следующий день и не помню, из-за чего разозлился.

Прозвенел звонок. Все с ревом устремились в класс, и стали носиться по партам. Мы с Костей сели вместе. Наша математичка Дина Израилевна никогда не обращает внимания на то, кто с кем сидит, да и вообще на дисциплину. Комичная старушка: маленькая, седенькая, перепачканная мелом, с тремя портфелями, набитыми тетрадками, она вечно спешит и всюду опаздывает. Один портфель у нее часто прятал, так, для юмора или после контрольных. Делали это запросто, подойдут и спросят:

— Дина Израилевна! А можно эту задачу решить так?

Она посмотрит как-то сбоку, как курица на зерно, очки на кончике носа — вот-вот упадут, поставит портфель на пол и возьмет учебник. Вид у Дины Израилевны сердитый, но мы знаем, что она очень довольна, когда ей задают вопросы. Кажется, позвони

ей в четыре часа утра и скажи, что не получается задача, она с радостью начнет объяснять.

— Как же вы собираетесь решить эту задачку? — Дина хватает первую попавшуюся бумажку, хлопает себя по карманам, находит ручку и начинает чертить условие задачи. В этот момент у нее кто-нибудь унесет портфель. А в середине следующего урока открывается дверь и показывается седая всклокоченная голова:

— Извините, здесь нет моего портфеля?

Эту фразу ученики встречают дружным хохотом, а учителя смущенной улыбкой.

Вот и сейчас она появилась, нагруженная портфелями, и засеменила к столу, приговаривая:

— Ну и задачку я вам приготовила! Пальчики оближете! Первому, кто решит ее, ставлю пятерку!

— Если в четверти, согласен! — крикнул Булкин.

Все засмеялись, потому что Сема по большинству предметов не вылезает из двоек.

Мы с Костей внимательно следили за маленькой костлявой рукой, аккуратно выводившей на доске условие задачи. Дина Израилевна записала данные и стала читать вслух. Но я уже не слушал, смотрел, как Костя пощипывает бровь. Решает. А у меня в голове цифры прыгают, ничего не пойму. Вдруг, зазвенело и, как на табло, выскочило семнадцать.

— Дина Израилевна! Семнадцать! — крикнул я. Смотрю, и Костя держит руку. — У тебя сколько?

— Тоже семнадцать.

— Алехин! Что ты кричишь? Подними руку и все! Кто еще? Боровик решил?

— Решил, — ответил Костя.

— Иди к доске, покажи ход решения. Так, правильно. Боровику и Алехину пять. — Уже ставя

отметку в мой дневник, она вздохнула. — Эх, если бы ты еще домашние задания выполнял. У тебя же математические способности.

Я-то знаю: нет у меня никаких особых математических способностей, но на уроках математики мне не бывает скучно.

Дина Израилевна написала на доске длинный пример и принялась озадаченно рассматривать его:

— Где-то я здесь ошиблась. Вы посмотрите, ребята, а я буду спрашивать.

Все знали, что это один из приемчиков, но затихли и стали проверять пример. Учительница вызвала Куракову, но не успела Надя дойти до стола, как класс загудел и вверх потянулись руки. Мы с Костей тоже решили, но поднимать руки не стали. Я попросил у него что-нибудь посмотреть. Костя порылся в портфеле и вытащил учебник анатомии.

— Слушай, Костя, зачем тебе этот талмуд?

— Хочу заняться. Я вот думаю, чтобы понять человека, надо изучить его строение, физиологию...

Ну и тип этот Боровик! Маленький, курносый, волосы торчат во все стороны, похож на ежа. Его чуть ли не с первого класса называют «профессором». Все знает. Мама у него библиотекаряша. Костя пропадает у нее в читальне, листает кипу журналов или какую-нибудь такую книжку — ни одному нормальному человеку в голову не придет ее читать. Вот как эту анатомию. А он сидит над ней, даже что-то выписывает. Сначала я решил: делает умный вид. У нас в классе кривляк навалом. Да я и сам люблю пофорсить, поговорить о чем-нибудь умном. Но Костя никогда не будет лезть в бутылку, если он чего-то не знает, скажет только: этим вопросом я не занимался. Книги

Боровик читает только научные, никаких романов, даже Дюма: говорит, в них мало информации. Во дает! Сколько раз я его спрашивал, кем он хочет стать. Костя в ответ только дергает бровью, вздыхает: «Не знаю». Конечно, ему трудно выбрать: за что ни возьмется — все получается. У меня наоборот. Я тоже не знаю кем стать, но потому, что ничего толком не умею.

После уроков все, как угорелые, понеслись в школьный радиоузел. Там сегодня должны были установить коротковолновую передающую станцию. Я тоже побежал, не выдержал, хотя и говорил себе, что ноги моей в радиорубке не будет. Из-за этой самой станции наш класс не поехал в Ленинград. И вообще противно вышло...

В первой четверти мы собирали макулатуру. Все классы соревновались, и директор Василий Ефремович объявил, что класс-победитель будет награжден поездкой в Ленинград. Тут было из-за чего постараться. Мы перетряхнули весь поселок, но наскребли всего килограммов семьдесят. У других было по сто. Конечно, обходить квартиры и собирать по листку, много не наберешь. Надо было что-то придумать. Эту макулатуру я видел даже во сне. Будто поднимаюсь по лестнице на чердак нашего дома, а там горой лежат старые конторские книги. Огромные фолианты. Тяжелые, как железобетонные панели. Хочу поднять и не могу. Бегу позвать кого-нибудь на помощь и просыпаюсь. И тут я вспоминаю про мамину подругу Веронику. Она библиотекарь в санатории и как-то жаловалась маме, что не может получить машину вывезти списанные газеты и журналы. Побегал к ней, голос дрожит, спрашиваю:

— Дали вам машину?

А она радостно:

— Как-будто дают. Обещали завтра прислать.

Я посмотрел: этих списанных журналов и газет в углу целая гора. Чуть не бухнулся ей в ножки:

— Вероника Дмитриевна! Не надо вызывать машину! Мы вам сегодня же все помещение очистим!

— Смотри, — предупредила Вероника. — Если я от машины откажусь, мне ее больше не дадут!

Я обошел наших. Всем классом притопали в санаторий и до самой ночи таскали бумагу на школьный двор. Утром взвесили, оказалось больше трехсот килограммов. На торжественном собрании директор сам объявил, что наш 7-б как победитель соревнования награждается поездкой в Ленинград. Мы уже план поездки составили, купили путеводители. И вдруг, здарсьте-пожалуйста, у Василия Ефремовича появилась возможность купить для школы эту передающую станцию, и мы никуда не поехали.

— Надо жить интересами всей школы, а не только своего класса, — сказал директор. — Ни в одной школе города нет такой радиостанции. Работая с ней, вы получите много полезных знаний, а также специальность, которая вам может пригодиться в жизни. Что касается поездки в Ленинград, — он почесал мизинцем лысину, — переживать из-за нее не стоит. Вам еще представится случай побывать в этом чудесном городе!

Все так. Сам понимаю, что школьная радиостанция — это вещь. И все равно противно.

В радиорубку не пробьешься, но из коридора станцию хорошо видно. Ничего особенного: серый металлический ящик с рычажками и ручками. Всем хотелось увидеть станцию в действии, но Гена Слюсарев из 8-в (он заведовал радиоузлом) сказал, что

в эфир можно выходить только в строго отведенное для нас время, чтобы не нарушить радиосвязь с кораблями и самолетами. У станции есть свои позывные, и все, кто примет их в разных концах мира, будут присылать к нам в школу письма.

Борька Шиян спросил:

— Интересно, сколько стоит такой сундук?

— Точно не знаю, — ответил Слюсарев, — но дорого, тысячу или две.

А что, если станцию стащат, подумал я. Вот будут дела!

А может быть, мне это кажется теперь, что я тогда так думал? Во всяком случае мне и в голову не приходило, что пропажа этой станции будет иметь для меня такое значение.

Оркестр репетировал в актовом зале. Руководителя оркестра еще не было, и мальчишки носились по всему залу, засовывали друг другу в трубы тетрадки или оглушали невообразимыми трелями. Только флейтист сидел в углу за роялем и сосредоточенно выводил мелодию. Жека Скворцов показал нам трубы и сказал, что мы должны решить, кто хочет играть на альтушке (маленькая труба калачиком), а кто на басы (здоровый удав). Я сказал, что выбираю альтушку, Косте достался «удав». Но потом я подумал: как же он, маленький, потащит на парад такую громадину? И уступил альтушку Косте. Нам не терпелось попробовать свои силы. Жека показал, как нажимать клапаны. Костя попробовал — вышло прилично. Я залез в своего «удава» и так рявкнул, что все в зале вздрогнуло и обернулось в мою сторону. Вот это труба так труба! Хорошо, что я выбрал бас!

Пришел руководитель, маленький, розовощекий солдат. Все его называли Пашей. Он смущенно

смотрел на перевернутые стулья, разбросанные инструменты и ждал, когда установится тишина. Оркестранты по-прежнему носились по залу и Паша поддразнивал нас с Костей. Он сказал, что приказом директора мы зачислены в оркестр и должны два раза в неделю посещать репетиции. Еще он сказал, что в оркестре все ребята уже играют и нам надо поднажать. На альтушке и баса играть нетрудно, к тому же нам поможет такой опытный музыкант, как Скворцов. Жека нарисовал ноты и показал, как их брать на наших инструментах. Мы стали пробовать, приспосабливаясь к своим трубам.

Оркестранты понемногу успокоились, и Паша предложил:

— Давайте ребята, разомнем губы!

Оркестр несколько раз сыграл гаммы, а потом неожиданно стройно «На сопках Манчжурии». Сколько раз я слышал этот вальс по радио и на концертах, но никогда он мне не нравился так, как тогда, на репетиции. Раньше я слышал весь оркестр сразу, как один инструмент. А теперь каждый инструмент в отдельности, каждый звук, и все это уже во мне сливалось в общую мелодию. Хотелось быстрее прижать к губам трубу и соединиться со всем оркестром. Мы сидели с Костей счастливые, улыбались, оглядывались на ребят. Неужели и мы когда-нибудь сможем вот так? После вальса оркестр сыграл «Марш победы», потом Жека и еще один из восьмого исполнили на флейтах какую-то пьесу, а дальше каждый играл в отдельности — отрабатывали куски. Я никак не мог привыкнуть к басу и сам вздрагивал, когда он рывкал. Ноты прыгали, как кузнечики.

Эх, скорей бы наступило 1 мая! Здорово будет пройти с трубой в руках хотя бы квартал. Я уже ви-

дел дома, украшенные флагами. Оркестр гремит впереди колонны, и я гордо вышагиваю с самой большой трубой. А с тротуара Наташа восторженно смотрит на меня и машет цветами.

Глава III

КАК Я ВЛЮБИЛСЯ В НАТАШУ

Мама все никак не могла налюбоваться на пятерку по алгебре. Сейчас у нее можно было просить все, что угодно, но мне ничего не хотелось. Здорово все-таки жить, когда у тебя полный порядок! Жаль только, редко это бывает!

Уроки я сделал за сорок минут. И не как-нибудь, шалаяй-валяй, а с удовольствием. Потом порылся в книгах. На полке у меня страшный ералаш. Книжки на испанском, немецком, французском, итальянском. Мать просто трясет, когда она видит, что я принес новые книги.

— Для чего тебе эта дребедень? — спрашивает. — Ни одного же языка не знаешь!

— Согласен. Но мне хочется знать все эти языки.

— Ну, а самоучителей зачем столько накопил? Самоучитель игры на гитаре, на баяне, по стенографии, фотографии, справочник радиолюбителя, справочник фельдшера, справочник электротехника. Ты что, всем этим будешь заниматься?

— Буду!

Мама посмотрит на меня, как на безнадежно больного, и махнет рукой.

— Хоть бы расставил их по порядку и пыль стер! На городской свалке легче что-нибудь найти, чем у тебя на полке!

Я не спорю. Матери ничего не докажешь. Стоит ей сделать у меня уборку, сложить все книги в аккуратные стопочки, навести блеск, — и комната становится чужой. Входить не хочется. А вот такой захламленной я свою комнату люблю. Сажу, читаю, копаюсь в журналах или смотрю в окно, и мне никогда не скучно. Мама заглянет:

— Ну, что сидишь в четырех стенах? Пошел бы, подышал свежим воздухом.

На улицу меня не тянет. Может, я такой «домашний» (мамино выражение) потому что в младших классах часто болел, и привык сидеть в одиночестве, читать. Как только подумаю, что дома меня ждет интересная книга, от радости и нетерпения даже кружится голова. Скорей бы попасть в свою комнату, содрать с себя форму и бухнуться на диван с книжкой в руках! Ничего мне больше не надо! Давно, еще в детстве, я пытался представить, что бы я делал, если бы вдруг стал царем? И всегда у меня получалось одно и то же. Я приказываю собрать в мой дворец со всего мира самые интересные книжки и читаю с утра до ночи. Теперь я мечтаю быть библиотекарем, как Костина мама. Только и там много не считаешь: надо разговаривать с читателями, заполнять карточки. А, может быть, есть такая работа, где можно целый день читать книжки? Обязательно есть.

Я взял «Три мушкетера» и устроился поудобней. Но за стеной мама говорила по телефону со своей подругой Вероникой. Я никак не мог сосредоточиться. Созваниваются они каждый день и говорят по часу.

Можно подумать, у них куча проблем. Ничего подобного. Каждый раз говорят об одном и том же: стоит ли Веронике выходить замуж за одного типчика, которого зовут Миша. Этому Мише лет сорок, да и Веронике не меньше. Она только говорит, что у нее в паспорте ошибка. Я вообще не понимаю, зачем таким старым жениться. А уж если решили «остаток дней провести вместе» (как выражается мама), чего тянуть? Так нет, уже года два мамаша с Вероникой обсуждают характер этого Миши, его материальное положение, манеру одеваться и все, все, все. После Миши принялись за Антонину Ивановну (Наташину маму), обсудили ее «беспочвенные притязания на роль первой дамы нашего поселка». Только мама положила трубку, позвонила Антонина Ивановна. Теперь досталось Веронике, которая в последнее время ужасно располнела и вообще не умеет одеваться.

Кажется, говорят, они себе, ну и пусть. Мне-то что? Но вот не могу! Бесят меня эти разговоры, жуткое дело!

Наконец мама распрощалась с Антониной Ивановной и загремела кастрюлями на кухне. Теперь я мог спокойно читать, но настроение пропало. Я пошел к маме на кухню поболтать. Раньше мы просиживали часами, но в последнее время разговор у нас не клеился. Вот и сейчас. Только я устроился на кухню, мама спрашивает:

— Ну, как Ната? — Тон, как у заговорщика: мол, ты ничего мне не рассказываешь, но я-то в курсе.

— Все о'кэй!

— Что — о'кэй? — Голос моментально стал на тон выше. — Не можешь ответить по-человечески?

— А что отвечать? Ты же спрашиваешь так... Поговорим лучше о чем-нибудь другом. (Ненавижу, когда мать говорит со мной о девчонках, а ее так и тянет).

— Вот чадо вырастила! Я у него как у человека, спросила...

— И я тебя, как человека, просил не говорить со мной на эту тему!

Мама надулась, выключила утюг. Сейчас начнет плакать, подумал я. И точно. Кончик носа моментально покраснел и по нему побежала слезинка. Дернуло же меня придти с нею разговаривать!

— У всех дети, как дети, — запричитала мать, — всем делится со своими родителями. Вот и Валера Шуст..., а ты... — И понеслось.

Такое весь день у меня было хорошее настроение. И на тебе... Я пошел на попятный.

— Не надо, мам, со мной говорить о девчонках! Пусть этот Шуст заливает своей бабушке, сколько хочет, а мне это не нравится!

Я чмокнул мать в затылок. Она посмотрела на меня мокрыми блестящими глазами и завела свою любимую пластинку:

— Ну посмотри, на кого ты похож! Молодой человек, а такой неопрятный — штаны жеванные, весь зарос... Нельзя же так. Сходи, наконец, в парикмахерскую!

— Мам! Завтра! Сейчас я лучше в кино!

— Всегда у тебя завтра. Три месяца в парикмахерской не был. — Она поворчала еще немного, но деньги на кино выдала.

Сначала я действительно направился в кино. Но по дороге встретил Инну, старшую сестру Наташи.

Она мне кивнула, чуть-чуть улыбнулась и прошла мимо. Стало почему-то весело. Я почувствовал, что во мне начинает звучать музыка, точно такая же, как в фильме о целинниках. Я его недавно смотрел. И там есть место, когда Он уже стал бригадиром, берет для анализа горсть зерна и вдруг видит Ее. Они бегут друг другу навстречу через все поле и звучит какая-то бешеная ликующая музыка. Я уже не шел, а мчался, размахивая руками.

Инна совсем не похожа на Наташу: высокая, тонкая, длинноногая. На ней ярко-зеленое мохнатое пальто с блестящими пуговицами. Кто ни идет мимо, обязательно оборачивается. Неужели и Наташа будет такой красивой? У меня тогда не хватит смелости пройти с нею даже несколько шагов!

В поселке об Инне говорили всякое. Я сам несколько раз видел ее в машине Мельникова. А это такой типчик! С ним хорошая девчонка не поедет. Почему-то как увижу ее в Мельниковской машине, портится настроение. Хотя что мне до Инны. Просто Наташина сестра. Вот подумал об этом и остановился, как будто что-то потерял. Ах, да я же проскочил мимо кинотеатра. Повернул назад, но у кафе «Спорт», рядом с кинотеатром, стояли Борька Шиян, Эд, Стенли и другие ребята. Вся эта компания каждый вечер собирается у кафе «Спорт». В поселке их так и называют «спортсменами». Не пойму, что за удовольствие торчать весь вечер у входа в кафе, хлопать друг друга по спине, притворяться пьяными, задевать прохожих? Не хотелось с ними сталкиваться, пристанут: «Дай двадцать копеек!» — Попробуй не дай. Да и в кино особо не тянуло. День сегодня теплый, солнечный, почти весенний. Скоро понаедут из города снимать дачи, потом прилетят птицы и наступит

весна. Загудит наш поселок, закружится. ... Ну, нет, о лете лучше не думать! Размечаешься, а потом посмотришь вокруг: деревья черные и учиться еще целых две четверти. Зимой лучше о лете не мечтать!

Я свернул в парк. Здесь было тихо и сыро. За деревьями мурлыкало море. По обеим сторонам аллеи мерзли гипсовые спортсмены. Яркие, заколоченные киоски почему-то нагоняли тоску. Вот павильон климатолечения — другое дело, только его увижу, становится весело. Ничего особенного в этом здании нет — двухэтажное, с длинными застекленными галереями. Но в этом доме я заработал свой первый рубль!

Было это года два назад, весной. С утра так разболелась голова, что меня отпустили с уроков. А когда вышел из школы, головная боль сразу же прошла. Возвращаться я, конечно, не стал и решил побродить по парку. Чтобы не налететь на мать, прошел проходным двором, потом по длинному темному коридору, выбежал на улицу и чуть не попал под танк. Настоящий! Огромный! С фашистским крестом! Катит прямо на меня, гусеницами по асфальту грохочет. Оглянулся, а на углу эсэсовец в черной форме. Кулак мне показывает. Тут я не выдержал, бросил портфель и побежал вдоль ограды парка. Вылетаю на площадь перед павильоном климатолечения, а там фашистов видимо-невидимо. Стоят вокруг легковой автомашины, гогочут. На машине что-то вроде капитанского мостика и человек с трубой, наверное, генерал ихний. Увидел меня и кричит:

— Бригвадзе! Это еще что за мальчишка? Убрать немедленно! — За мной побежал усатый в штатском. Генерал прогудел:

— Все сначала! Повторяем!

Танк развернулся и нехотя уполз за угол парковой ограды. Усатый схватил меня за плечо, спрашивает:

— Стекла бить хочешь? Рубль получишь!

— Какие стекла? Я ничего не бил!

Усатый стал объяснять:

— Здесь снимается фильм. Танк этот захватили наши военнопленные. Они стреляют по немцам и из окон должны лететь стекла. Возьми вон в той куче камень... Зачем так много? Хватит одного. Пойдем, покажу твое стекло.

Усатый повел меня на второй этаж павильона климатолечения и показал на красивое высокое окно.

— Как только я дам знак — бей! Ясно?

Я оглянулся. У трех окон справа тоже стояли мальчишки из нашей школы. Два окна слева были не заняты. Внизу по площади загромыхал танк. Усатый скомандовал:

— Ребята! Внимание!

От волнения у меня руки задеревенели и вдруг мое окно сказала: дяк! — и посыпалось на тротуар. Усатый бросился ко мне, но в это время раздались автоматные очереди, забухал танк и Бригвадзе скомандовал:

— Ребята! Бей!

Мальчишки мгновенно выбили свои стекла и закричали «ура». Я тоже закричал «ура» и выбил два соседние окна. В одном еще торчал недобитый угол. Я размахнулся, но тут все стихло, человек с рупором объявил:

— Перерыв!

Усатый тряс меня за плечи:

— Ты что сделал? Кто тебя просил еще два окна выбивать? Знаешь, сколько они стоят?

К нам подбежал симпатичный парень в эсэсовской форме, отдал мой портфель:

— Брось, Бригвадзе, искусство требует жертв!

Усатый вытащил из бумажника несколько новеньких, хрустящих рублей и стал раздавать их ребятам. Мне он сунул не глядя.

Я зажал рубль в кулаке и нес его, как флаг. Пусть теперь кто-нибудь скажет, что я не заработал ни копейки! Бывают же такие работы — и весело, и легко, и деньги платят! С тех пор я просматриваю все объявления на доске. Но пока ничего подходящего не видел. Не знаю, смогу ли я хоть где-нибудь работать?! Я же ничего не умею делать. Абсолютно! Попросит меня мать вколотить гвоздь, так я вывалю половину стены. Вон Семка Булкин. Из двоек не вылазит, а сам сделал стол, не хуже фабричного, и радиоприемник. Такому не страшно, если даже выгонят из школы. Он работу найдет.

Когда я подошел к холму, на котором летом кружилась карусель, во мне снова зазвучала та самая музыка из фильма о целинниках. Теперь мне уже казалось, что я встретил не Инну, а Наташу. Она хотела остановить меня, что-то спросить, но так и застыла пораженная. *Да, и было отчего! Ей навстречу во весь опор на вороном коне мчался прекрасный всадник. Слышался топот погони и беспорядочная стрельба. Он был ранен. Из-под белой повязки пробивалась на щеку алая струйка крови. Погоня была все ближе и ближе. Вдруг вороной взвился и рухнул на тротуар. Юноша лежал без сознания. Наташа бросилась к нему, заглянула в лицо:*

— Юра! Что с тобой? Как ты сюда попал?

Но юноша не успел ответить. Подъехала машина

с надписью «Кино». Из нее выскочил лысый толстяк с пушистыми усами.

— Ну, Юра, ты сегодня просто великолепен! Можно обойтись без дубля.

Что за чепуха все время мне лезет в голову. Наверное, я сумасшедший! Подойдет ко мне Наташа, спросит самое пустяковое. И я уже не я, а мушкетер, знаменитый разведчик или ученый. Как загну ей что-нибудь невпопад! Она посмотрит на меня, пожмет плечами и уйдет. Эх, дать бы себе затрещину покрепче! Но разве поможет!?

С другими девчонками говорю — все нормально. А с Наташей ничего не получается: или слова из себя выдавить не могу, пыхчу, ругаю себя последними словами, а язык будто отнялся, или вдруг начинаю хохотать, как идиот.

Как хорошо было раньше, когда я влюблялся во всех девчонок в нашем классе! Сегодня в Клименко, завтра в Аносову. В каждой девчонке есть что-нибудь красивое! Первой, кажется, была Клименко. Вышло все случайно. У наших соседей на первом этаже охотничья собака. Она лежала на подстилке. Под мордой у нее ползали пухлые, теплые щенята. Мамаша лизала своих детенышей и тревожно поглядывала на нас. Я видел эту собаку каждый день, но впервые заметил, какие у нее красивые глаза. Они были совсем человечески: темные, тревожные, ласковые. Тогда я подумал, что у Люды Клименко точно такие глаза, и влюбился в нее. Несколько дней, когда Люда смотрела на меня, я себя чувствовал теплым, мохнатым щенком, и хотелось взвигнуть от радости. Потом я влюбился в Веру Спиридонову. Она очень красиво бежала стометровку на уроке физкультуры. Потом в Надю Куракову. Она всегда такая чистенькая,

аккуратная, с туго заплетенными косами и бантом на макушке. Так я влюблялся во всех девчонок в классе, даже в Крякину. Она ужасно некрасивая: длинная, нескладная, с желтыми пятнами на лице. Крякина часто болеет, ни с кем не дружит и на переменах всегда сидит за своей партой. Однажды я заговорил с ней и обалдел — такая она умная. Крякина показала мне тетрадь, в которую она записывала высказывания разных писателей, великих людей. Все девчонки собирают песенки, портреты киноактеров — всякую такую дребедень. А вот Крякина — мысли. Я целую неделю был в нее влюблен, перерыл нашу домашнюю библиотеку, отыскивал для Крякиной афоризмы.

А как влюбился в Марченко, не помню. Кажется, это было прошлым летом. Мы с Костей шли с пляжа и встретили Наташу, загорелую, в ярком платье с огромными лилиями. Мы втроем целый день бродили по поселку, болтали, а потом Наташа сказала, что знает одну клубничную плантацию. Сейчас ее никто не охраняет. Мы подождали, пока стемнеет, перелезли через забор, постелили газету, уселись и ну лопать клубнику. Но тогда я в Наташу еще не влюбился. Через месяц или два я смотрел фильм про парня, которому не везло в любви. Парень мучился, что у него никого нет. И я подумал: как хорошо, что у меня есть Наташа. С тех пор стоит мне ее увидеть, как во мне начинает звучать что-то похожее на гаммы или морской прибой, равномерное и шумное. И странно, Наташу я стал видеть не такой, как тогда, колом с кудряшками, а тихой, всегда грустной длинношейей былинкой.

Я давно уже вышел из парка, сделал порядочный крюк и очутился около своего дома. Наташа жила в

полквартале от меня, на другой стороне улицы. Сколько раз я давал себе слово не шататься к ней каждый день, но удержаться не мог. Решил, найду, скажу, что не записал домашнее задание.

Но вдруг стало страшно переступить ее порог, заговорить с ее родителями, сестрой. Я топтался на тротуаре и мечтал: вот бы проехать мимо ее дома на коне в гусарском мундире и с саблей наголо. И так ярко представил себе эту картину и Наташино восхищенное лицо, что заулыбался до ушей. Вот дурак! Самому стало стыдно. Хорошо еще никто не научился читать чужие мысли!

Я уже хотел уходить, когда увидел ее. Наташа подошла к окну и помахала, приглашая зайти. Во мне взревел духовой оркестр. Исполнялся тот самый кусок из фильма. Я сорвал шапку и хотел изящно, как истинный мушкетер, поблагодарить даму за приглашение, но услышал:

— Чего встал на дороге, как чурбан?

Дядька в серой каракулевой папаше тащил стиральную машину. Но физиономия у меня, наверно, была такая счастливая и глупая, что дядька сам улыбнулся и, как бы извиняясь, сказал:

— Все руки оттянула проклятая!

— Давайте я вам помогу! — неожиданно предложил я.

— Вот спасибо, — обрадовался дядька, и мы потащили машину вместе. Помощник я был так себе: то забегал вперед, то отставал, то сталкивал партнера с тротуара. Дядька удивленно поглядывал на меня. Он-то думал, что я несу стиральную машину. А я танцевал с Наташей вальс.

МОЖНО ЛИ ПРОГЛОТИТЬ ДНЕВНИК?

Погода в нашем краю очень неустойчивая. А почему? — спрашивал географ. — Потому, что у нас климат морской, — отвечали мы хором. И точно. Вот только вчера было тепло, клочка снега нигде не видно. А сегодня утром вышел — под ногами скрипит. Вокруг все белым бело. И воздух звенит. А, может, это в ушах звенит? Страшно до них дотрагиваться: вдруг отломишь! Кто-то уже накатал длинные блестящие дорожки. Стоит только хорошенько разбежаться и несешься полквартала.

Сегодня в школу опаздывать страшно — первый урок география. Ведет ее сам директор. Голосище у него будь здоров, гаркнет — даже в подвале слышно. Дядька он представительный: высокий, плечистый, подтянутый, с широкой пролысиной, которую он время от времени почесывает длинным ногтем мизинца, жмурясь при этом. Мамаши от него без ума. Я не раз слышал от своей:

— Василий Ефремович такой обходительный! И что ты на него наговариваешь?

Она восторженно рассказывала, как Василий Ефремович, шаркая ножкой, помог ей снять пальто, и долго мурлыкал о моих способностях, а потом еще дольше сокрушался по поводу моего поведения.

Я его не люблю. Факт. Но учитель географии он классный. До школы Вася был офицером, много ездил. Начнет рассказывать о Дальнем Востоке, например, какие там звери, климат, обычаи, и кажется, что сам ты побывал на Амуре, все это видел и теперь вспоминаешь. Но больше всего мне нравится,

что на его уроках чувствуешь себя великаном. Ведь наша планета в смысле природы устроена неважно. В одних местах ливень идет по полгода, в других — не выпадает ни капли дождя. Так и хочется переделывать мир! Может быть, изменить направление рек?

Я спросил об этом Васю. Он сказал, что изменять природу нужно очень осторожно. Любые изменения влекут не только положительные последствия, но и отрицательные. Например, построили на Волге комплекс гидроэлектростанций и заводов, потребляющих много воды, и мелеет Каспийское море. Сейчас приходится решать проблему его обводнения.

А через неделю Вася рассказывал о строительстве Каракумского канала, о том, как преобразится мертвая пустыня, станет цветущим садом. И я подумал: интересно, а что в этом случае может быть отрицательного? Задал ему вопрос. А он вдруг:

— Почему ты не можешь себя вести так, как все? Вертишься или лезешь с глупыми вопросами! Все учителя на тебя жалуются.

Не знаю, что его так разозлило. Наверное, был не в духе. Ничего обидного я не сказал. Меня тоже заело, но я сдержался.

— Что ты там бормочешь? — спросил директор.

— Так, вспоминаю одно изречение.

— Ну-ка, скажи!

— Не бывает глупых вопросов, а бывают глупые ответы! — пробурчал я не очень уверенно, но достаточно громко.

Ох, и малиновый он стал!

— Вон из класса!

Я вышел и в коридоре уже придумал, как нужно было ответить Васе. «Не могу я сидеть на уроках, как чурбан! Интересует меня урок — задаю

вопросы». Только хорошие ответы мне приходят в голову слишком поздно.

Сегодня Василий Ефремович был явно не в духе. Он промаршировал к столу и окинул орлиным взором наши нестройные ряды. Приветствие директору не понравилось. Второй раз все поднялись ровно, но со страшным грохотом. В третий раз вышло тоже не блеск. Вася поморщился, но разрешил нам сесть. Он промчался по классу, проверил, как мы разместили на контурных картах полезные ископаемые, и вызвал меня к доске.

Я поднялся и не спеша побрел. Вася любил, когда выходят строевым шагом, вытягиваются в струнку, барабанят ответ и докладывают: «По первому вопросу все!» Я это знал, только попробуй помаршируй, когда проход между партами сантиметр, а ноги у меня, как у жирафа. К тому же Семка Булкин скорчил такую рожу (он по этой части большой специалист), что я врезался в его парту. Потирая ушибленную ногу, кое-как я добрался до учительского стола. Вася посмотрел на меня критически:

— Ты куда это, Алехин, направляешься, на прогулку или урок отвечать?

— Урок отвечать.

— Вот и выйди, как положено. И вообще что у тебя за вид? Штаны висят, бок измазан мелом, да и в парикмахерской, наверное, не был уже полгода.

Я вернулся на свое место, поднялся и попробовал изобразить строевой шаг. Эта обезьяна Булкин снова сделал мне «козью морду». Я старался не смотреть на него, глядел на пол, как он, словно эскалатор, ползет мне навстречу. Но все-таки я не выдержал. обернулся к Булкину, наступил на свой шнурок и

славно так, во все свои метр семьдесят шесть, растянулся в проходе между партами.

Василий Ефремович подбежал ко мне:

— Что еще случилось?

— Конь о четырех ногах, и тот спотыкается! — прокомментировал Жека Скворцов.

На тыльной стороне ладони показалась кровь. Я старательно растер эту каплю по лицу и встал.

— Ну и слон же ты! — примирительно сказал директор, посмотрел на мою размалеванную кровь физиономию. — В следующий раз ответишь. Беги сейчас в медпункт.

Медсестра протерла мне лицо и руки, накрутила целый рулон бинтов. В прекрасном настроении я отправился гулять по школе. Из-за дверей доносились хриплые голоса учителей и монотонный рокот классов. Каждый класс гудел по-своему. Самыми тихими были младшие классы, но почему-то именно там учителя кричали громче.

Я старался вспомнить, каким я был в младших классах, и не мог. Наверное, было то же самое: двойки, записи в дневнике, вызовы родителей в школу, обещания исправиться в новой четверти. Неужели я столько лет учусь!? Да, две трети уже позади. Но впереди еще тринадцать четвертей, три с половиной года!

Прозвенел звонок и по коридорам понеслись мальчишки, поплыли под ручку девчонки; делают вид, что увлечены разговором, а сами все время оглядываются, не смотрит ли кто на них. Самое приятное в школе — это перемены. Жаль только, что они такие короткие.

Валерка Шуст увел нас с Костей в темный угол коридора.

— Есть идея! — прошептал он таинственно. — Начать голодовку!

— Для чего? — удивился Костя.

— В лечебных целях. — Валерка жестом предупредил наши возражения. — Произойдет полная перестройка организма. Голодать нужно определенное количество дней в зависимости от болезни. У меня есть книжка и в ней таблица. Я подсчитал, что лучше всего голодать 36 дней.

Я не слушал. С виду Валерка похож на штангиста, но уверяет, что болезней у него больше, чем в медицинской энциклопедии. Сколько я его помню, он все время говорит, что вот-вот умрет. А потом оказывается, что он был при смерти, но выжил благодаря какому-то новому средству. Мне кажется, насчет своих болезней Шуст загибает. Он живет с бабушкой. Вот она больна — факт. Каждый день сидит в поликлинике. Валерка у нее и нахватался.

— А как же школа? — удивился Костя. — За 36 дней, знаешь...

— В книжке написано, что при лечении голодом не рекомендуется лежать в постели. Нужно жить, как обычно, только ничего не есть.

Поесть я люблю. От всех этих разговоров мне стало жутко тоскливо и захотелось сейчас же чего-нибудь пожевать.

— Попробуй не поешь! — сказал я. — Через неделю на кладбище отпавишься! И вообще, зачем это нам надо?

Но Костя неожиданно принял сторону Шуста:

— Я тоже где-то читал о лечении голодом. Как будто в Москве открыли специальную клинику...

— Ну и что? — не сдавался я. — Пусть лечится, кому надо! Но мы же не больны!

— Откуда ты знаешь? — возмутился Валерка. — Вон у нас в соседнем доме парень 26 лет, неделю назад женился и через три дня умер. Говорят, рак. Хуже от голодания не станет. Не понравится — бросим.

— Может быть, и в самом деле попробуем, — предложил Костя. — Что нам стоит? На одних завтраках сколько сэкономим. Купим себе что-нибудь дельное.

— К тому же при голодании изменяется к лучшему не только организм человека, но и весь его психический строй. Человек становится совсем другим, — убеждал Валерка.

Вот чудак! С этого и надо было начинать! Я готов сделать, что угодно, только бы стать другим.

Решили начать с сегодняшнего дня. Вот только как уговорить родителей? Валерка вздохнул и рассказывал, что наши организмы перестроятся, станут более жизнеспособными, освободится масса энергии и в следующей четверти мы обязательно станем отличниками. Нажимал он в основном на меня. Сам Валерка и Костя учатся хорошо и без голодания.

Я представил себя отличником. Какой фурор это вызовет в классе? Наверное, Марченко тогда будет за мной ходить, как хвостик. От этих мыслей у меня даже закружилась голова. А может быть, это от голода? Первые приступы? Правда, позавтракал я плотно, но это было утром. Сейчас же я вдруг почувствовал, как испаряются мои силы, и не знал, смогу ли подняться из-за парты на следующей перемене. Когда же прозвенел звонок, я сразу забыл о голодании и вместе с другими мальчишками выбежал во двор.

Оказывается, кто-то залил школьный двор, и

несколько ребят катаются на коньках. Остальные смотрели на них с завистью. На большой перемене я, как был — без шапки и пальто, побежал домой за коньками. Мать раскричалась, увидев меня раздетым, да еще с перевязанной рукой. Но я соврал что-то на ходу про урок физкультуры, схватил коньки и назад. Успел впритык, к самому звонку. Был урок черчения. Учитель Леонид Леонтьевич, тихий старичок в сатиновых нарукавниках, туговат на ухо. Несколько человек этим воспользовались, стали точить коньки. Временами в классе стоял шум, как в слесарной мастерской. Леонид Леонтьевич удивленно поднимал седые брови и все стихало. Через несколько минут, как кузнечики в траве, под партами снова заводили свою песню напильники.

На перемене Семка Булкин снабдил меня инструментом. Я быстро наточил коньки, стал зашнуровываться.

— Ты что, спятил? — уставился на меня Булкин. — Сейчас будет алгебра! А вдруг Дина вызовет?

— Не вызовет. Я только вчера получил пятак!

На уроке я все время вертелся, узнавал время и представлял, как вместе со звонком я первым вылетаю на коньках во двор. Набираю скорость, мчусь по льду. Вперед, вперед! Разве тут услышишь, о чем говорит Дина Израилевна. Очнулся я, когда она дотронулась до моего плеча.

— Что с тобой, Алехин? Я тебя в третий раз вызываю!

Все с любопытством смотрели в мою сторону.

— Можно мне отвечать с места? — попробовал выкрутиться я. — У меня нога болит.

— Что у тебя с ногой? — забеспокоилась Дина Израилевна.

Надо было врать дальше. Я бы выкрутился. Точно. Но стало стыдно. Я с грохотом заковылял к доске. Дина Израилевна просто остоленела, увидев меня на коньках. В классе поднялся дикий хохот. Весь красный я качался у доски, вот-вот растянусь!

— Интересный способ лечения! — пришла в себя учительница. — От каких же болезней он помогает?

— От всех! — не удержался Жека Скворцов. — Спорт — универсальное средство!

— Неси дневник! — приказала Дина.

Я загромыхал к своей парте, но учительница остановила меня.

— Реши сначала пример! Дневник передашь после.

Пример был почти такой же, как и в домашнем задании. Я преспокойно его решил, но легче на душе не стало. Я вспоминал клятву: стать в третьей четверти другим человеком... И вот на второй день занятий маму снова вызовут в школу, меня к директору, а там и на педсовет...

Вот за что я не люблю школу! Идешь, как по канату, и в любую минуту можешь сорваться! Не знаешь даже, на чем! Но сегодня мне не на что было обижаться! Сам виноват! Только от этого не легче. Наоборот.

Очутившись за партой, я переобулся, взял дневник и стал ждать. Что делать? Проглотить дневник или встать перед учительницей на колени? Ничего это не даст. Надо ломать себя. Но как? Может быть, поможет лечение голодом? Обязательно начну голодать.

После звонка дрожащей рукой я подал дневник.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросила

учительница, пряча классный журнал в переполненный портфель.

— Что уж тут говорить! — выдохнул я.

Дина Израилевна вскинула голову с реденькими седыми волосами, посмотрела на меня внимательно поверх очков и молча отдала дневник. Мне хотелось схватить ее на руки и закружить! Или быть таким же стареньким, таким же добрым и влюбленным в математику. Наверное, она счастливый человек! Почему-то раньше мне это не приходило в голову.

Глава V

БУДЕМ РАЗВИВАТЬСЯ ГАРМОНИЧНО

Я почувствовал прилив сил. Сейчас я мог переломить себя и стать другим человеком. На каток решил не ходить. Дома сразу же сел за уроки. Вечером завернул в библиотеку поболтать с Костей, полистать журналы. Но библиотека была закрыта по случаю санитарного дня. Домой к Косте заходить постеснялся. Не люблю, когда в доме много девчонок. А у Кости три сестры, и все спортсменки. Костю мальчишки пальцем боятся тронуть. Сестры за него могут так отомолотить, что мама с папой не узнают. Дома все ходят за ним гуськом, глаз с него не спускают. Никогда не подумаешь, что сестры неродные, а сводные.

Гулять сегодня не особенно приятно — холодно. Может быть, зайти к Жеке Скворцову? Нет, не стоит. Мамаша у него жутко шумная и говорит всегда с таким видом, будто вот-вот вцепится тебе в волосы. Лучше зайду к Семке Булкину.

Семка собирал проигрыватель и вся комната была завалена проводами, катушками, железками. Он уже давно увлекается электротехникой, собирает приемники величиной со спичечный коробок. Однажды, во время урока немецкого языка раздался какой-то шум, писк и вдруг совершенно четко: «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»

Немка от неожиданности даже потеряла дар речи. Семка поспешно выключил приемник. Но в классе все загалдели: «Включи! Включи! Это о запуске нового космического корабля! Ура-а!» Булкин пыхтел над приемником, но у него что-то не клеилось. Даже немка не выдержала: «Эх, ты!» Наконец, снова зазвучал голос Левитана. До конца урока и всю перемену мы слушали сообщение ТАСС.

Семка орудовал паяльником и болтал со мной. Инструменты и детали у него были под рукой, ничего не валилось на пол, и так все легко получалось, что хотелось взяться самому. Только для меня это дело гиблое. Сколько раз родители покупали мне всякие конструкторы — ничего не мог собрать. Прошлым летом плот сколотил, и тот утонул! По всем законам физики деревянный плот должен плавать, а у меня утонул!

Семка паял, прикручивал и постепенно из груды железок получалось что-то похожее на проигрыватель. Включил — вылетели пробки. Проверил схему, что-то перепаял, снова включил. Мотор заработал, но диск не вращается. Мы поставили пластинку, стали крутить пальцем — отлично выходит. Все слова можно разобрать. Булкин снова что-то припаял и диск стал вращаться. Но мне надоело. Если бы я ему мог помочь — другой разговор.

Домой возвращаться было рано, и я зашел к Валерке Шусту. С ним иногда интересно поболтать. Валерка очень нравится моей матери. Она все время мне твердит:

— Вот с кем тебе надо дружить!

— А чем Костя плох? Он учится еще получше Валерки!

— Все равно Костя не пример! Хотя ты и дружишь с ним, лучше учиться не стал. О поведении я уже не говорю. А посмотри, как Валера себя ведет! Зайдешь к ним, сразу же подаст стул, никогда не перебивает, всегда чистенький, аккуратный. А твой Костя, как и ты, наверное, чистит ботинки раз в год!

Иногда наши фазы с Валеркой совпадали, и мы каждый день ходили друг к другу. Но дружить с ним трудно. Никогда не знаешь, каким он будет завтра. Посмотрит фильм про какого-нибудь ученого, и на следующий день у Валерки блуждающий взгляд, отвечает невпопад или вообще не слышит — мыслит! Растолкаешь его.

— А? Ты меня? Извини, милый, не слышал...

По роже видно, что притворяется. Со мной так тоже бывает после книжки или фильма, поломаешься день — два и забудешь. А Шуст может целый месяц прикидываться.

Однажды он вообразил себя актером, где-то достал бороду, парик и стал орать на всю квартиру что-то очень торжественное и непонятное. Потом спрашивает:

— Ну, как, убедительно?

— Ничего, — сказал я, — кошек во дворе всех распугал.

— Кошек!? — Валерка гневно сверкнул глазами

(наверное, думал, что глаза у него огонь. А они у него щелочки, как у японца). — Кошэк, говоришь? Хорошо, увидишь.

Вечером он нацепил бороду, парик и сунулся в окошко станционной кассы.

— Деньги на бочку! — прохрипел Валерка.

Я сам видел, как у кассирши сразу же обвисли щеки и с них посыпалась пудра. Хорошо еще милицию не вызвала — успели удрать!

Теперь Валерка хочет стать физиком. Он покупает ученые записки, книжки о знаменитых физиках и все складывает в железный ящик с надписью «Совершенно секретно».

Когда я вошел в комнату, Валерка даже не посмотрел в мою сторону, продолжал расхаживать из угла в угол и бормотать:

— В человеке все должно быть прекрасно и душа, и тело, и ум ... — Я не знал, говорил ли он это мне или мыслил вслух. — В древней Греции одинаково чтили атлетов и философов. Изображения победителей олимпийских игр украшали дома, их ставили в комнатах беременных женщин, чтобы они рожали таких же красивых и сильных. И вот что самое удивительное, — Валерка остановился напротив меня. — Посмотри учебники по древней истории и ты увидишь, что греки были самые красивые люди. Буквально все. О культуре я и не говорю.

Валерка плюхнул мне на колени потрепанный том с иллюстрациями. Я стал рассматривать греков. Действительно, красивый народ. Красивы даже страшные боги. Но все они словно спят. Спят, бросая копье, спят, обвитые змеем, спят, опираясь на дерево. А может быть, они так ушли в себя, что уже ничего не

замечают? Эти греки знали, что ими будут любоваться, а пока любовались собой. Вот каким бы я хотел быть: красивым и безучастным, чтобы ничего не волновало, и всегда улыбаться, словно во сне.

Мы с Валеркой решили, что будем не только голодать, но и гармонично развиваться: займемся легкой атлетикой, я — музыкой, Валерка — драматическим искусством, будем тщательно следить за своей внешностью, манерами.

Мы вышли на улицу погулять и обсудить детали плана. Зимой у нас, правда, не разгуляешься. Поселок курортный: длинная, узкая полоса земли между рекой и морем. Всего три улицы. Речная — идет вдоль реки. Морская — вдоль моря. А посередине — Центральная. Все жители друг друга знают. Чуть забудешься, начнешь говорить громче, сейчас же кто-нибудь остановит и сделает замечание. Зато летом хорошо. Улицы полны шумными, нарядными дачниками, в парке гремит музыка, работают тир, карусель, кафе на каждом шагу. И так до конца августа. А там за два-три дня все уезжают, как по тревоге. И опять дачи стоят заколоченные, опять пустынно, холодно и тоскливо. Чувствуешь себя, будто на зимовье в Ледовитом океане, когда уходит последний корабль. Но скоро привыкаешь, словно этих дачников никогда и не было. Речка замерзает, и по ней на коньках можно мчаться до самого устья. Зимой у нас очень красиво! Чуть покачиваются высокие тонкие сосны, домики укутаны снегом, и тишина. Весной, в первое теплое воскресенье приезжают горожане. «Грачи прилетели», — шутят в поселке. Горожане месят грязь, стучат во все двери, снимают дачи. За зиму так привыкаешь к тишине, что с ужасом думаешь о летней толчее и удивляешься: неужто мне

было грустно, когда эти люди осенью уезжали? Да, странно устроен человек.

— Слушай, Валерка, для чего мы живем?

Шуст остановился, посмотрел на меня:

— Мы с тобой уже говорили на эту тему. Я думаю, чтобы оставить свой след на земле.

— Вот у тебя все ясно и просто, даже завидно. Ты знаешь, что хочешь стать физиком, открыть какую-нибудь частицу. А мне кем быть?

— Увлекаешься же ты чем-нибудь. Дина говорит, что у тебя математические способности.

— Математиком я не буду.

— Ну, тогда историком. У тебя одни пятерки.

— Просто мне нравится книжки читать по истории. Вот и все. И Николай Яковлевич хорошо рассказывает. Но всю жизнь заниматься историей? А вдруг окончу институт, стану работать и тогда пойму, что занялся не своим делом. Как тогда? Вся жизнь пойдет насмарку.

— Ерунда! Окончишь еще один институт! Образование никогда не помешает.

— Не так это просто. Вот мой отец мечтал быть журналистом, кое-что печатал... Но родители ему твердили: «Надо сначала стать инженером. Будет у тебя верный кусок хлеба, тогда пиши, пожалуйста». Сейчас он инженер, его ценят. Но я сам слышал, он не раз говорил, что лучше бы был голодным журналистом...

— Почему голодным? — возмутился Валерка. — Журналисты зарабатывают будь-будь! Посидит вечер, напишет статью и может месяц ничего не делать! — Валерка подняв шишку, прицелился и попал точно в отверстие скворечника. — Если твой

отец так любит журналистику, он может писать в свободное время.

— Когда у него свободное время? Электричкой на работу, с работы. На одну дорогу часа три уходит. Приедет домой, только и успевает прочесть газеты.

— Выходные-то у него бывают?

— Теоретически. Привезет целый портфель бумаг и сидит, проверяет, считает.

— Ну и глупо! На то он и выходной, чтобы отдыхать. Я бы на его месте сидел у себя в кабинете и писал статью. Никто же проверять не будет, чем он занимается.

— Отец говорит, что ничем не может заниматься наполовину. Если он инженер, то делает на своей работе не то, что положено, а все, на что хватает сил.

— Зайдем в парк, — предложил Валерка. — Сравним наши скульптуры с греческими.

Но пьедесталы стояли пустыми. Прошли дальше — ни одной статуи. Лишь в самом конце аллеи, почти на берегу моря, мы увидели машину, нагруженную ломанными скульптурами. Трое рабочих снимали одноногого «Дискобола».

— Дяденька! Что это вы делаете? — спросил я.

Рабочий смерил взглядом мой метр семьдесят шесть и ответил:

— Вот, тетенька, парк очищаем!

— Куда вы их повезете?

— На свалку! Куда еще?

— Можно мы одну скульптуру возьмем себе?

— Да хоть все! — засмеялись рабочие.

Они водрузили мне на плечи покалеченного «Дискобола». Он оказался совсем не тяжелым. Валерке досталась «Девушка с веслом». Счастливые мы от-

правились по домам. Выходя из парка, Валерка вытянул руку вверх и патетически произнес:

— Всемогущий Зевс! Прими нашу благодарность за эти дары!

Около кинотеатра мы расстались. Прошел я квартал. Все нормально. Встретил только двух старушек. Они подозрительно посмотрели на меня и на всякий пожарный перешли на другую сторону улицы. Картина, наверное, была что надо! Разбери в темноте: пьяного я тащу или убитого! Но вот у парикмахерской наткнулся на нашего участкового Тимошу. Это прозвище у него такое. Он Тимошин. Маленький, скуластый, черные усики торчат, как стрелки будильника, огромные темные очки — типичный разведчик из приключенческого фильма. Я решил, что лучше ему глаза не мозолить, и зашел в первый попавшийся двор.

Тимоша меня недолюбливал. В прошлом году в школе читали лекцию о бдительности. Лектор рассказывал, как один московский пионер поймал шпиона. Ехал этот школьник спокойненько в трамвае, вдруг, заходит милиционер и берет в автомате билет. Что-то здесь не так, подумал парнишка. Милиционерам разрешено ездить бесплатно. Словом, школьник сообщил, куда следует. Милиционера задержали, проверили, и он оказался шпионом. Пионеру дали медаль и написали о нем в газете.

После этой лекции мы стали такими бдительными, просто жуть. Следили за учителями, друг за другом, а я увязался за Тимошей. Уж больно у него подозрительные очки. Стал я за ним всюду шляться. Он ухаживал за нашей парикмахершей Ларисой. Пойдут они куда-нибудь, я за ними. Ждет он Ларису на улице, и я тут же. Стал Тимоша от меня прятаться.

Ну, думаю, поймал. Я уже хотел сходить к его начальнику побеседовать. Но Тимоша меня перехватил, взял за шиворот, злющий-презлющий, усы торчат, и шипит:

— Отвяжишь! Слышишь! Что ты за мной ходишь?

Я конечно, перетрусил, но все-таки спросил:

— Почему вы все время в темных очках ходите?

— Тебе-то что?

Больше я от него ничего не узнал. Но Лариса мне сказала, что Тимоша без этих специальных очков плохо видит. Больше я за ними не ходил, но чувствовал, что участковый на меня злится. В общем встречаться мне с ним не хотелось. Постоял во дворе, высунулся посмотреть на улицу, а Тимоша в воротах.

— Ты что это прячешься?

— Не прячусь совсем! Стою, отдыхаю.

— Устал, значит. А что ты такое тащишь? — Тимоша обошел меня вокруг, — потрогал «Дискобола». — Знакомая скульптура. Из парка, наверное?

— Из парка, — подтвердил я.

Участковый с сожалением посмотрел в сторону парикмахерской и приказал:

— Пошли в отделение.

— Мне разрешили ее взять. Честное слово, — вякнул я. Но сам почувствовал, что не очень убедительно.

— Пошли, пошли, там разберемся!

В отделении милиции Тимоша помог мне снять «Дискобола», положил его на пол, а меня усадил на скамью. Лейтенант оторвался от бумаг, посмотрел на меня, на Тимошу:

— Что еще?

— Вот, товарищ лейтенант, тащит скульптуру из парка.

— Мне разрешили, — запищал я таким тоненьким голоском, что самому стало противно.

— Кто разрешил? — поинтересовался лейтенант.

— Рабочие. Они все скульптуры в парке поносили.

— Хорошо, нечего сказать! — вмешался Тимоша. — Хулиганы бьют в парке скульптуры, а он, вместо того, чтобы заявить, помогает им.

— Не хулиганы это — рабочие! У них машина была!

Теперь я влип. Рабочие из парка давно уехали. Ищи их, свщи. Составят сейчас протокол, сообщат родителям, в школу. Доказывай, что ты не верблюд! Черт меня дернул связаться с этим «Дискоболом»! А, может быть, и в самом деле эти ребята были хулиганы!?

Лейтенант куда-то позвонил:

— Номера машины не помнишь?

— Нет, газик какой-то.

— Тимошин! Сбегай к сторожу. Он должен знать. — Лейтенант погрузился в бумаги.

Я вспомнил, что с утра ничего не ел, и меня стало подташнивать. Заболела голова. Было тоскливо до жути. И тут я обратил внимание на Мельникова. Он сидел в другом углу комнаты, здорово навеселе, крутил пачку американских сигарет, видимо, не решаясь закурить. Я уставился на него. Еще бы! Вот человек, который нравится Наташиной сестре! Да, в него можно влюбиться. Он, действительно, красавец! И одевается Мельников так, что хочешь или нет — а обратишь внимание. Немного чудно, но сразу видно, что все эти вещи дорогие. И сейчас на

нем было черное кожаное пальто, меховой жилет и галстук чуть ли не до пола с широкими разноцветными полосками. Таких галстуков я даже в городе не видел.

Мне вообще галстуки не нравятся. Не понимаю, что в них хорошего. Но теперь, глядя на Мельникова, я понял, как это красиво.

Родители у Мельникова работают за границей и шлют ему посылку за посылкой. Говорят, что он торгует тряпками и разъезжает по ресторанам на папиной машине. Вокруг Мельникова всегда крутится целая свора подхалимов, вроде нашего Борьки Шияна. Я слышал, как Борька хвастался, что пил у Мельникова на даче. Но я не верю. Шиян всегда рассказывает про какие-то компании, в которых он пьет виски ящиками. Но когда ни выйдешь на Центральную, Борька торчит перед кафе «Спорт».

Лейтенант перестал писать и спросил у Мельникова:

— Откуда у тебя кастет?

Мельников лениво посмотрел на него и ничего не ответил.

— Я спрашиваю, где ты взял кастет? — уже с раздражением повторил лейтенант.

— Не больно-то тыкайте! — огрызнулся Мельников. — Я вам уже сказал, что нашел на станции. Я даже не знаю, что это такое, поднял, думаю, пригодится ... — Говорил он лениво, слова как-будто сплевывал. А глаза ухмылялись: знаю я ваши штучки. На вот, возьми, выкуси!

Дверь завизжала, вернулся Тимошин и, не глядя на меня, доложил:

— Действительно, все скульптуры в парке посни-

мали. Приехала из города комиссия и дала распоряжение снять!

Выходя из милиции, я подумал, что у меня сегодня счастливый день. У меня так бывает, если везет, так во всем, а не везет, так одно за другим на голову сыплется.

Мама, увидев меня грязного, навьюченного «Дискоболом», замахала руками и сказала, что этот мусор через порог не пустит.

Я прислонил скульптуру к стене и стал рассказывать маме о древней Греции, олимпийских играх, беременных женщинах и гармоничном развитии. Я увлекся, забыл про «Дискобола». Его качнуло в противоположный угол, и покалеченная нога развалилась на мелкие кусочки. Из бедра «Дискобола» теперь торчала толстая, ржавая проволока.

— Вот тебе и Греция! Кто теперь будет убирать коридор? Аристофан?

— Геракл, — огрызнулся я.

Но мама не оценила моей остроты.

— Тащи эту рухлядь куда хочешь! С нею в дом я тебя не пушу.

Четырнадцать лет воспитываю свою мать и никакого прогресса. Вот Валерка Шуст вымуштровал свою бабушку любо-дорого смотреть. Родители Шуста где-то далеко, кажется, в Сибири. Они то сходятся, то расходятся, и Валерка почти все время живет у бабушки. Она считает своего Валерочку гениальным ребенком. Что он ни придумает — бабушка в восторге. Она, наверное, сама установила «Девушку с веслом», почистила, а завтра будет хвастаться перед соседями. Мне же пришлось тащить «Дискобола» в сарай. Придется ему полежать там до лучших времен.

В кухне стоял плотный, густой запах картошки, жареной на сливочном масле. А вот и она сама, кругленькая, коричневая, хрустящая. Я нацепил только один кружок, самый поджаристый, смотрю, уже полсковороды нет.

— Ты хотя бы умылся! Весь в извеске! — проворчала мама и вдруг вспомнила. — Послушай, ты же сегодня говорил, что не должен есть? Завтра у вас какие-то анализы?

Вечно она все помнит. Пришлось плести насчет того, что анализы можно сдать и послезавтра. Настроение сразу же испортилось. Одно дело — сокрушить матери, другое — себе. Наверное, ничего у меня с голоданием не выйдет. Буду голодать только в школе. И вообще это не метод. Древние греки, наверное, не голодали, когда было, что есть. Я все равно стану другим человеком, но по греческому методу. Буду сильным, стройным, выдержанным и красиво одетым. Правда, с одеждой грекам было легче. Обув сандалии, завернулся в какую-нибудь хламиду, точнее в простыню — вот ты и одет модно и красиво. Им не приходилось чистить ботинки, каждый вечер гладить брюки. Терпеть не могу этого занятия! Но я решил взять себя в руки и погладить их сейчас же.

Когда мама увидела, чем я занимаюсь, она даже зажмурилась. Ей не верилось, что это не сон.

— Юра! Что с тобой?

Но я, гордый и мрачный, продолжал размахивать утюгом.

— Может, ты и ботинки почистишь? — спросила она тихим, дрожащим голосом.

— Почищу! — Я втянул в себя поллитровую банку воды, и как слон, выдул ее на штаны.

Эффект был потрясающим. Мама даже забыла про телевизор и стала внимательно изучать меня. Убедившись, что это я, и несколько успокоившись, мама решила рискнуть и уже совсем безнадежным тоном сказала:

— Тогда сходи и в парикмахерскую.

— Завтра же схожу! Сразу после школы.

Тут мама совсем потеряла дар речи и решила, что со мной что-то стряслось. Было только начало четверти. Значит миллион двоек я не мог нахватать. А если б натворил что-либо, ей бы обязательно позвонили. Мама просто терялась в догадках. Я решил, что сейчас самое подходящее время и попросил:

— Мам! Можно, я завтра принесу в свою комнату «Дискобола»?

— Эту развалину? От него же один только мусор, — возразила она, но уже как-то вяло.

— Не будет от него мусора! Я его поставлю в угол и буду на него смотреть!

— На что там смотреть? Зачем он тебе нужен?

— Хочу быть таким же!

— Покалеченным?

— Нет, гармоничным.

Мама вздохнула:

— Ладно, неси, только мусор будешь выметать сам! — она подошла к шкафу. — Какую приготовить рубашку? Белую?

Я поморщился. Терпеть не могу всего, что быстро пачкается. К тому же у белых рубашек слишком торжественный вид. Но я подумал, что греки, наверное, всегда носили белые туники, и согласился.

— Но к белой рубашке необходим галстук. Погладить?

— Какой галстук?

— Пионерский. Не папин же ты наденешь!

— Придумала тоже, пионерский. Я ведь уже старый. (Я вспомнил Мельникова, как у него красиво разворачивался по белой рубашке галстук). Выбери папин.

— Вам можно носить в школу непионерские галстуки?

— Но я ведь уже вышел из пионерского возраста!

Идея сделать из меня «приличного молодого человека» уже давно не давала маме покоя. Она не пожалела для меня новый папин галстук, темносиний с узкой белой полоской.

— В конце-концов, ты уже взрослый парень! Юноша. Я всегда говорила, что тебе давно пора следить за своей внешностью.

Папа в наших разговорах участия не принимал. Он листал газету и лишь иногда загадочно ухмылялся.

Люблю, когда папа дома. Вот он сопит за столом, шуршит газетами, толстенький, уютный, так приятно сидеть с ним рядом, тоже читать газету или о чем-нибудь беседовать.

Мама обвела озабоченным взглядом нашу квартиру и вздохнула:

— Потапенко купили новый ковер за сто восемьдесят. Очень хороший. Нам бы тоже не мешало.

— Зачем? — не отрываясь от газеты, поинтересовался отец. — Пыль собирать?

— Как это зачем? — возмутилась мама. — Сейчас во всех домах ковры. Это очень модно и красиво. — Она подождала возражений и, убедившись, что папа реагировать не собирается, добавила. — А Марья Семеновна купила шубу из лапок. Чудную. Я еще такой не видела.

Папа отложил газету:

— Знаешь что, мать? Кто из наших знакомых купил киноаппарат?

— Киноаппарат? — Мама задумалась. — Нет, кажется, никто.

— Великолепно. Давай будем первые. А то мы все время покупаем то же, что и другие.

— Ерунда, этот твой киноаппарат! Зачем он нам нужен?

— Поедем в отпуск, будем снимать фильм. Во всяком случае от него больше толку, чем от шубы! У нас холодный день случается раз в десять лет!

— Классно! — поддержал я отца. — Давайте в самом деле купим киноаппарат! Это вещь! И будем снимать многосерийный фильм «Наши соседи».

— Если б ты видел эту шубу, так бы не говорил. Подобрана просто удивительно, лапка к лапке. Конечно, Мария Семеновна может себе это позволить: у нее и машина есть, и дача...

— Кстати, о дачах. — Папа снова отложил газету. — Нашего директора снимают.

— Как? Игоря Сергеевича?

— Представь себе. И все из-за дачи. Такой толковый дядька, двенадцать лет директором, и вот, пожалуйста... Выписывал незаконным путем строительные материалы на свою дачу. Я так и думал, что этим кончится. Хотел с ним поговорить. Но все не получалось.

— Как же теперь ты?

— Что я? Я материалов не воровал. За Игоря Сергеевича обидно. Нужна была ему эта дача, как собаке пятая нога!

— Я другое имела в виду. Игорь Сергеевич к тебе хорошо относился, бывал у нас в доме...

— Работать с ним было легко — это верно.

Мужик деловой. Неизвестно, кого теперь, пришлют. — Отец посмотрел на меня. — Тебе уже пора спать.

Я пошел в свою комнату. На стуле перед кроватью висели наглаженные брюки, белая рубашка и новенький галстук. У меня было такое ощущение, словно завтра будет самый счастливый день в моей жизни. «Скорей бы уже утро», — подумал я, засыпая.

Глава VI

ИСТОРИЯ С ГАЛСТУКОМ

Когда Наташа увидела меня в белой рубашке и галстуке, ее даже качнуло.

— Ой, девочки, держите меня! — Она схватилась за стену.

На школьные вечера я и то не надевал белую рубашку. А тут обычный день и при таком параде. Весь класс собрался вокруг меня.

— Наверное, день рождения, — предположил Булкин. Он пощупал галстук и деловито спросил: — Почему брал?

Жека Скворцов тоже потрогал и уважительно сказал:

— Импортный! Это ты там купил?

— Где — там? — не понял я.

— В Швеции, когда с Костей плавали.

Сначала меня распирало от смеха и немного от гордости, но вскоре начало надоедать.

— Отстаньте, черти! — просил я. — Вы что, галстука не видели?

Но все по-прежнему гоготали вокруг моей парты. Борька Шиян схватил галстук и сделал вид, что хо-

чет в него высморкаться. Он бы так и сделал, если б не подошли Валерка с Костей. Я вздохнул с облегчением. Мне совсем не хотелось ввязываться в драку.

Валерка пришел в олимпийской спортивной рубашке. Он критически посмотрел на меня и спросил:

— Что ты затеял?

— День поголодал и стал другим человеком.

Шуст поморщился. Он терпеть не мог, когда шутят над тем, чем он увлечен.

— Ну а ты? — спросил Валерка Костю. — Тоже Брут?

— Ничегошеньки не ел, — заверил Костя, — кроме тарелки рассольника и сосисок с капустой.

Валерка разочарованно махнул рукой и отошел.

— А галстук выглядит совсем неплохо, — сказал Костя. — Я, пожалуй, завтра тоже надену.

Костя парень компанейский. В прошлом году у меня волосы лезли со страшной силой. Причешешься — полшевелюры в расческе. Чем я только ни натирал голову, ничего не помогало. Кто-то мне посоветовал сбрить волосы наголо. Предложил за компанию Косте. Он сразу же согласился и еще уговорил троих. Нас называли «бандой бритоголовых». Валерку на такое не подобешь ни за что. Вот если он сам придумает, тогда другое дело.

Около моей парты еще стояло несколько человек, когда Серафима вошла в класс.

— Что с тобой, Алехин? — Она воззрилась на галстук. — По какому случаю ты такой нарядный?

— У меня сегодня день рождения, — неожиданно для себя, выпалил я.

— Поздравляю. Хорошо, если бы ты всегда приходил в школу такой подтянутый, — сказала Серафима.

Вот, думаю, будет, если она посмотрит в журнале день моего рождения. Но Серафима стала рассказывать о Маяковском. Говорила она сухо, вяло, потом читала «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» и все не могла попасть в ритм стихотворения. Я вдруг выпалил:

— Серафима Михайловна! А какие у Маяковского были глаза?

По классу пронесся смешок. Опять, мол, Алехин выступает. Серафима отмахнулась:

— Не паясничай!

— Я серьезно.

Тон у меня был действительно серьезный, и она спросила:

— Зачем тебе это?

— Совсем не представляю Маяковского, как человека. И в стихах его не чувствую поэзии. Какая-то барабанная дробь!

Серафима возмутилась и стала сыпать цитатами. Горький о Маяковском сказал, Луначарский сказал, Фадеев тоже отметил... Но я чувствовал, что ей самой Маяковский не нравится, и не слушал.

На перемене Костя подошел ко мне:

— Зря ты так говорил о Маяковском. Серафима просто не умеет его читать. Ты лучше сам почитай.

Но на меня нашло:

— Не буду я его читать! Что это за поэт! Левой! Левой! Левой!

— Дело хозяйское, — пожал плечами Костя. — Маяковский от этого ничего не потеряет.

Я совсем забыл, что соврал про день рождения. Смотрю, на большой переменке вокруг меня собрался кружок, подходит Надя Куракова, и подает мне книжку, завернутую в целлофан:

— Поздравляю, Юра, с днем рождения! Расти большой и умный! — перевела дыхание. — Желаю успехов в учебе и личной жизни!

С каким бы удовольствием я провалился до самого подвала! Что же делать? Я шаркнул ножкой, пролепетал что-то благодарственное.

— Во сколько ты сегодня будешь отмечать? — спросил Валерка.

Вот влип. В прошлом году на мой день рождения мама устраивала стол, и был почти весь наш класс. Я представил, что будет, если ко мне сегодня заявятся гости. Пока не поздно, надо бить отбой.

— Я это... то самое... про день рождения... соврал.

Все на меня уставились.

— Как соврал? — не поняла Надя.

— Просто день рождения у меня не сегодня, а в апреле.

Валерка присвистнул. Уши у меня раскалились до красна, и от них повело жаром.

— Зачем же ты соврал? — допытывалась Надя.

— Сам не знаю. Так вышло.

Я выскочил из класса, за мною Костя. Мы направились в буфет. Все оглядывались на мой галстук. Булкин бежал сзади и цеплял мне на спину записку: «ЖЕНИХ». Записку я сорвал, но Семка продолжал бежать за мной и кричал:

— Жених! Жених! Девочки, кто замуж хочет? Подходите! Торопитесь!

Но на меня такие штучки не действуют. Мне даже нравилось быть в центре внимания.

В буфете Наташа заговорила со мной сама, и мы вместе стояли в очереди. У меня было такое ощущение, что сегодня я могу добиться чего только

пожелаю. Двигался я свободно, легко, ни на что не налетал, ни в чем ни измазался. Я не умею танцевать. Очень хочу, но никак не могу научиться. Но сегодня я мог бы танцевать целый час и не наступать никому на ногу. Отчего это? Неужели все дело в галстук? Может быть. У меня уже так было. В прошлом году мать мне купила спортивный пиджак. Обычно новые вещи я не люблю, чувствую себя скованно. Но этот пиджак прямо врос. Меня увидела наша соседка, парикмахерша Лариса. Эта Лариса такая красивая, что когда меня о чем-нибудь спрашивает, я открываю рот, как рыба, шлепаю губами и несу что-то нечленораздельное. Так вот, увидела меня Лариса и говорит: «Какой ты сегодня нарядный! Совсем уже взрослый». И я себя чувствовал взрослым. Мы вместе шли на станцию. Я говорил с нею запросто. Лариса на прощанье сказала: «Ты занятный паренек. С тобою есть о чем потолковать». Потом я дня три ходил счастливым.

Когда мы с Костей возвращались из буфета, в коридоре увидели директора с двумя толстыми старушками. Сразу видно — комиссия. Василий Ефремович шел как-то бочком, приставляя ногу, и сиял от удовольствия. Вдруг он закинул голову и раскатисто захохотал. Наверное, кто-то из инспекторов пошутил. Ученики старались не попадаться на глаза «высоким гостям» и тихо, как мыши, шныряли в свои классы. Мы с Костей тоже поспешили. Но Василий Ефремович внезапно обернулся в нашу сторону. Лицо у него перекосилось, словно ему на голову свалился кирпич. Старушки тоже обернулись, мельком посмотрели на нас и продолжали беседовать друг с другом. Директор окинул меня испепеляющим взглядом и приказал сгинуть. Не знаю, что его так испугало.

Я не придавал этой встрече особого значения. Сегодня у меня было такое хорошее настроение, что ничего не могло его испортить. Но на следующей перемене Серафима отозвала меня в сторону:

— Василий Ефремович вызывает!

— Для чего?

— Тебе лучше знать.

— Не знаю.

— Мне он тоже не сказал. Наверное, ты что-нибудь натворил. Зря директор вызывать не будет!

Обычно в кабинете директора я себя чувствую, как в водолазном костюме. Подошвы становятся свинцовыми, от пола не оторвать, а на голове шлем. Я хочу толком объяснить все, как было, но директор меня не слышит. Вижу по глазам, что не слышит. И что он говорит, тоже не могу уловить. Но сегодня удивительный день! Я шел к директору и совершенно не боялся. Мне даже было весело. Может быть, потому, что я не чувствовал за собой никакой вины?

Вася говорил по телефону и смотрел в окно. Он уже был в пальто, шапка лежала на столе.

— ...Представляете? Никто ничего, ни единого окушка, а у меня целых две шуки! Да каких! Одна с килограмм, не меньше, а вторая — шуренок, граммов на двести. Да, на голавля. А вы на что? Попробую обязательно.

Я смотрел на директора и не узнавал. Никогда его таким не видел: глаза блестят, щеки розовые. А голос — веселый, молодой.

— Нет, к сожалению, не буду. Уезжаю на конференцию. Дня на четыре. Ну, всего.

Вася положил трубку, обернулся и увидел меня. Лицо сразу посерело, выступили скулы.

— Зачем ты это нацепил на себя? Ты что не

знаешь, как должен выглядеть ученик? — голос у директора был еще молодой, как во время разговора по телефону.

— А что, разве нельзя? — не очень членораздельно произнес я.

— Где это ты видел, чтобы ученики носили галстуки?

— Видел, в городе, в 22-ой школе. Там почти все ученики в галстуках.

Я не соврал, точно видел. К тому же школа эта считается образцовой. Вася запнулся:

— Не знаю. Очень сомневаюсь. К тому же 22-ая школа — средняя, а у нас восьмилетка. Старшеклассникам, возможно, и разрешено, но ты же в седьмом классе.

— Ну и что, что в седьмом?

— А то, что ты еще ребенок. — Теперь в голосе его звучали командирские интонации. — Тебе надо думать об учебе, а не заниматься своей внешностью. Ну, кто из учеников нашей школы носит галстук? Кто, спрашиваю?

— Никто.

— Почему же ты себе это позволяешь? Думаешь, ты не такой, как все? Я же предупреждал, что в школе ты висишь на волоске. Какое бы ЧП ни случилось, только и слышишь: Алехин! Алехин! Алехин! Надоело! Когда это кончится? — директор посмотрел в окно: нет ли машины. — Ты хоть понимаешь, что натворил? Если бы твой галстук увидела комиссия, мы бы прогремели на весь район.

— Они видели меня в галстуке, и ничего, — буркнул я.

— Хорошо, что не обратили внимания. А мог ведь опозорить школу, весь коллектив. Вон в девятой шко-

ле комиссия увидела одного ученика с патлами до плеч, и уже целый год где только эту школу не сколосняю! Может быть, и ты хочешь отрастить такие?

— Если бы нравились, отрастил бы.

Василий Ефремович в ужасе закатил глаза, но в это время на улице загудела машина. Директор надел шапку и обернулся ко мне:

— Чтобы этого, — он с омерзением показал на галстук, — я больше не видел!

Уроки уже начались, и коридоры были пусты.

Галстук я, конечно, не сниму. Знаю, что мне плохо будет, но не сниму. Если со мной говорить по-человечески, всегда можно убедить. Но как только начинают приказывать, я сам чувствую, что дубею. Стою чурбан чурбаном и, тогда со мной можно делать что хочешь — с места не сдвинешь!

Настроение, конечно, испортилось. Но, когда я вошел в класс и увидел завуча Николая Яковлевича, сразу же забыл про неприятный разговор с директором.

Николай Яковлевич преподает историю. Когда он впервые появился в классе, мы решили, что он немного не в себе. Высокий, худой, с узким лицом и прямыми волосами — точь-в-точь Гоголь — он вошел в класс, поздоровался и долго молча стоял у окна, протирая стекла очков.

— Что там внизу, собака или кошка? — спросил Гоголь, как бы размышляя вслух.

— Собака, — подсказал кто-то из девочек.

Николай Яковлевич надел очки:

— Да, верно, собака. Ну, это все равно, — и начал урок.

Говорил Гоголь как-то неуверенно, тихим голосом, и мы стали на его уроках «выступать». Он никогда не

кричал, не записывал замечания в дневник. Нет, он действовал по-другому. Как-то на его уроке я скатывал из бумаги пульки и стрелял. Влепишь кому-нибудь по затылку, а тот как подпрыгнет, как за голову схватится! Цирк! Гоголь не выдержал, прервал рассказ и как-то индеферентно сказал:

— Если вам, Алехин, неинтересно, можете выйти из класса.

— С большим удовольствием, — говорю и потопал. Открыл дверь, вышел в коридор, а он мне вдогонку:

— Дверь, пожалуйста, не закрывайте! Постойте там, в коридоре!

Так я и простоял в дверях, как швейцар, почти весь урок. Посмотрят на меня из класса и улыбаются. Здорово влип, ничего не скажешь. А если мимо кто идет, обязательно спросит:

— Что это ты в дверях стоишь?

А Гоголь объясняет себе спокойненько и на меня ноль внимания. Говорил он об Иване Грозном, вроде бы все, как в учебнике, но вдруг рассказал, какое у Ивана Грозного было тяжелое детство, как бояре били маленького царя и часто оставляли голодным. Мне казалось, что царь может все. Это он решает судьбы людей. А по словам Николая Яковлевича выходило, что царь и собой не всегда мог распорядиться. Он рассказал о Ливонской войне, о князе Курбском, перешедшем на сторону врага, читал нам письма Грозного к князю. И тут Костя задал вопрос:

— Зачем Иван Грозный писал предателю Курбскому? Да еще убеждал в том, что он предал? Разве и так не ясно?

Мне это тоже казалось странным, и я с нетерпением ждал ответа. Наверное, чтобы лучше слышать, я сде-

лал шаг в сторону класса и Николай Яковлевич заметил.

— Садись, Юра, на место. — Гоголь оперся руками о стол, покрутил шеей, словно ему жал воротничок, и пояснил: — С позиции сегодняшнего дня нам многое непонятно в истории того времени. Для чего, например, нужно было Ивану Грозному делить Московское государство на две части и хотя бы номинально поставить второго царя? Этот период русской истории еще ждет своего исследователя. Что же касается князя Курбского, дело, мне кажется, вот в чем. Князь Курбский не считал себя обязанным подчиняться царю и рассматривал свой спор с ним, как давнишнюю вражду князей Ярославских и Московских, двух ветвей, ведущих свой род от Владимира Мономаха. Князь Курбский имел право, признаваемое московскими князьями, на «отъезд» в другое государство. Вот Иван Грозный и доказывал Курбскому, что хотя он и имел право на «отъезд», но такой «отъезд» командующего русскими войсками и крупного политического деятеля был предательством.

После этого я прочел все, что в нашей библиотеке было про Ивана Грозного. А потом стал читать и другие книжки по истории. И как-то так получалось, что уроков по истории я никогда не готовил, но у меня всегда были пятерки.

Во всех других науках все давно открыто, знай себе, зубри. Скучища! А вот в истории столько еще загадочного! Слушаешь Гоголя и думаешь: скорей бы уж стать взрослым, отправиться в археологическую экспедицию и отрыть в песках столицу древнего царства. Или сидеть в библиотеке. Вокруг тебя фолианты, а ты проверяешь, сравниваешь, докапываешься. Наверное, я все-таки буду историком! Хотя, может быть,

мне нравится не история, а Николай Яковлевич? Не знаю.

Когда после уроков спустились в гардероб, оказалось, что там перегорела лампочка. Ребята воспользовались этим и устроили кучу-малу. Девчонки визжали, отбивались портфелями, но вырваться из гардероба не могли. Мне подставили ножку, и я грохнулся на кого-то.

— Ну и слон! — услышал я голос Наташи Марченко.

— Сейчас же прекратите это безобразие! — пробасил я, подражая директору.

Меня тут же снова бросили в кучу-малу.

— Ой, мамочки! — завизжала Наташа.

— До чего же пошла невоспитанная молодежь! — громко возмущился я и вдруг тихо, сам испугавшись собственной смелости, проговорил: — Ната, пойдём в кино?

Она ничуть не удивилась:

— Когда?

— Можно сегодня вечером. В восемнадцать, хорошо?

— Хорошо.

Схватив в охапку пальто, с реактивным воем я вылетел из гардероба. Даже очутившись на улице, я не мог прийти в себя. Сколько раз я порывался сказать ей это, и не мог, а тут все произошло само собой, совсем обыденно.

Мама была на работе и я мог спокойно собраться. Долго плескался в ванной, надел парадные брюки, новые ботинки и подошел к зеркалу. Все-таки я ничего: нос аккуратный, не какой-нибудь рубильник, уши не торчат, рост что надо. А как говорит наш сосед Лека: «Парень длинный и с шевелюрой — уже

красавец!» С шевелюрой я, правда, помучился, вылил полбутылки одеколона пока причесался. Но все равно пришлось надеть шапку — не разгуливать же с мокрой головой. Галстук делал меня совсем взрослым. Я так им гордился, что сначала хотел пойти без пальто, но на улице здорово подмораживало.

Полшестого я был уже у кинотеатра с билетами в кармане. На афише лихие гусары отплясывали с дородными тетушками в бальных платьях. Название фильма я даже не посмотрел. Не все ли равно, что, будут показывать. Я знаю, что лучше этого фильма ничего в жизни не увижу.

Одеколонился я впервые и, наверное, переборщил. Все прохожие на меня оглядывались, да я и сам это чувствовал. Хорошо бы забиться куда-нибудь в подъезд, но я боялся пропустить Наташу. До чего же все-таки приятно ждать девчонку, думать, как будешь сидеть с нею рядом, возьмешь ее за руку.

Без пяти шесть я уже начал беспокоиться. Но Марченко всегда опаздывала, даже на уроки. Без конца подходили, просили лишний билетик. Вот и сеанс начался. Я думал, подожду минут пять-шесть и пойду смотреть. Но прошло минут пятнадцать, кончился журнал, начался фильм, а я все торчал перед кинотеатром.

Зря я сказал, что в восемнадцать. Надо было сказать в шесть. Она, наверное, решила, что в восемь. Хотел купить на следующий сеанс, но билетов уже не было. Я умоляюще посмотрел на кассиршу. Она сжалилась надо мной и выдала два билета.

В восемь Наташа тоже не пришла. Я замерз, стал хлюпать носом. На душе было мерзопакостно. Привязался бы ко мне сейчас Шиян, с таким бы удовольствием врезал. Но никто не приставал. В полдевятого

я пошлепал домой. Прошел с квартал и вернулся в кинотеатр. Думаю, надо немного прийти в себя. Сейчас я бы не смог выдержать самого коротенького разговора с мамой. Взорвался бы обязательно.

На экране какой-то офицерик с усиками охмурял двух толстух. Они по очереди падали в обморок, прямо к нему в руки. Видно было, что этот офицер глуп, как бревно, враль, пьяница, а вот нравился женщинам.

От фильма стало еще противнее. Но я себя старался успокоить. Наверное, Наташу не пустили или что-нибудь случилось. Может, кто-нибудь у них заболел? Не могла же она так просто не придти? Сама согласилась. Я же ее не упрашивал. Конечно, что-нибудь случилось. Завтра приду в школу, она мне все объяснит.

В доме Марченко горел свет. Я немного подождал: если она подойдет к окну, можно будет бросить камешек. Вдруг у калитки затормозила черная мельниковская «Волга». Из машины выпорхнула Наташа и чуть позже Инна. Я стоял на другой стороне улицы, в тени. Они меня не видели. Инна наклонилась к машине и что-то говорила Мельникову. А Наташа грелась, прыгала на одной ножке. Она была в шелковых чулках и какой-то сверкающей косынке. Никогда не видел ее такой красивой! Внутри у меня что-то ныло, и язык стал такой, словно я его обжег. Машина, наконец, тронулась. Я направился домой. Наташа догнала меня.

— Ты извини, что так получилось. Но сегодня у Вити день рождения. Инна взяла меня с собой.

Я не стал слушать, буркнул что-то вроде «угу» и пошел. Наверное потому, как я открыл дверь, мама почувствовала неладное.

— Как дела? Что-нибудь случилось? — крикнула она из комнаты.

— Все нормально, — ответил я, как можно безразличнее. Но ее не проведешь. Она вышла в коридор и сразу же заметила и что ботинки новые и что от меня разит одеколоном.

— Куда это ты расфрантился?

— В кино.

— С кем?

Я даже задохнулся от этого вопроса, но сдержался.

— Ни с кем. Один.

— Что смотрел? Хорошая картина?

Я почесал затылок, но название фильма не вспомнил, промывчал что-то невразумительное и ушел в свою комнату.

— Грубиян! Пришел не в духе, — докладывала она отцу. — И уроков, наверное, не сделал!

Пришлось открыть дверь и крикнуть, что уроки давно готовы. Эх, поговорить бы сейчас с кем-нибудь. Матери разве расскажешь?

Однажды видел я из окна электрички, как мать с сыном бежали наперегонки, влетели в вагон и сразу же за ними захлопнулась дверь. Мать посмотрела на мальчишку: здорово, мол, успели! — и подмигнула. И мальчишка ей подмигнул. Все. И сразу видно, что они товарищи.

Меня мать тоже любит. Ей для меня ничего не жалко. Но она не товарищ. Начни я рассказывать ей про это свидание, она все свернет на учебу и начнет читать наставления.

Открыл дневник, думаю, хоть что-нибудь на завтра сделаю. Но там ничего не было записано. Звонить уже поздно и опасно: мать может услышать. Да и все равно сейчас я бы не смог ничего сделать. Не

было сил даже раздеться. Так и бухнулся в костюме и при галстукe в постель.

В зеркале отражалась комната с разбросанными по стульям рубашками и книгами. Одноногий «Дискобол» целился мне прямо в голову. Какая-то красная прыщавая физиономия с толстым носом и губой, отвисшей чуть ли не до пола, уныло таращилась на меня. Неужели это я такое страшилище? Да кто меня полюбит? От одного вида этой кислой рожи портится настроение. И еще галстук. Вырядился людям на смех. Есть в нашем поселке один псих. Он всю зиму ходит в соломенной шляпе и с орденом «Мать героиня». Все на него оглядываются, улыбаются. Вот так и надо мной сегодня потешались. Сдернул я галстук, хотел разорвать его на куски, но вспомнил Васю: «Чтобы этого я больше не видел!» Если сниму, подумает, что я испугался. Но весь день расхаживать с этой тряпкой на шее — еще хуже. Да и выгнать могут. Ну и пусть. Теперь мне все равно.

Глава VII

ОДНИ НЕПРИЯТНОСТИ

Назавтра я опоздал на первый урок и спрятался в туалете. В соседней кабине курили Стенли и Эд. Покурив, они устроились на батарее у окна и перебрасывались многозначительными фразами. Меня, «мелочь пузатую», они не замечали. Я был даже рад. Поиграв в таинственность, они стали рассказывать друг другу байки о Колыме: кто там какой самородок нашел, сколько ему за это отвалили и как он эти денежки прогудел. Послушать этих типчиков, на Ко-

лыме другой породы нет, где ни копни — золото, не ленись только нагибаться и подбирать. Из их разговора я понял, что Эд и Стенли собираются махнуть на Колыму, заработать там тысяч пятьдесят и, как следует «почудить».

Потом они хохотали до упаду, вспоминая, как Шиян проиграл ящик пива. Борька поспорил с Эдом, что съест погонный метр сосисок. Оказалось, что в погонном метре 60 сосисок. Шиян съел только 27, но пиво поставить отказался, потому что погонные метры в седьмом классе не проходили. «Спортсмены» сняли с него пальто, пиджак. Тогда Шиян раскошелился и принес пиво.

После звонка в туалет сразу же набились покурить, обменяться новостями, похвастаться марками, монетами, заграничной зажигалкой.

Галстук у меня на шее висел, как жернов. Я согнулся в три погибели, прикрыл его портфелем и вышел в коридор. По дороге мне попались двое из 8-а тоже в галстуках. Я даже не обрадовался, просто удивился. А потом вспомнил, что директор уехал на конференцию.

Костя встретил меня виноватый:

— Весь гардероб перерыл — не нашел! Отец у меня галстуков не носит!

— И не надо.

— Что с тобой, Алеха! Вид у тебя какой-то кислый!

Вчера еще для меня галстук был как полковое знамя. Меня можно было раздавить, но с галстуком. Сегодня с превеликой радостью я бы сам его выбросил в первый попавшийся мусорный ящик.

Наташа с Бобом стояли у окна. Они беседовали о чем-то веселом, хохотали и посматривали в мою сторону. Ну, о чем с этим типом можно говорить? Он

только и знает рассказы про выпивку и всякие истории из библиотеки приключений. А, может быть, она ему рассказывала про свидание? Или еще хуже: они были у Мельникова вместе. Тогда им есть, что вспомнить! Эх, вот бы садануть их лбами! Но приходилось делать вид, что совсем не смотрю в их сторону.

Неожиданно Наташа подошла ко мне и улыбаясь, как кинозвезда на обложке журнала, спросила:

— Ты еще элишься за вчерашнее?

— Подумаешь! С чего ты взяла?

— Вид у тебя такой!

— На себя лучше посмотри!

Марченко положила руку на бедро и улыбнулась еще ослепительнее.

— Тебе не нравится?

— Дура ты! Вот и все!

— А ты кретин! Нацепил галстук и развоображался! — Она передернула плечами и отошла.

До чего же мне гнусно стало. А тут еще звонок. Что происходило на уроке, я не слышал. Голоса долетали глухо, будто с улицы.

Ну что я в этой Марченко нашел? Глупа, как пробка. И совсем некрасивая. Я вспомнил, как Жека Скворцов сказал, что у Наташи кривые ноги. Тогда я с ним чуть не подрался и мы долго не разговаривали. А ноги у нее действительно кривые, косолапиг здорово. Но легче от всех этих мыслей не стало. Наоборот. Я вспоминал, как Наташа, переваливаясь уточкой, идет по классу, и она мне нравилась еще больше.

— Алехин! Ты где витаешь? — услышал я голос учительницы. — О чем мы сейчас говорили?

Я ничего не ответил.

— Будь внимательнее! — предупредила она.

Я стал прислушиваться. Спрягали глагол «denken»

в плюсквамперфект. Нет, надо выбросить Марченко из головы, иначе дело дрянь.

Она же просто воображуля и больше никто. Стоит только посмотреть, в каких она потрясающих платьях приходит на школьные вечера. Ей даже Василий Ефремович сделал замечание:

— Станешь народной артисткой, будешь на концерты приходить в таких платьях. А на школьные вечера надо одеваться скромнее.

Марченко и вправду хочет стать артисткой. Она выступает в школьном драмкружке. У нее не очень получается, а ей все равно, лишь бы быть на сцене, красоваться перед всей школой.

Конечно, зря я ее обозвал дурой. Но она точно дура. Ей кажется, что все в нее по уши влюблены. Когда Марченко говорит с кем-нибудь из мальчишек, то жутко ломается и даже неправильно выговаривает слова. Можно подумать, иностранная певица дает интервью корреспонденту.

Теперь я понял, почему она крутилась передо мной после того случая со льдиной и вчера тоже. Ясно. В эти дни все в классе говорили обо мне. А когда в нашей районной газете напечатали заметку Кости Боровика, Наташа весь день не отходила от него. Ей хочется всегда быть в центре внимания, всюду первой. Даже новый фильм она должна посмотреть обязательно раньше всех, чтобы потом «ахать». А если не удастся первой, она вообще не пойдет. «Подумаешь, посмотреть такое старье!»

— Алехин! — услышал я голос учительницы, — Проспрягай нам глагол «denken» в плюсквамперфект!

Я вроде бы знал спряжение, но сейчас не мог ничего выдать из себя.

— Садись, два! Сегодня, Алехин, ты совершенно не занимаешься!

Началось! Первая двойка в этой четверти! Стало еще противнее, даже как-будто затошнило.

... Года три назад я упал с высокого обрыва. Катился, хватался руками за песок, камни, все сыпалось вместе со мной и не за что было зацепиться. А внизу из воды торчали сваи с гвоздями. Еще миг и я свалился бы на них, но у самой воды удалось схватиться за куст.

Надо что-то делать. Плохо это для меня кончится. Но что?

После урока истории ко мне подошла в коридоре Серафима. Я думал, она по поводу пропущенного урока. Но учительница была так взволнована, что об этом, видимо, забыла.

— Почему ты не выполнил приказ директора? — начала классная звенящим голосом.

— Не люблю, когда мне приказывают!

Серафима Михайловна слохватилась, что так со мной не договоришься, и переменила тон.

— Юра! Ты умный парень! Стоит ли из-за такой ерунды, как галстук, копыа ломать?!

— А чем ему помешал галстук?

— Ты знаешь: я ничего не имею против галстука. Но Василий Ефремович — директор! Мы должны выполнять его приказы. Я тебя очень прошу, сними галстук.

— Ладно, завтра сниму.

К нам подошел Николай Яковлевич:

— Что это вы так горячо обсуждаете?

Серафима смутилась:

— Да все о галстуке. Василий Ефремович ему приказал снять, а он упрямится.

— Я не вижу ничего плохого в галстукe, — сказал Гоголь. — Наоборот, вид подтянутый. Возможно, у Василия Ефремовича какие-то особые соображения? Не знаю.

— Я тоже, — поспешно согласилась Серафима. — Но Василий Ефремович приказал — надо исполнять. А то вон уже двое из восьмого сегодня пришли в галстуках...

— Вот уж нашли проблему! — усмехнулся Николай Яковлевич.

Серафима поспешила закончить разговор.

— Помни, Алехин, ты обещал, — сказала она мне и увела Гоголя.

После уроков мы с Костей и Жекой отправились на репетицию духового оркестра. Как и в прошлый раз все бегали по залу, оглушали друг друга воем труб. Потом пришел Паша, и оркестр сыграл «На сопках Манчжурии». Но теперь от этого вальса у меня заболела голова. В ушах стоял звон, словно все эти трубы спускали по винтовой лестнице. Оркестранты занялись своими партиями. А Паша подозвал меня и Костю. Он проверил, как мы знаем ноты, и удовлетворенно кивнул:

— Попробуйте теперь сыграть гамму!

Костя на своей альтушке лихо выдул гамму. У меня же на базе получалось сплошное хрюканье. Руководитель морщился, как от зубной боли:

— Знаешь что? Сначала пропой! У тебя вообще-то проверяли слух?

— Нет, — сказал я и затянул — до... ре... ми... фа...

Солдатик удивленно смотрел мне прямо в рот. Оркестранты повскакали с мест и собрались вокруг

меня. Я пропел всю гамму. Руководитель молчал. Я запел снова:

— ...до... ре... ми...

— Хватит! Хватит! — Замахал руками Паша. Он сочувственно посмотрел на меня. — Ничего у тебя с музыкой не выйдет. Полное отсутствие музыкального слуха. — Он развел руками. — Можешь на репетиции не приходить.

— Тогда и я не буду, — Костя положил на стул свою альтушку.

— Как это не будешь? — удивился Паша.

— Я хотел вместе с ним.

— Вы что, ребята? Здесь же не детский сад! Приказом директора ты зачислен в оркестр и будешь ходить!

— Не стоит, Костя! — сказал я. — Мне только и остается, что идти в драмкружок. Лучше играй в оркестре.

Конечно, неприятно, что у меня нет музыкального слуха. Но это известие меня не огорчило. Я даже был рад, что могу уйти с репетиции. У меня совершенно не было сил дуть в эту трубу. Может поэтому не получилась гамма. Как это — нет музыкального слуха? Такое давно бы уже заметили. А, все равно! Теперь мне абсолютно все равно!

Дома я шмыгнул в свою комнату. Не хотелось попадаться матери на глаза: проверит дневник, увидит пару и тогда держись! Сразу же сел за уроки. Но начинаю читать и вижу, как Наташа прыгает на одной ножке возле машины Мельникова. Мать тоже мешает; опять говорит с Вероникой по телефону. Голос у нее звонкий, на всю квартиру. Таким голосом она говорит только со своими подругами.

— ... Ну, уж это совсем странно. Послушай, Ве-

рунчик, я бы на твоём месте... да, да, так бы и сказала. Пора дать ему понять, что он тебе совсем не пара.

— Слушай, мам! — Не выдержал я. — Неужели тебе не надоело каждый день обсуждать это замужество?

Лицо у матери стало пунцовым.

— Ты не имеешь права подслушивать! Это низко!

— Я бы с удовольствием не слушал! Но не затыкать же мне уши? Что вы привязались к этому Мише? Неужели не о чем больше говорить?

— Я тебе запрещаю вмешиваться в дела взрослых! Ты ничего в этом не понимаешь!

— Что же тут понимать? И коню ясно. Миша обманывает Веронику, Вероника — тебя, а ты — Веронику! Сплошное вранье! И все нормально. А меня мутит от всей этой липы!

Мать никак не ожидала такого выпада. Она растерянно мигала, не зная, на что решиться: накричать или заплакать.

— Ты-то тут причем? Какое вранье? Что ты привязываешься к мелочам?

— Куда ни посмотришь, всюду вранье. А ты говоришь — мелочи. Твоя драгоценная Ксения Никифорова... Ты сама же про нее говорила: «Спекулянтка и дрянь!» А придет она к нам, поцелуйчики, сю-сю-сю. Да как тебя не вырвет от этих поцелуйчиков. Вся жизнь у вас из этих мелочей! Сплошное вранье!...

Меня всего трясло. Мать закрыла лицо руками и между пальцами заблестели слезы.

— Ты — псих! Псих! Псих! Просто какой-то ненормальный!

Она вылетела из комнаты.

А я раскипятился и уже не мог остановиться. Вот и

отец. Почему он не мог сказать своему директору: «Стыдно пачкать свою репутацию, воровать для дачи стройматериалы!» Сказал бы он так Игорю Сергеевичу, потом сказал бы кто-нибудь другой, третий — и директор не докатился бы до преступления. Но все молчали. И вот, пожалуйста! Это что? Мелочи? У нас в школе тоже сплошная показуха! Придет комиссия — какой-нибудь пенсионер, и Вася расстилается перед ним персидским ковром! И успеваемость сплошная липа! В начале четверти учителя сыплют двойки пригоршнями. А в конце четверти вызывают двоечника, он только рот успеет открыть, а ему — хоп! — тройку в четверти. Для чего, спрашивается? Чтобы повысить успеваемость класса и школы. Тоже мелочи?

Вспомнилась Наташа, как она хохотала сегодня с Борькой. И здесь вранье! Такая тоска. Какие тут занятия! Необходимо срочно поговорить с Костей.

Мать всхлипывала у себя в комнате. Я оделся и побежал в библиотеку.

Костя сидел, как всегда, в читальне с кипой журналов. Я сел рядом, хотел рассказать ему про неудачное свидание. Но в читальне было много народу. К тому же Косте не терпелось прочитать какую-то потрясающую статью. Разговор не клеился. Я тоже стал читать эту статью. Там речь шла о психологических опытах на собаках. Я ничего не понял, запомнил только интересный пример. Собака, если ей человек нравится, берет его под свою защиту. А хозяин собаки, наоборот, думает, что это он покровительствует псу. Не помню, какие из этого делались выводы, но пример меня взволновал.

Мне все-таки хотелось поговорить с Костей. Мы вышли в коридор. Там было холодно, дуло со всех

сторон. У Кости зуб на зуб не попадал. Какой там разговор. Я пошел домой.

По дороге я подумал вот что. Мои родители говорят, будто живут ради меня. Я и сам так считал. Все, что связано с моей учебой, здоровьем для них — единственно важное в жизни. Но, может быть, я ошибаюсь? Они только взяли меня под свое покровительство. На самом деле у них своя жизнь, свои заботы. Я о них даже не знаю. Я вспоминал обрывки фраз, телефонные разговоры и все больше убеждался, что родители что-то скрывают. Никогда не было мне так одиноко.

Глава VIII

ПОЧЕМУ ДЕВЧОНКИ ХОДЯТ С БАНТАМИ?

На следующий день я пришел в школу без галстука и сразу же пожалел об этом. Еще в гардеробе я встретил Жеку Скворцова в белой манишке с черной бабочкой.

— Что же вы, маэстро, не в форме? — удивился Жека.

— Забыл, — ответил я, покраснев. — А вы, кажется, собираетесь в турне по Европе? Один или с оркестром?

Не успел Жека ответить, подошел Костя. На нем был новенький блестящий галстук.

— Ого! В нашем полку прибыло! — обрадовался Скворцов.

— Ребята! Возьмите в компанию! — орал на весь гардероб Булкин. — Я завтра же приду в галстук!

По дороге мы встретили несколько ребят из восьмых тоже в галстуках. Жека с Костей шумно приветствовали их. Мне было стыдно, и я промчался по коридору, не останавливаясь. Посреди класса на парте, как на чемпионском пьедестале, стоял Шиян в ярком заграничном галстуке. Когда в классе собрались почти все, Борька крикнул:

— Айн, цвай, драй! — и раскрыл пиджак.

На широком конце галстука была изображена полуголая девица, лежащая под пальмой.

На следующий день я снова надел галстук. Для Серафимы Михайловны это уже не имело значения. Но Жека с Костей могли подумать, что я испугался директора.

Сразу было видно, что Вася вернулся. Завхоз бежал, проверяя выключатели, дежурные учителя коршунами набрасывались на нарушителей.

Первым уроком была литеартура. Серафима вошла мрачная и, не глянув на класс, раскрыла журнал.

— Иди, Алехин! Расскажи о своеобразии поэзии Маяковского.

Я кинул несколько фраз из учебника и добавил, что подробнее об этом не думал, потому что стихотворения Маяковского не считаю поэзией.

— А нас не интересует твое мнение! — обрезала Серафима и поставила мне двойку.

— Что же, я не могу иметь своего мнения?

— Можешь! Высказывай его Боровику или Скворцову. — Она так и кипела от злости. — Маяковский — величайший поэт современности. Им восхищались Горький, Луначарский, Фадеев, все-все! И вдруг не понравился какому-то Алехину! Если ты чего-то не понял, сиди и учи, пока не разберешься. А говорить

в классе на уроке, при всех, что стихотворения Маяковского не поэзия, не имеешь права. Ты уже показав свое неуважение к классному руководителю, к директору, а теперь оказывается, что и мнение таких авторитетов, как Горький, Луначарский, Фадеев, для тебя ничего не значит.

Я никогда не видел Серафиму такой. Ей, наверное, здорово досталось за наши галстуки.

Следующим вызвали Скворцова. Только он стал отвечать, как кто-то залаял. Серафима поднялась и обвела взглядом класс.

— Кто лаял? — угрожающе спросила она.

— Собака, — ответил я.

По классу пронесся смехок.

— Алехин! Ты лаял?

Серафима Михайловна! — Искренне удивился я. — За кого вы меня принимаете?

— Не паясничай! — Серафима гневно уселась на стул, и в это время послышалось басистое «га-ав».

Я не выдержал и прыснул.

— Вон из класса! Немедленно! — приказала учительница.

— Я, кажется, никогда не занимался такой ерундой. Неужели вы думаете...

Но Серафима Михайловна не дала мне договорить.

— Вон! — повторила она.

Я вышел и чуть не ввалился обратно. По коридору шел милиционер с огромной немецкой овчаркой, а за ним наш участковый Тимоша.

Радиоузел был открыт. Там я увидел взволнованного Гену Слюсарева. Он мне рассказал, что этой ночью кто-то украл радиостанцию. Обнаружили про-

пажу только утром, когда начались занятия, и все следы уже были затоптаны.

Я рассказал Тимоше, что меня выгнали из-за собаки. После звонка он вошел со мною в класс. Серафима Михайловна сухо извинилась и, не глядя на меня, вернула дневник.

Новость о пропаже радиостанции моментально облетела школу. Все собрались к радиоузелу, выпытывали у Гены подробности. Детективы-любители с таинственным видом шныряли по школе и бежали с доносениями в туалет. Там все сведения горячо обсуждались и создавались самые невероятные версии. Борька Шиян, обычно председательствующий на всех туалетных диспутах, на этот раз отнесся к событиям спокойно. Он только сказал, что по его мнению радиостанцию украли шпионы. Галстук с девицей после первого же урока Борька снял (почувствовал, что пахнет жареным) и теперь менял его на «что-нибудь дельное».

Мы с Костей были так взволнованы, что забыли про обед. Отправились в буфет лишь на последней перемене. Когда мы вернулись, в классе на доске висело объявление о собрании.

Последним уроком была геометрия. Как только урок закончился, в классе появились Серафима Михайловна и директор. Василий Ефремович скромно сел на заднюю парту, делая вид, что он здесь лицо постороннее. Серафима Михайловна, кусая от волнения губы, открыла собрание.

Председателем, как всегда, выбрали Валерку Шуста. С докладом об успеваемости и дисциплине тоже, как всегда, выступила группорг Надя Куракова.

Обычно Надя тихая, слова из нее не выжмешь, а поручат ей доклад — может говорить целый час.

Раньше Серафима ее каждый день в пример ставила: Куракова и отличница, и общественница, и скромная, и выдержанная. И вдруг в прошлой четверти трах-бабах! — Куракову разбирают на собрании.

А все вышло из-за дневника. Почти все в классе в этом году стали вести дневник. Меня хватило на четыре дня. Когда есть время записывать, ничего особенного не случается, а когда событий много — писать некогда. Надя свой дневник вела каждый день. Я иногда заглядывал через плечо, но она сразу же прятала тетрадь.

Однажды, когда Кураковой не было в классе, Семка Булкин полез к ней в портфель за тетрадкой по алгебре, случайно вытащил дневник и стал читать вслух. Ничего там особенного не было, только кое-где фразы: «Сегодня ОН подходил ко мне, спрашивал учебник по зоологии» или «Вечером думала о НЕМ. Жаль, что я не мальчишка». Из нескольких книг были выписаны объяснения в любви и всякие афоризмы о любви и дружбе.

Семка читал, кривляясь, прижимал руку к сердцу, закатывал глаза. И вдруг вошла Надя. Он услышала, что читают ее дневник, подбежала к Булкину и ударила его по лицу. Семка с дневником рванулся к двери, Надя за ним. В этот момент вошла Серафима Михайловна. Она забрала у Булкина дневник, а на следующий день устроила классное собрание. Серафима долго говорила о том, что у нас головы заняты не тем, чем надо, даже у таких, как Надя Куракова. Учительница перечислила все синтаксические ошибки в ее дневнике и, наконец, вернула его пылающей Наде: «Спрячь и никогда больше такого не пиши. Девочка должна быть скромной не только в поведении, но и в мыслях!»

В классе долго гадали, кто же этот таинственный ОН. Но так ничего и не придумали, а потом забыли. Дневника у Нади я больше не видел. Она стала еще старательнее и тише.

Куракова вышла к столу, опустила руки прямо и без запинки, как стихотворение, затараторила, что за прошедший период дисциплина снизилась, успеваемость упала. Об этом говорилось на каждом собрании.

Неужели это собрание устроили из-за галстука? Хотят, наверное, проработать меня, как следует, чтобы другим неповадно было. От волнения меня обычно тянет в туалет. И сейчас накатило. Я крутился, никак не мог усидеть на месте. Вася, наверное, думал: «Струсил! Крутится, как жук на булавке!» Я не выдержал и поднял руку:

— Что, Алехин? — раздраженно спросила Серафима.

— Можно выйти?

— Потерпишь! Продолжай, Надя!

Ей хорошо говорить — потерпишь. А у меня даже слезы выступили, так прижало.

Надя кончила всю эту дребедень с успеваемостью и перешла к галстукам.

— Ребята! В нашем классе произошло чрезвычайное событие. — В голосе у нее зазвучали траурные интонации. — Юра Алехин нарушил школьную форму и демонстративно пришел на занятия в галстуке. Несмотря на строгое предупреждение директора, Василия Ефремовича, и классного руководителя, Серафимы Михайловны, он продолжает носить галстук. К сожалению, наш класс вместо того, чтобы осудить выходку Алехина, отнесся к ней сочувственно. Нашлись и та-

кие, как Боровик, Скворцов, Шиян, которые сами стали носить галстуки...

— Я галстук не носил, — перебил ее Шиян. — Надел только раз для смеха!

— Шиян действительно надел только раз, — подтвердила Серафима Михайловна. — Продолжай, Надя!

— ...Алехин и раньше учился, неважно, о дисциплине я уже не говорю. А как надел галстук, стал получать двойки. — Надя еще потопталась у стола и добавила: — Мы должны строго осудить группу Алехина, которая позорит наш класс.

Куракова села. Валерка спросил:

— Кто еще желает выступить?

Все молчали. Обычно на классных собраниях у нас редко кто выступает. Серафима поговорит о том, что учиться надо лучше, двойки исправлять на тройки, тройки — на четверки, а четверки — хорошо бы на пятерки. Мы хором пообещали завтра же исправиться и по домам. Но сегодня собрание, видимо, затянется надолго.

— Смелее, ребята! — Серафима обвела взглядом класс.

Все прижались к партам и старались не смотреть на учительницу. Я сидел ни жив, ни мертв и думал, выдержу ли я до конца собрания? А что, если не выдержу? Я поднял руку.

— Хочешь выступить, Алехин? — спросила классная.

— Нет, выйти. Очень надо.

Борька Шиян заржал, как конь, и весь класс за ним.

Серафима Михайловна вопросительно посмотрела на директора. Но Василий Ефремович сделал вид, что не замечает ее взгляда.

— Сиди, Алехин! — приказала Серафима.

— Не могу! — признался я.

По тону она поняла, что мне приходится туго. Серафима Михайловна снова посмотрела на директора.

— Давайте поставим вопрос на голосование, — предложил Валерка. — Кто за то, чтобы отпустить Алехина?

— Не вообще отпустить, — уточнила Серафима, — а на пять минут, не больше.

Большинством голосов меня отпустили. Пока я летел между партами, Борька Шиян предложил:

— Пустите меня с ним! А то он сбежит!

— Может быть, тебе и ружье дать? — спросил Скворцов.

— Прекратите балаган! — крикнула Серафима. — Продолжаем собрание.

В туалете было тихо и спокойно. Думаю, может быть, посидеть здесь полчаса? Но что это даст? Вернулся.

— Дружнее! Дружнее, ребята! — подбадривала Серафима Михайловна. — Неужели вам не хочется сказать, что вы думаете по этому поводу?

Жека Скворцов играл на своей парте концерт. Он открыл глаза, встретился взглядом с Серафимой.

— Да что тут говорить!

— Встань, Скворцов! Ты что-то хочешь сказать?

— Ничего не хочу. Надели мы галстуки... Ну, что тут такого? Кому это мешает? — Жека снова закрыл глаза, и пальцы его забегали по парте.

— Та-ак! — раздосадованно протянула Серафима. — Какие еще будут мнения? Нет желающих? Значит, прав Скворцов? И все остальные завтра тоже надедут галстуки?

В классе повисла тяжелая тишина. У Спиридоновой упала на пол книга. Все обернулись. Спиридонова покраснела, вскинула глаза на Серафиму.

— Хочешь выступить? — с надеждой спросила классная.

Спиридонова испуганно замотала головой.

— Можно, я? — поднял руку Шуст.

Серафима кивнула.

Валерка встал и, широко улыбаясь, посмотрел на всех.

— Вообще-то мы с Алехиным друзья. Я знаю мотивы, по которым он надел галстук. Еще А. С. Пушкин сказал: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Но всему должно быть свое время и место. Что такое школа? Это наша работа. На работу надевают не то, что красиво, а ту одежду, в которой удобно работать. Поэтому в школу мы должны надевать форму. (Вася, наверное, так и таял от удовольствия. Это он обычно сравнивал школу с заводом, а парту со станком). Характерно, что в первые дни, когда Юра был без галстука, он получал только хорошие отметки. А как надел галстук, сразу же стал получать двойки. Я хорошо знаю Юру. У него часто бывают срывы. Но удивительно, что такие ребята, как Боровик и Скворцов, пошли у него на поводу. В общем я тебе скажу прямо, как друг: брось, Юра, выставляться! Займись лучше учебой. Парень ты умный, сам должен понять! — Валерка скромно присел на краешек стула. Губы у него сами

растягивались в довольную улыбку. Но он сдержался.

— Кто еще? — спросила Серафима, повеселев. — Может быть, Алехин хочет ответить?

Я видел, что меня спрашивают, но не понял, о чем. Вокруг ревели зрители. Шум ужасный. Я стоял посреди арены в шлепанцах, в брюках гармошкой и в ярком длинном галстуке, подошел лысый распорядитель во фраке, сорвал с меня галстук и погрозил пальцем. Я моментально надел новый. Распорядитель снова сорвал. Я повязал другой и побежал. Распорядитель за мной. На бегу из бездонных карманов, носа, ушей я вытаскивал десятки галстуков и бросал их публике.

— А ты, Костя, ничего не хочешь сказать? — спросила Серафима Михайловна.

Боровик почесал бровь:

— Чепуха какая-то!

— Что чепуха? — Серафима даже облизнула губы. — Встань, встань, Боровик!

Костя поднялся:

— Не понимаю, что мы здесь обсуждаем. Если галстуки нельзя носить, потому что они мешают заниматься, тогда почему девчонки ходят с бантами? Пусть и они являются в класс, как на завод. Если галстуки нельзя носить только потому, что директор запретил, то и обсуждать нечего!

Василий Ефремович не выдержал, быстро подошел к столу, за которым сидел Шуст.

— Я вас предупреждал, Серафима Михайловна! Либеральничаете! И вот до чего довели класс! Полная анархия! — Он почесал мизинцем багровую лысину,

немного успокоился и продолжал. — Конечно, то, что сказал Боровик — шутка. Правда, не совсем удачная и совсем неуместная. Все вы, вероятно, слышали, что прошлой ночью нашу школу ограбили. Кто-то снял слепок с ключей и унес радиоустановку. Милиция не сомневается, что это сделал кто-то из учеников нашей школы! — Директор обвел всех нас взглядом, ожидая, видимо, что виновник сейчас поднимется. — Конечно, я не думаю, что это сделал Алехин, Скворцов или Боровик. Они, надеюсь, еще не дошли до того, чтобы грабить школу. Но я должен прямо сказать, они на плохом пути. Галстук — это, конечно, пустяк. Но для чего они надели галстук? Чтобы выделиться, быть не такими, как все. Они считают себя выше коллектива, а значит, не уважают его. Рано или поздно они вступят в конфликт с коллективом, а там недалеко и до преступления. В своей речи Валерий Шуст очень хорошо заметил связь между успеваемостью и галстуком. Стоило Алехину надеть галстук, как он нахватал двоек. Женю Скворцова мы все уважаем за его музыкальные способности. Его мама активно участвует в работе нашей школы. Но учится он неважно, дисциплина тоже у него хромает. Не так давно мы обсуждали его поведение, когда Скворцов вырезал на парте клавиши...

— Два года назад! — уточнил Жека.

Но Василий Ефремович даже бровью не повел.

— ... Полагаю, что Боровик очутился в этой компании случайно. На него плохо влияет Алехин. Я уже советовал родителям Боровика принять меры. О самом Алехине здесь уже говорилось достаточно. Парень он неглупый, но к сожалению, свои способности использует не на учебу. Не далее, как в прошлой чет-

верти его поведение обсуждали на педсовете. Я предупредил Алехина, и он клятвенно обещал исправиться. Видимо, придется ставить вопрос более жестко... История с галстуками — только первый шаг, ведущий на очень скользкую дорожку. Если вы, коллектив, не сможете положительно повлиять на своих товарищей, результаты могут быть самыми плачевными. Предлагаю принять строгие меры: дать Боровнику и Скворцову выговор, а Алехину, как инициатору, строгий выговор.

После собрания Косте и Жеке нужно было остаться на репетицию духового оркестра, но они пошли провожать меня. Около моего дома постояли и пошли провожать Жеку, потом я провожал Костю. Оставшись один, я часа два бродил по поселку. В голове без конца прокручивалась видеозапись собрания. Некоторые кадры, особенно для меня важные, я прокручивал по несколько раз. Иногда останавливал пленку и говорил себе: «Ну, какой ты мямля! Здесь можно было так здорово ему ответить!»

Я ловил себя на том, что стою посреди тротуара и говорю вслух. Потом шел дальше без цели, ничего не замечая. Теперь я видел все свои промахи и отвечал Серафиме, Васе и Шусту колко и смело.

Около кинотеатра меня нагнал Шуст.

— Слушай, Юра! — хлопнул он меня по плечу, — надо поговорить!

— Катись ты! — Я оттолкнул его руку.

Но Шуст продолжал идти рядом.

— Не бери в голову! Вот мой совет! А вообще-то ты дуб! Самый настоящий! Зачем ты все это затеял? Нацепил селедку, видишь, Васе не понравилось, сними, извинись и дело в шляпе. Вон, как Борька Шиян!

Он такие номера откальывает, и все всегда шито-крыто. Потому что, как только его засекут, он сразу лапки вверх, извините, простите, я больше не буду. Ему, конечно, не верят. Но кто станет поднимать шум, когда человек признает свою вину?

Я не выдержал:

— Брось болтать! Лучше скажи, что ты сам думаешь: правильно нам запретили носить галстук или нет?

— Конечно, нет. Я сам видел: в городе старшекласники ходят в галстуках. Значит, и нам можно.

— Так бы и сказал.

— Ишь, какой умный! Кого интересует мое мнение? Вася хотел услышать свое мнение, я ему и выдал. Ты не злиться должен за это выступление, а сказать «спасибо». Я же тебя спас. Если бы все выступали и говорили, что ничего плохого в галстуках не видят, Вася мог разозлиться по-настоящему. Ты бы в два счета вылетел из школы! Я тебе сколько раз говорил, что учителей и директора не переспоришь, только наживешь врагов. Думать можешь, что хочешь. Но говорить надо только то, что они хотят. И все будет в порядке.

Валерке легко, он так может. А у меня не получается.

Шуст еще долго говорил, но я все равно ушел не попрощавшись.

Дома меня ждал сюрприз. Открыв дверь, я услышал голос Серафимы. Она рассказывала обо всех моих «подвигах». Но это ерунда. Самое обидное, что из-за наших галстуков классная получила выговор. Честное слово, лучше бы мне еще один вкатили. Было-бы легче.

Мать с Серафимой всплакнули, выпили кофе и долго прощались на лестнице. Говорили они уже о портнихе. Голоса были спокойными и даже веселыми.

Когда дверь за учительницей захлопнулась, мать закрылась в своей комнате. Сначала оттуда доносилось какое-то клокотание и вдруг — душераздирающий стон.

— Ну, за что? Ну, за что мне такое наказание? У всех дети, как дети, а этот... — Она захлебнулась слезами и долго слышались одни гласные. — Хотя бы день, один день я могла прожить спокойно. Ну, что из такого может вырасти, кроме бандита?! — Мать снова застонала так, что у меня по коже прошел мороз. — Это же не человек! Изверг! Отказываешь себе во всем! Все для него! И вот благодарности! Лучше бы он умер еще тогда...

В ее комнате за стеной что-то падало. А может быть, она билась головой о стену. Я зажал уши и начал реветь сам. Я кричал, что лучше бы я действительно умер, мне противно жить, ненавижу их всех за вранье, всюду сплошное вранье и что недолго им осталось мучиться. Я избавлю их от этого «изверга».

Мать прибежала ко мне, металась по комнате и каялась в том, что она меня простудила в детстве, я долго болел и вырос таким нервным. Я сжимал голову ладонями и выл от жалости к себе и к ней. Мать обнимала меня и кричала, что это она сама предложила мне надеть галстук. Она прижималась ко мне горячей мокрой щекой, и мы рыдали вместе. Всплиывая, я признался во всех грехах. Дал слово завтра же начать новую жизнь. Слово я ей давал бесчисленное количество раз. Наверное, она уже не верила. И в то же время верила, ведь я был ее сыном, и ей

хотелось верить, что когда-нибудь я буду другим. Мать обещала ничего не говорить отцу, и, в знак примирения, мы оба, с красными, распухшими глазами, пошли в кино.

Это было прекрасное мгновение. Не надо больше ничего скрывать, не надо выкручиваться. Очищенный и примиренный, я с наслаждением до двух часов ночи делал уроки, приводил в порядок тетради и учебники.

Глава IX

ОПЯТЬ ВЫГОВОР

На следующей неделе в школе все говорили об ограблении радиоузла. Кое-кого из ребят вызывали к следователю. Меня тоже остановил Тимоша.

— Ну, как, Шерлок Холмс? (Это он не мог забыть, как я за ним следил). Кто, думаешь, украл радиостанцию? Что говорят среди ребят?

— Наверное, шпионы.

Тимоша присвистнул.

— Шпиону такая бандура ни к чему! Это сработал кто-то из ваших молодцов!

Про галстуки больше никто не вспоминал. Но дня через четыре после собрания Жека Скворцов снова появился при галстукe, правда, уже не бабочкой, а в обыкновенном, цвета хаки.

— Ты, что спятил? — уставился я на него. — Не знаешь разве, что Серафима получила выговор из-за наших галстуков.

— Отменят! — сказал он уверенно. — И наши отменят. Моя мамаша была в горно. Теперь Василию

намылят шею. Оказывается, давно уже школьникам старше пионерского возраста рекомендовано носить галстуки. В горно были удивлены, что наш директор этого не знает. Провинция!

Жекина мама чего хочешь добьется. В школе ее боятся все учителя, даже Вася. Но я все равно не поверил. Слишком неожиданный оборот.

Серафима Михайловна вошла в класс и не обратила никакого внимания на Жекин галстук. А когда кончился урок, явно смущаясь, сказала:

— Я вас задержу еще на минуточку. Ребята! Нам разъяснили, что галстуки, конечно, скромных расцветок и фасонов носить можно...

— Ура-а-а! — закричал Булкин.

Все в классе одобрительно загудели. Я не удержался и показал Валерке Шусту нос.

— ... Василий Ефремович распорядился, чтобы мальчишки старше пионерского возраста со следующего понедельника обязательно ходили в галстуках.

Семка еще раз закричал «ура». Костя посмотрел на меня, усмехнулся:

— Разрешите вас поздравить!

Первым пришел в галстук Шуст. А через неделю и остальные ребята, кроме меня и Кости, повесили на шеи «селедки». Если кто-нибудь приходил в школу без галстука, Серафима записывала в дневник: «Одет не по форме. Нужно носить галстук». Нас с Костей классная долго не трогала, но однажды остановила меня:

— Снова, Юра, за собой не следишь! Почему ты не носишь галстук? Тебе он очень шел.

— Боюсь опять получить выговор!

— Это же было недоразумение. Теперь все выяснилось!

Я ничего не ответил.

На следующий день было воскресенье. Родители мне разрешили съездить в город посмотреть фильм «Парижские тайны». Но билетов я не достал, так просто пошатался. А когда возвращался, прошел по вагонам: думаю, может быть встречу кого из знакомых, поболтаем, и нарвался на Васю. Он сидел в теплогрееке, с рыбацким ящиком, с пешней. Я поздоровался, хотел пройти мимо, но директор предложил мне сесть напротив.

Я сел и стал ждать, что он скажет. А Василий Ефремович смотрит на меня и молчит. Только глаза поблескивают: то ли хитро, то ли весело — поди пойми! Чувствую, молчать больше никак нельзя. Напряг все свои извилины и выдал:

— Как улов?

— Кошке хватит, — улыбнулся Вася. И вдруг сразу, — послушай, Юра, брось ты этот спектакль. Когда никто не носит галстуки — ты носишь, я прикидываю всем надеть — ты один ходишь без галстука. Чувствуешь себя героем? Вот я какой! Никого не боюсь, что хочу, то и делаю! Глупо! До чего же глупо! Напрасно расходуешь массу душевных и физических сил. Для них можно найти гораздо лучшее применение. Ты способный парень, а перебиваешься с двоек на тройки, в школе висишь на волоске. Вот и направил бы свою буйную энергию на занятия. Давай договоримся: приходи завтра в школу, как положено, и построже следи за собой. Постарайся придумать что-нибудь хорошее, полезное для класса или для школы. Вон, как здорово получилось у тебя тогда с макулатурой!

Почему он не говорил со мной так, когда я надел галстук? Я бы снял моментально. А теперь...

— Не могу я, Василий Ефремович... — промычал я плаксиво.

— Что не можешь? Галстук надеть?

— После того собрания видеть я этот галстук не могу.

Василий Ефремович помотал головой.

— Трудно тебе, Алехин, в жизни придется! Сидит в тебе это упрямство... — Он сжал кулак. — Не сломаешь его сам, жизнь будет ломать. А это больно. Начнешь работать, и тебе будет казаться, что все делают не так, стараются тебя обойти, обидеть. Ты будешь из ничего делать истории, склочничать. А таких не любят! Подумай! Это же сущая ерунда — надеть галстук, а ты не можешь пересилить себя!

— Но это и в самом деле ерунда! Какая разница — надену я галстук или нет?

— А дисциплина? Порядок? — Василий Ефремович начал терять терпение. — Положено всем ученикам носить галстуки — значит, надо носить, и нечего рассуждать! Тут дело не в галстуке, а в принципе. Важно приучить вас к дисциплине. А если бы в бою так стали рассуждать: один хочет наступать, другой не хочет, а третьему в баньке надо попариться...

— В бою другое дело, это я понимаю. Но мы же не на войне! Почему...

Вася поморщился, как от зубной боли:

— Мы стремимся сделать из вас настоящих людей: умных, добрых, трудолюбивых. Но одного желания учителей мало.

— И мы хотим стать настоящими людьми! Но почему мы все должны быть абсолютно одинаковыми!

Положено носить галстуки, так всем до единого! Ну, а если один-два не наденут? Главное же...

— Главное я понял, — перебил меня Василий Ефремович. — Говорить с тобой бесполезно! Ну, как хочешь, Алехин! — и он замолчал.

Я видел, как под кожей у него заходили желваки. Молча мы доехали до нашей станции.

А дня через два, после уроков, меня, Костю и Жеку вызвали к директору.

Неужели снова из-за галстуков? Но причем здесь тогда Скворцов? Он каждый день носит галстук.

В кабинете директора вдоль стен сидел весь оркестр, но без инструментов. Руководитель оркестра Паша беседовал о чем-то с директором. При нашем появлении Василий Ефремович сел за стол:

— Кажется, все в сборе? Тогда начнем. Вы все — члены духового оркестра. По заявлению вашего руководителя (кивок в сторону Паши) оркестр разваливается. Половина участников на репетиции не ходит. Пока не поздно, мы решили навести порядок. — Директор пододвинул к себе список. — Первым у нас Алехин... Отмечено, что был на репетиции всего два раза. Получит строгий выговор...

От обиды у меня задрожали губы.

— Мне сказали, что я могу не ходить на репетиции. У меня нет слуха...

— Кто сказал?

Паша приподнялся со стула.

— Василий Ефремович! Это правда. У него действительно нет музыкального слуха.

— Зачем тогда вы его взяли в оркестр?

— Скворцов рекомендовал. Я думал, он в курсе...

— Вот что! Я приказом зачислил его в оркестр и, насколько помню, свой приказ не отменял. Алехин был обязан посещать репетиции.

— Но он же не может играть в оркестре, — продолжал настаивать руководитель.

— Павел Сергеевич! — Директор посмотрел на Пашу в упор. — Вы развалили оркестр. Сами не смогли наладить дисциплину и обратились за помощью ко мне. Так, кажется? Алехину строгий выговор дается не только потому, что он не посещал репетиции оркестра. А потому, что для него и ему подобных приказ директора — ничто! Нельзя было надевать галстук — они носили. Сейчас приказано всем надеть — они ноль внимания. Если у Алехина нет музыкального слуха, почему он не обратился к классному руководителю или ко мне и не попросил изменить приказ и зачислить его в драмкружок? Он же прекрасно знал, что все должны заниматься художественной самодеятельностью... Кто там следующий? — Вася заглянул в список. — Боровик... пропустил одно занятие. Выговор.

В коридоре я, Костя и Жека поздравили друг друга с новым выговором.

— Это же надо! — протянул Жека. — Попробуй после этого не верить в судьбу!

— А ты говорил, моя мама добьется, отменят..., — передразнил я Жеку. — Последнее слово всегда будет за директором!

— Здесь я пас! — развел руками Жека. — Влепил он нам выговор классно! Не подкопаешься!

Серафима еще раза два подходила ко мне, уговаривала записаться в драмкружок. Но мне уже бояться было нечего, и я отказался.

Скоро должна была приехать комиссия из гороно. Но комиссия не приехала, и все успокоились. Прогалстуки тоже забыли. Носили их теперь только самые старательные.

Глава X

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

Нет, в этой четверти мне уже не удастся стать другим человеком. Гиблое дело. Дотянуть бы до конца без происшествий. А уж в последней четверти я возьмусь.

Уроки я готовил большей частью на переменах: спишешь у кого-нибудь, учебник полистаешь и вытянешь на тройку, а иногда и на четверку. Случались, конечно, и двойки.

Дома я читал исторические романы, иногда ходил на каток, но возвращался злой и с головной болью. Увижу, что какой-нибудь мальчишка катит с девчонкой по кругу, и мне уже не по себе. Кажется, ничего не пожалел, чтобы быть на его месте.

На Наташу я старался не смотреть и как-будто успокоился. Мы почти не разговаривали, а если вдруг она спрашивала что-нибудь у меня, Борька Шиян встревал и старался вызвать драку.

Костя увлекся эсперанто, уговаривает меня заниматься вместе с ним. В другое время и уговаривать бы не пришлось. А сейчас такая хандра напала, не до эсперанто!

Однажды я приташил в класс наш семейный альбом. Мне там нравились несколько фотографий: мама и папа совсем молодые, я на руках у матери, отец бородатый и с трубкой. Я стал показывать

фотографии Косте (хотя он их уже видел), подошло еще несколько человек, заглянула и Наташа.

— Мама и папа у тебя были красивые! — сказала она. — Папа похож на какого-то киноартиста!

— На того, который всегда играет эсэсовцев, — засмеялся Скворцов.

Я на него не обиделся. Жека, хотя и приятель, но возможность сострить не упустит.

В этот день во мне снова звучала музыка. Но вечером я увидел Наташу с Борисом. Они возвращались с катка. Борька нес две пары коньков и швырял снежки в витрины.

Костя меня успокаивал, говорил, что Наташа дружит с Борькой только потому, что он ей достает заграничные шариковые ручки, стереооткрытки и пластинки. Марченко от таких погремушек без ума. Борька доставал их у Мельникова. Может быть, и мне обратиться к нему? У меня есть тринадцать рублей, скопил на подзорную трубу. Но Мельников вряд ли будет возиться с таким клиентом.

Ничего, утешал я себя, в жизни каждого человека бывают жуткие моменты. Надо переждать, и все наладится. Но прошло дня три, я влип в историю с финкой и думал: какой же я был счастливый тогда, всего несколько дней назад!

Как это началось? Кто-то принес в школу финку, и вдруг все мальчишки стали вооружаться. В темных углах, в туалете ребята хвастались друг перед другом ножами. Обладатели финок ходили с независимым видом, руки в карманы, и гордо поглядывали на небооруженных. У большинства финки были самодельные — из напильника — или охотничьи ножи. Только у Шняна был настоящий кинжальчик, обоюдоострый, с лихо загнутыми усиками и рукояткой,

набранной из цветного плексигласа. Мальчишки в туалете, где Борька курил на переменах, просили его показать кинжал. Борька ломался, отнекивался, но вдруг неожиданно выхватывал свой нож и замахивался на какого-нибудь малыша. Тот пулей вылетал из туалета. Борька, довольный, хохотал и награждал малышей щелбанами. Через несколько дней точно такие же кинжалы, как у Шияна, появились у его приятелей — «спортсменов» Эда и Стенли.

Я вспомнил, что у отца в столе хранится очень красивый нож. Ручка из слоновой кости резная, а на ней самуран, совершающие харакири. Нож был с секретом. Одна из пластинок отодвигалась, и неожиданно со звоном вылетало лезвие. Этот нож отец привез с войны и очень им гордился.

Дома я перерыл все ящики письменного стола, пока нашел нож. Потом сидел в своей комнате и слушал, как с мелодичным звоном выскакивает лезвие.

Утром в школу я прибежал чуть ли не первым. Я хотел дождаться подходящего момента, чтобы выступить со своим ножом, но не удержался и показал Шусту. Я еще дулся на него за то собрание. Но долго злиться я не могу. К тому же, из мальчишек больше никого не было. А мне не терпелось похвастаться. Валерка, увидев нож, только и сказал:

— Высший класс! — и попросил подержать.

Я дал, мне не жалко. Пришли другие ребята, и им нож понравился. Только Борька сказал:

— Видел я такой в охотничьем магазине за четыре рэ. — Но его подняли на смех. — Может быть, я спутал, — примирительно сказал Шиян. — Дай посмотреть!

— Держи карман шире! — я спрятал нож.

Такому, как Шиян, ничего не стоило схватить нож

и убежать. Иди потом, жалуйся учителям, что у тебя украли финку. А мне за нее отец голову оторвет.

На переменке я чувствовал себя, как король в тронном зале. Все опять облепили меня. Я стал демонстрировать нож.

— Вот это финяга! — сказали Шияну. — Не то, что твой ножик для консервов!

Борька выхватил свой кинжал, замахнулся на говорившего, но сегодня этот жест не произвел впечатления. Эд, приятель Шияна, толкнул меня, а Борька попытался выхватить у меня нож. Я шлепнулся на пол, но финку из рук не выпустил. В этот момент появился историк Николай Яковлевич.

— Что это ты, Юра, на полу сидишь? — Он помог мне подняться.

Я поспешил выйти с завучем.

Зря я взял нож. Они обязательно что-нибудь подстроят.

На большой переменке Серафима Михайловна объявила, что вместо последних двух уроков мы пойдем на экскурсию на лесопилку. Все, конечно, обрадовались. Такие подарки нам преподносят нечасто.

Лесопилка была в километре от школы. По пути мы проходили мимо моего дома. Я хотел забежать, оставить нож, но у подъезда увидел Стенли и Эда. Пришлось вернуться в группу. Эд и Стенли увязались за мной. Тогда я незаметно передал финку Косте. «Спортсмены» схватили меня за руки и обыскали карманы. Ничего не найдя, тройка оттянулась и стала совещаться. Борька, видимо, догадался, кому я передал нож, и они прилипли к Косте.

— Отвяжитесь! — крикнул Боровик. — Чего вы пристали?

Серафима Михайловна, увлеченно беседовавшая с девочками, подняла голову.

— Ребята! А вы кто такие?

— Мы из 8-а, — ухмыляясь, ответил Эд. — Наш класс сегодня тоже идет на лесопилку.

— Впервые слышу, — пожала плечами Серафима.

Костя незаметно вернул мне нож. Я старался держаться рядом с учительницей и все время наступал девочкам на ноги. Эд потянул меня за локоть.

— Слушай, отдай сам! Хуже будет! — Он попытался выдернуть мою руку из кармана.

Серафима Михайловна посмотрела на нас:

— Чем вы там занимаетесь?

— Алехин занял у меня рубль и не отдает! — с серьезным видом объяснил Шиян.

Стенли и Эд покатались со смеху. Серафима, ничего не понимая, отвернулась.

Наташа, все время наблюдавшая за нами, неожиданно вмешалась:

— Оставьте его, ребята!

«Спортсмены» снова схватились за животы:

— Арина — мать солдатская! — усмехнулся Эд.

Наташа сделала гримасу:

— Ха-ха-ха! Остряки-самоучки!

Шиян взял ее за руку:

— Скажи ему лучше, пусть отдаст ножик! Тебя он послушает!

Как мне хотелось в этот момент врезать ему по конопатой физиономии. Но разве у меня хватит смелости! Я же трус. Жалкий трус!

— Отстань! — Наташа оттолкнула его и отошла.

Я шел, окруженный эскортом. Рядом со мной повизгивал от восторга Шиян, спереди и сзади топали

Эд и Стенли. Да, теперь держись! Серафимы они не побоятся. А из наших ребят никто с ними не сладит.

Мастер, сутулый морщинистый старичок, похожий на гнома, повел нас по территории лесозавода. Конвоиры подталкивали меня, подставляли ножку и ждали удобного случая.

Мне повезло: мастер повел нас не по цехам, а в лабораторию и стал подробно рассказывать о технологическом процессе. Говорить он был не мастак, сыпал формулами и техническими терминами. Скоро его перестали слушать и начали болтать. Серафима нас успокаивала и извинялась перед мастером.

— Ничего, ничего, — улыбался гном. — Я сам был молодым, — и продолжал сыпать терминами.

Наверное, я единственный мечтал, чтобы он говорил, говорил, говорил до глубокой ночи. Тогда бы забеспокоились родители, прибежали сюда, на завод, и я был бы спасен.

Старичок замолчал и виновато улыбнулся:

— Наверное, я непонятно рассказываю? Может быть, у вас есть вопросы?

— Все о'кей! Хиляем в цех! — крикнул Стенли.

Все задвигались, зашумели.

— У меня есть вопрос, — выпалил я. — Какая древесина считается самой ценной?

— Дуб! — ответил Шиян и двинул меня в плечо.

Но старичок обрадовался вопросу и стал с удовольствием рассказывать о различных сортах древесины, объяснял, какой сорт на что идет. Он видел, что его не слушают, но не в силах был остановиться. Освоей работе, наверное, он мог говорить весь день.

Костя понял мою тактику. Он спросил у мастера, как добиваются того, что дерево становится крепче стали.

«Спортсмены» засвистели. Большинство их поддержало. Серафима Михайловна сначала была довольна, что мы интересуемся, но потом все чаще стала посматривать на часы, и мастер повел нас по заводу.

Конвой не отставал ни на шаг. Костя все время шел рядом. Но чем он мог помочь? Эх, вот бы встретить кого-нибудь знакомого из взрослых, отдать нож.

В деревообрабатывающем цехе мы шли цепочкой по широкой доске. Справа и слева в отсеках были пилы. Меня ударили по спине и повалили. Я сунул нож в кучу опилок и заорал. Но пилы так визжали, что меня можно было разрезать на части, никто бы не услышал. Меня трясло от страха и злобы. Но и «спортсмены» волновались. Они толкали друг друга и все никак не могли залезть ко мне в карманы.

— Отдай нож, не то прирежем!

— Нет у меня никакого ножа!

«Спортсмены» прижали меня почти вплотную к машине, и в лицо полетели стружки. Пила была в нескольких сантиметрах от головы. Сильная струя теплого воздуха подняла на голове волосы.

— Последний раз спрашиваем, отдашь нож?

Но меня вдруг охватила злоба. Сейчас меня могли разрезать, я бы ножа не отдал.

— Сволочи! — прохрипел я. — Все равно не получите!

«Спортсмены» решили, что я снова передал нож Косте и бросились его догонять. Я нашел финку и помчался к проходной. Хорошо, что в этот момент выезжала машина и сторож меня не задержал.

Около забора лесопилки росла низенькая кривая сосна. Я сунул нож между корнями и забросал снегом. Только отошел от сосны, из проходной

выскочили Борька и Стенли. Я рванул так, что казалось вот-вот из горла хлынет кровь. Оглянулся. Эд забегал наперерез. Шиян и Стенли были рядом. Я свернул за угол и вдруг увидел Тимошу. Он шел по направлению к моему дому. Я сбавил скорость и пристроился рядом.

— Ну, что, Шерлок Холмс? — спросил Тимоша. — За кем гнался?

— Убегал, — выдохнул я с присвистом.

Тимоша оглянулся:

— А, «спортсмены»? Знакомая компания!

Мы подошли к моему дому. Я уже хотел рвануть, но услышал голос Шияна:

— А у него в кармане холодное оружие! Честное слово. Проверьте. Вот такая финяга!

— Я сначала тебя проверю. Не нравится мне твоя физиономия!

«Спортсмены» попятились и мигом исчезли.

Дома я грохнулся на стул, стоявший при входе, и не мог подняться.

— Что опять? — испугалась мама.

Узнав, что в школу ее не вызывают, она успокоилась. Но я не находил себе места. А вдруг они заметили, что я копался под сосной? Сначала не обратили внимания, а теперь вернутся. Как же мне сходить за ножом? «Спортсмены» наверняка дежурят у дома. Эту компанию я знаю. Теперь от них не отвяжешься.

Вернулся отец. Выслушав доклад матери, он зашел ко мне в комнату.

— Слушай, Юра, что с тобой происходит?

Я рассказал. Не все, конечно, в общих чертах. Он не стал даже ужинать, оделся, и мы отправились на лесопилку. Вокруг сосны было натоптано, но шож ле-

жал целехонек. Я вернул его отцу и обещал никогда больше не брать.

Когда мы возвращались домой, отец сказал:

— Я часто думаю, что из тебя выйдет? В школе у тебя постоянные конфликты с учителями, товарищами, дома — с матерью...

Что ему на это скажешь? Все верно. Но разве я виноват, что у меня такой дурацкий характер? Я сам себе противен. С кем угодно обменялся бы шкурами!

Но ему я этого не сказал. Отец не кричал, не отчитывал, а говорил так, будто он во всем виноват и просит у меня прощения.

Мне хотелось рассказать отцу обо всем, что меня волнует, но мы так долго не говорили с ним... Бывает, дружат два человека, видятся каждый день и им есть что рассказать друг другу. Но вдруг случилось, что они не виделись долго, долго. Потом опять встретились. За это время столько событий произошло, а говорить вроде не о чем.

— ... Сейчас ты переживаешь самый трудный период в жизни, но и самый счастливый, — сказал отец.

Я не выдержал и расхохотался. Врагу бы не пожелал такого счастья. Папа тоже улыбнулся.

— Тебе трудно поверить, но это так. Когда у меня случаются неприятности, я уже не страдаю так остро, как в юности. Зато и от радости не могу запеть на улице или обнять первого встречного...

Давно отец не говорил так со мной. Наверное, мы могли бы стать друзьями, если бы вот так говорили чаще. Я снова вспомнил мальчишку с матерью, как они вскочили в электричку и подмигнули друг другу.

— ... В моем возрасте, — продолжал отец, — читают для информации или развлечения. А на тебя сейчас влияет все: книги, фильмы, люди. Сейчас в

тебе формируется человек. Выйдет дрянь — и тебе самому мука, и всем вокруг. Потом уже ничего не исправишь. Хотелось бы сейчас побольше быть с тобой. Чувствую, что мы отошли друг от друга. Я часто смотрю на тебя и не узнаю. Что ты за человек? Что ты больше всего ненавидишь?

— Вранье! Вокруг сплошное вранье! Я просто задыхаюсь от вранья!

Я стал рассказывать отцу о том, как в конце четверти всем двоечникам выставляют тройки, но он прервал меня:

— Напрасно ты концентрируешь внимание на таких пустяках!

Опять пустяки. Послушать взрослых, они всегда правы. Но я-то знаю, что они просто выгораживают друг друга. Может быть, напомнить отцу, как его директор дачу построил? Но я пожалел отца. Он, конечно, найдет какое-нибудь объяснение, что-нибудь наплетет, но расстроится. Себя он обманывать не станет.

Когда мы входили в наш двор, я обернулся и увидел на другой стороне улицы Борьку и Эда. Они поприветствовали меня поднятыми кулаками.

Глава XI

ТАНЦАМИ УВЛЕКАТЬСЯ НЕ СТОИТ!

Утром в школу я шел, как на казнь. Хотя на казнь, наверное, идти легче. Там можно подготовиться к мысли о смерти. А тут не знаешь, что тебя ждет.

Как я сейчас завидовал Мишке Снегиреву! Он в прошлой четверти сломал ногу, третий месяц лежит

в гипсе. Учителя к нему ходят заниматься. Благодать! Если бы мне так! Заболеть на месяц-другой, а там, глядишь, все уладится.

В школу я пробрался кружным путем. На уроках сидел как пришибленный, старался ни на кого не смотреть. Мне было противно все. Случилась беда, и вот никто не может помочь! Рассказать Серафиме? Но что она может сделать? «Спортсменов» вызовут, поругают, а меня они все равно будут бить. Да еще от директора достанется за то, что в школу принес финку.

Меня вдруг разобрал смех. Вспомнил, как всего несколько дней назад я считал себя самым несчастным человеком на свете. Главное, из-за чего? Переживал, что не могу достать для Наташи заграничных погрешушек!

Уж лучше бы я натворил что-нибудь в школе! Вызвали бы маму, поругали меня и все. Теперь же мне не будет покоя нигде. И не знаешь, что они выкинут.

На переменах я не выходил из класса. Но на последней меня все-таки выставили в коридор, и я, конечно, натолкнулся на «спортсменов».

— Где финка? — мрачно спросил Шиян.

— В ящике, — ответил я, как можно спокойнее.

Эд прижал меня к стене.

— Хочешь сам очутиться в ящике?

— Ребята! Бросьте! — услышал я голос Валерки Шуста.

Эд, не выпуская меня, развернулся к Шусту:

— Это еще что за кикимора?

Я оттолкнул Эда и побежал. Шиян за мной. По коридору парами прогуливались первоклашки, и с ними учителя. Того и гляди получишь замечание. Пришлось перейти на шаг. Главное, добраться до лестницы, а

там можно и рвануть. Я все время оглядывался на Шияна. Расстояние между нами сокращалось, и я прибавлял скорость. Вот, наконец, и лестница. Я схватился за перила, рванулся и врезался головой во что-то мягкое. Поднимаю глаза — директор! Борька хотел шмыгнуть в сторону, но Вася его поманил пальцем.

— Это еще что за марафон? — спросил директор.

— В салочки играем... — ответил Шиян с самым невинным видом.

Вася с сомнением посмотрел на меня:

— А ты что скажешь?

Я ошалело таращил глаза на директора и тяжело дышал.

— Что же ты молчишь? Всякие безобразия устранять ты первый, а вот...

— Алехин не виноват! — подоспел на выручку Шуст. — Они к нему первые полезли!

— Кто они? Почему полезли? Давай по порядку!

— Вот Шиян и еще один из 8-а.

— Неправда, — сказал Борька. — Он сам...

Но Василий Ефремович его не слушал и снова обратился к Шусту.

— Так почему полезли?

Валерка замаялся. Директор его подбодрил:

— Говори, говори, раз начал.

Шуст смущенно потупился.

— Алехин вчера принес очень красивую финку. Они хотели ее отнять.

— Принес в школу финку?! — Вид у Василия Ефремовича был такой, словно я пырнул его ножом. — Нечего сказать, хорош ученик! Где же эта финка?

— Дома, — выдавил я.

— Вот и иди домой за родителями. — Покончив

со мной, директор обернулся к Шияну. — С твоими родителями тоже не мешает побеседовать!

Вот уж чего мне сейчас не хотелось, так это очутиться с Борькой наедине. Но, к счастью, директор передумал. Он сказал Шияну:

— Ладно, ступай. После уроков зайдешь ко мне в кабинет!

Мать стирала белье. Узнав про вызов, она покричала, поплакала и, повозившись с косметикой, отправилась в школу. Сейчас ей выложат про все мои двойки, и снова начнется представление. Но сегодня меня это не пугало. Родители могут ругать, грозить. Что они могут сделать еще? Во всяком случае с ними можно разговаривать, можно объяснять, обещать. А что я могу сказать «спортсменам»? Они меня будут колотить нещадно или подстроят что-нибудь.

В другое время сидел бы я спокойноенько дома, и никуда бы меня не тянуло. А как подумал, что я никуда не могу выйти, так и начал метаться по комнате.

Тут еще Костя позвонил:

— Ты уже купил подарок?

— Кому? — не понял я.

— Привет! С луны свалился? Завтра же восьмое марта. Видел, какие нарядные сегодня были девчонки?

— Не заметил.

— Ну брат, это на тебя не похоже. У тебя опять с Васей что-то вышло?

— Да нет, просто тошно.

— Не переживай. Завтра забегу. А сейчас нужно еще матери подарок найти.

Пересчитал свои сбережения, оказалось пять рублей лишних. Тогда я вспомнил, что отец еще неделю назад дал мне их на подарок маме.

Попробуй походи по магазинам. В два счета можно палететь на «спортсменов». Хороший будет подарок, если я вернусь с фонарем под глазом. Подождать отца? Но он может придти поздно, магазины уже будут закрыты. Попробую зайти к Леке, нашему соседу по площадке. Согласится он пойти со мной — порядок, нет — дело дрянь!

В поселке считали, что Лека немного «с приветом». Выглядел он в самом деле довольно странно: высокий, с длинной рыжей бородой, в пожарной куртке с блестящими пуговицами, и в дырявой шляпе с обрезанными полями. Лека художник и работает сторожем в зоопарке. В прошлом году он подарил мне на день рождения вырезанного из корня кота. Папа тогда сказал, что Лека талантливый парень. Из него может выйти настоящий художник.

Длинная, узкая, как коридор, комната Леки завалена рулонами бумаги с абстрактными работами, корягами, трубами, бутылками. Того и гляди растянешься.

Лека разогнал рукой табачный дым:

— А-а, гимназист! Милости прошу!

— Завтра женский день, — начал я, — не знаю, что купить матери в подарок.

Лека оторвался от коряги, уже принимавшей очертания старика с трубкой:

— Купи у меня что-нибудь из серии «На темы джаза».

— Мать не любит абстрактные работы.

— Надо воспитывать предков на лучших образцах современного искусства.

— Их воспитаешь? Я уже сколько лет этим занимаюсь, и все без толку!.. А что это? — Я показал на цементную фигурку сфинкса.

Лека установил на голове сфинкса свечу.

— Нравится? Бери.

Сфинкс был действительно симпатичный.

— Сколько? — осторожно осведомился я.

— Пустяки. Три сорок пять.

— Вот это точность!

— Надо выкупить в магазине альбом «Графика Пикассо», — объяснил Лека.

— Подарок есть. Уже легче. Теперь бы цветов достать.

— Цветы — пустяк! В момент обеспечим, — пообещал Лека. Он нахлобучил свой дырявый картуз, застегнул на куртке все латунные пуговицы, и мы вышли на улицу.

В цветочном магазине стояли какие-то лопухи в горшках и кактусы. Другими цветами не пахло. Лека энергично принялся за толстуху продавщицу: осыпал ее комплиментами, обещал написать портрет. Но толстуха была неумолима. Тогда Лека стал рассказывать байку про своего приятеля, режиссера на киностудии, обещал устроить толстуху на съемки. Но и это ее не соблазнило. Я уже отчаялся, думал, уйдем с пустыми руками. Тут продавщица вдруг спросила:

— Где вы достали эту брошку? — она показала на портрет длинноволосого парня, висевший у Леки на куртке.

— Сам нарисовал. Могу подарить.

Лека прицепил ей на пышную грудь брошку, и продавщица вынесла из кладовки три чудесных розы.

Подарок есть, цветы тоже, можно бы и возвращаться. Но Леку на каждом шагу останавливали такие же, как он, бородачи и подолгу обсуждали последние события в их компании. Я совсем замерз и мечтал поскорее очутиться дома. Наконец, когда совсем

стемнело, Лека встретил очкастого парнишку с негритянскими губами и пригласил его к себе. Мы отправились домой.

Мама неожиданно встретила меня улыбкой. Она уже успела побывать в парикмахерской. О двойках в предпраздничной суматохе ей, видимо, забыли сказать. А за нож меня уже ругали вчера.

Отец еще не вернулся. Мама плотно устроилась у телефона и обсуждала с Вероникой все ту же вечную проблему насчет замужества. Я сидел в своей комнате, листал зачитанный до дыр журнал и мечтал, чтобы началось землетрясение. Перед праздником на меня всегда находит. Наверное, потому что думаешь: вот прошел еще кусок жизни. Ты давал себе слово, что к этому сроку все переменится и ты станешь другим человеком. Но ничего не изменилось. Наоборот. Стало еще хуже.

На следующий день мы с отцом поздравили маму, вручили ей подарки, потом сидели за праздничным столом, пили кофе и ели торт. Но я не чувствовал вкуса торта. Ел, словно это батон.

Как могло быть все замечательно, если бы у них был другой сын! Учился бы прилично, гонял в футбол и не выкидывал никаких фортелей.

Мама подозрительно посмотрела на меня:

— Почему, интересно, ты в праздник сидишь дома?

— Так просто.

— И на вечер не пойдешь?

— Нет.

Обычно в этот день все по дому мы с папой делали сами. Отец убирал квартиру, мыл посуду, я покупал продукты. Но сегодня я попросил отца поменяться обязанностями. Папа страшно удивился: он знал, как я ненавижу уборку. Да к тому же каждому ясно,

что убирать труднее, чем сбегать в магазин. Пошептавшись, родители решили, что я заболел, и освободили меня от всех работ. Но я все-таки взялся вынести помойное ведро.

На лестничной площадке было темно. Сквозь маленькое окошко наверху я увидел нежно-розовую паутинку заката. Еще мгновение, и она исчезла, осталось только серое скучное зимнее небо. Чуть ниже, наверное, полыхало багряное солнце. Но я его не видел. На этой лестничной площадке мне всегда становилось грустно. В детстве я здесь прятался, когда ссорился с матерью или отцом. Забьюсь в уголок возле окошка и вынашиваю планы жестокой мести. Помню, мне хотелось завести толстую тетрадь и записывать в нее свои обиды, нанесенные взрослыми. Потом, когда я вырасту, а родители будут дряхлыми, как-нибудь вытащу этот фолиант и прочту им все-все. Пусть узнают, как я страдал! Я представлял их заплаканные лица, слышал слова рассказания и успокаивался.

Вот вспомнил об этой тетрадке, и стало стыдно. Не так я живу. Честное слово. И словно не живу, а раскручивается во мне пружина, и меня, как игрушечного мотоциклиста, несет неизвестно куда и зачем. Остановиться, хотя бы на мгновение, задуматься. Да где там!

Я так разволновался, хотел вернуться в свою комнату, посидеть, подумать обо всем, но когда переступил порог, вспомнил, что у меня в руке помойное ведро. Хорошо еще мать не заметила. Уложила бы в постель моментально.

Сегодня праздник, но совсем невесело. Весело, когда у тебя на душе праздник. Но разве это бывает по определенным, отмеченным в календаре дням? Наоборот. Как подумаю, что праздник, надо веселиться,

и становится грустно. Может быть, это только сегодня у меня такое настроение, потому что я никуда не могу пойти? Скоро в школе начнется вечер, а я буду киснуть дома.

Когда я вернулся, меня ждал Костя.

— Еще не собрался? Разве ты не пойдешь на вечер?

Я знал, что этот вечер может для меня плохо кончиться, но не мог усидеть.

— Мам, может быть, пойти?

— Но ты же болен?

— У меня только голова болит, но это пройдет. — Я стал поспешно собираться.

— Конечно, когда нужно сходить в магазин, ты болен, — с обидой сказала мама. — А чуть приятель позвал, сразу выздоровел!

У школы мы сразу налетели на Шияна. Он многообещающе ухмыльнулся и исчез. Теперь держись!

Весь концерт мы с Костей играли в морской бой. Эти концерты, как пирожки с повидлом. Ешь, давишься тестом, ждешь, когда будет повидло, а его на один укус!

Когда ни посмотришь на сцену, все время видишь Спиридонову. Жанна Спиридонова — лицо нашей школы! Она — председатель совета дружины, она вещает по школьному радио, она представляет нашу школу на конференциях. А школьные концерты можно смело назвать «Вечер встречи с Жанной Спиридоновой».

Под аплодисменты учащихся и учителей Спиридонова появилась на сцене. Захлебнувшись от восторга, она поздравила наших «дорогих и любимых учителей», долго читала стихи собственного производства, спела арию из опереттки, сыграла «Полонез Огин-

ского», и снова читала стихи. Конечно, выступали и другие; малыши из четвертого класса исполнили шуточный танец, еще кто-то читал басни, Женя Скворцов играл Хачатуряна, но в зале все время слышался голос Спиридоновой. Она объявляла номера, она шутила, она хвалила и все она, она, она.

Когда кто-нибудь хорошо играет на пианино, вот, как Жека Скворцов, или читает стихи, думаешь, вот бы мне так. Но когда выступает Спиридонова, честное слово, я рад, что у меня нет никаких талантов. Мне кажется, что она выступает не потому, что любит петь или играть на пианино, а потому, что ей нравится все время слушать: Спиридонова, Спиридонова, Спиридонова.

Когда окончился концерт, на сцену вышел директор и, почесав мизинцем лысину, объявил:

— Разрешаю проиграть четыре пластинки. Считаю, что вполне достаточно, — и вытянул вперед ладонь, как бы закрывая рот недовольным.

Все загудели, но шумели недолго. Разве с ним поспоришь! Расставили стулья вдоль стен и пустили пластинку.

Я все время собирался пригласить Наташу. Но так волновался, что у меня потели ладони. Я забегал в класс, натира л их мелом, а когда возвращался, они снова становились мокрыми.

Если по-честному, танцевать я совсем не умею. Сколько меня учили и ребята и даже Костины сестры. Пока учат — все хорошо. А вот приду в зал — и вместо ног — протезы, даже слышу, как они скрипят. И дыхание останавливается. Только иногда забуду, что танцую, и тогда становится легко и весело. Но тут я обязательно наступаю кому-нибудь на ногу, и все насмарку.

Мне казалось, что все смотрели на Наташу. Она была в блестящем платье и казалась необыкновенно высокой и стройной. На плечи спускались локонами волосы, заколотые брошью. Ох, и досталось ей, наверное, потом от Василия Ефремовича.

Сначала Наташа танцевала с кем-то длинным из 8-б, потом с Валеркой Шустом, потом еще с кем-то. Остался последний танец. Я прилип к стенке, как будто меня зацементировали. Наташа в своем королевском наряде проплывала мимо меня. Обернулась:

— Юра! Сколько сейчас времени?

Я стою, пыхчу и слова из себя выдавить не могу. Протянул ей руку с часами. Она посмотрела:

— Какие у тебя красивые часы! Большие, плоские. Сейчас это самые модные.

Я снял часы и протянул ей.

— Ну, что ты! Я совсем не поэтому. Тебя будут ругать. — Но часы взяла. Стоит, разглядывает.

— У меня еще одни есть, швейцарские! — соврал я,

— Серьезно?! Вот спасибо! Я возьму только поносить!

— Бери. Они мне надоели. Пусть это будет подарком. Сегодня же восьмое марта! — Я себя чувствовал д'Артаньяном, вернувшим королеве алмазные подвески.

— Пойдем, потанцуем! — Наташа взяла меня за руку.

Мы вышли в центр зала, сделали широкий скользящий шаг, и музыка кончилась.

Директор объявил:

— Все! Танцами увлекаться не стоит! Вам еще нужно приготовить уроки на завтра.

Как его ни просили, не помогло. Даже Спиридонова не уговорила.

— Ты меня проводишь? — спросила Наташа.

Во мне ликующе заревели тромбоны, но я вдруг, сам не знаю почему, равнодушно сказал:

— Сегодня не могу. Как-нибудь в следующий раз!

Наташа удивленно вскинула брови:

— Не можешь, не надо!

Она думала, что говорит с Алехиным, своим соучеником. Перед нею действительно был Алехин, но не ученик 7-б, а профессор, которого ждал в лаборатории его верный ассистент для проведения важнейшего эксперимента.

— Ты извини, меня ждет Костя. Обязательно нужно позаниматься эсперанто. Я обещал.

— Иди, занимайся! — Наташа решительно тряхнула локонами и направилась к выходу.

«Вот дурень! — говорил я себе. — Ведь ты же от радости готов прыгать до потолка и раскачиваться на люстре. Беги скорей, догоняй пока не поздно». Но Наташу уже остановил Валерка Шуст, а ко мне подошли Жека с Костей.

Время было детское, восьмой час, расходиться не хотелось, втроем решили поехать в город. Жека проверил: «спортсмены» дежурили у входа. Мы рванули в боковую улочку, но нас заметили и окружили.

Передо мной прыгал Шиян, расплывалась физиономия Эда, Стенли, еще каких-то парней. Я смотрел на них и ничего не понимал. Как-будто меня били, но боли я не чувствовал, слышал только треск, будто палкой проводят по забору. Потом все стихло, но стало трудно дышать и во рту противно, словно соленого киселя хлебнул. Я выплюнул. Розовая слюна повисла на губе. Жека искал свою шапку в сугробе.

Костя лежал на тротуаре, возле фонарного столба. Мы помогли ему подняться.

— Ну что, ребята! — усмехнулся Костя. — Пове-
селились и хватит! Пора домой!

Глава XII

Я В РОЛИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Домой я не пошел: отправился бродить по берегу. Вернулся, когда уже родители спали. Утром поднялся первый, чтобы они не видели моей разбитой физиономии. Школа была еще закрыта, но в кочегарке горел свет. Я позвонил, наплел удивленному истопнику про сломанный будильник и прошел в свой класс.

До начала занятий было часа полтора. Саднила рассеченная губа. Правое ухо распухло и горело. Но голова была удивительно ясной, и я с таким удовольствием выписывал каждую букву домашнего задания, словно чувствовал, что это в последний раз.

Вот уж удивилась Надя Куракова, увидя, что я первым пришел в класс. Но, когда я обернулся к ней, она даже испугалась. Видимо, второпях я плохо умылся, и на лице остались следы крови. Ни о чем не расспрашивая, Надя намочила свой платок и стала меня оттирать. Хорошая она девчонка! Почему я не влюбился в нее?!

Жека пришел в полном порядке. Он обещал, что даст мне мазь, — за ночь все, как рукой снимет. Но вот у Кости один глаз совсем залпыл, а вместо школьного кителя на нем был светлый летний пиджачок. Мне было стыдно к нему подходить. Хуже всего, когда из-за тебя страдают другие.

Я сидел, обхватив голову руками. Не хотелось никого видеть, ни с кем говорить. Шиян хлопнул меня по спине:

— Как живете? Как животик? — и захохотал.

Наташа тоже засмеялась:

— Они вчера с Боровиком занимались эсперанто. Наверное, поспорили из-за какого-нибудь спряжения...

Учителя останавливали удивленный взгляд на моей распухшей физиономии. Три раза меня вызывали, и я получил две четверки и пятерку. Настроение повысилось. Конечно, за драку меня поругают, но, как только я покажу дневник, все будет в порядке.

На последней перемене, перед уроком литературы, Борька заметил у Наташи мои часы.

— Прибарахлились, мамзель! Новый будильничек? Постой, постой, где-то я его видел. — Он подскочил ко мне и рванул рукав.

— Отстань! — огрызнулся я.

— А-а, вот в чем дело! Усек! — Шиян потрогал мое распухшее ухо и ласково спросил. — Мало вчера получил? Могу добавить! Куда желаете, в глаза или по зубам?

— Убери свою вонючую лапу!

В классе почувствовали, что пахнет дракой, и собрались вокруг нас. А Шияну только дай зрителей!

— Ты с кем это разговариваешь, сопля? Ну-ка, выйдем, выйдем! А может быть, ты здесь хочешь получить? Не отходя от кассы?

У меня перехватило дыхание. Возьмет сейчас и избьет при всех. Что ему стоит? А я буду лишь отмахиваться, как от мухи. Потом избитый поплечусь умываться. Такое зло взяло на себя. Трус! Трус проклятый! Ударь хоть раз!

— Что, сдрейфил? Может быть, штанишки надо поменять? Что-то подозрительно запахло.

Я не выдержал и ударил. Семка Булкин, стоявший за Шияном, в этот момент нагнулся достать с пола ручку. Борька перелетел через него, ударился головой об угол парты и растянулся на полу. Лежит, не шевелится. Смотрю, около виска волосы слиплись. Я потрогал — кровь. Перепугался, трясущего его: — Боря! Боря!

А по школе уже понеслось: «Убили! Убили! В 7 «Б» Шияна убили!» В класс сбежалась вся школа. Василий Ефремович тоже пришел. Картина — «Иван Грозный, убивающий своего сына». В роли царя-убийцы я, челюсть трясется, глаза сумасшедшие, держу в окровавленных ладонях голову Шияна. Прибежала медсестра, привела Борьку в чувство, перевязала и повела его бледного, спотыкающегося, в медпункт. За ним шел я, тоже бледный, спотыкающийся, только в кабинет директора.

— Ну, нет, хватит! — кричал Василий Ефремович. — Больше мы с тобой цацкаться не будем! Надоело! Сегодня же я напишу на работу твоего отца письмо. Пусть отец расскажет своему директору, как он воспитывает сына. Из тебя же бандит вырастет. Что ни день — происшествие. Чуть не убил человека!

И тут до меня дошло, что я, которого били все, кому не лень, ударил САМОГО ШИЯНА! Вся школа об этом знает, и никто больше не посмеет меня бить! От этих мыслей я почувствовал такой прилив радости, что готов был обнять и расцеловать Василия Ефремовича. Я не слушал, что он говорит. В висках стучало: я могу дать сдачи! Я старался состроить траурную мину, но губы сами растягивались в глупейшую, счастливую улыбку.

— И ты еще улыбаешься?! — Василий Ефремович вытирал платком лысину. — Нет, Алехин, ничего у тебя с учебой не получится! Поговори с родителями, забирай документы и переходи в вечернюю школу. Может быть, поработаешь, начнешь понимать, что к чему.

Я забрался на площадку, ведущую на школьный чердак. Здесь обычно никто не бывает, можно посидеть спокойно, подумать. Радость победы над Шияном постепенно утихала, в сознании всплывали угрозы Васи. Потом передо мной встало лицо отца, до крови кусающего нижнюю губу. Директора комбината, читающего письмо из школы. (Как назло, у отца с новым директором были какие-то трения.) И вдруг на меня навалилась такая тяжесть, что не передохнуть. Я даже вскрикнул от боли и вскочил на ноги. Это все!!!

Я шел по улице и думал о погоде. Почему-то всегда, когда мне плохо, на улице великолепная погода. Чувствовалось, что скоро будет весна. Деревья стоят еще черные, но солнце так припекает, что кажется они вот-вот засветятся листвой. Зимнее пальто казалось невероятно тяжелым. Еще я почувствовал, что застегнут неправильно. На меня оглядывались. Но перестегиваться не было сил.

— ...Простой сторож! Да он даже мечтать об этом не смел! — вздох рассказывала толстая тетка в зеленом пальто.

Кому-то повезло, исполнилась мечта. Ну, а мне чего сейчас больше всего хочется? В данный момент? ... Наверное, заснуть летаргическим сном лет на пять и проснуться уже взрослым. К черту школу! Работать где-нибудь, как этот сторож: отсторожил свое, и ты вольный человек! Никаких домашних заданий! Никто в дневник не пишет замечаний, не вызывает родите-

лей! И не надо из года в год зубрить одно и то же. Какая бы ни была дрянная работа, все равно не будет так противно, как в школе! Ну, а если не справлюсь? Я ведь ничего не умею. Ах, не один же я такой! Где-то работают и такие. Но где?

Я вдруг почувствовал, что у меня в руках нет портфеля. Учебники остались в классе. До чего же мне не хотелось возвращаться в школу. Еще нарвешься на кого-нибудь, начнутся расспросы.

В коридорах было пусто и тихо. Только в зале слышался топот и звуки аккордеона. Я вошел в класс. Портфель и учебники были на месте.

За первой партой у окна кто-то пошевелился. Я подошел и увидел Серафиму Михайловну. Она уткнулась лицом в ладони и ничего не замечала. Я хотел незаметно уйти, но налетел на стул. Серафима посмотрела в мою сторону. Лицо у нее было красное, щеки обвисли. Она издала какой-то звук, будто собираясь рассмеяться, но вдруг на парту закапали слезы.

Не ненавижу, когда плачут. Так мне становится противно все.

— Серафима Михайловна! Извините, пожалуйста! Я не знал, что вы здесь!

Она посмотрела на меня и стала вытирать лицо.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Учительница вздрогнула, и слезы опять побежали по щекам.

Какая она маленькая! — вдруг подумал я. И совсем уже старая. Захотелось погладить ее и сказать что-нибудь такое, отчего она сразу же перестанет плакать. Но попробуй успокой, когда не знаешь, отчего плачут. И вдруг я понял.

— Вы плачете из-за меня? — голос у меня дрожал, вот-вот разревусь.

Она отвернулась. Значит, правда.

— Алехин! Алехин! — всхлипнула Серафима Михайловна. — Ну почему ты такой?!

— Я же не хотел с ним драться! Вы же знаете, он все время меня бил. Все надо мной смеялись. Первый раз ударил... и такая ерунда.

— Для вас все ерунда..., — на парту снова закапали слезы. — Я знаю, я плохая учительница, плохой педагог...

— Неправда! — я чуть не кричал. — Вы добрая. Вы самая... Вы самая добрая!..

Но учительница меня не слушала. Она отвернулась к окну, и плечи у нее вздрагивали.

Ну, что я в самом деле такого сделал? — подумал я уже на улице. Другие каждый день дерутся и ничего — сходит. А история с галстуком и финкой? Просто я какой-то невезучий. Мне самому плохо и всем из-за меня — тоже. Надо быть честным. Да, честным и не тянуть эту канитель! Может быть, пойти на станцию, закрыть глаза и ухнуть под колеса? Я услышал сирену. Электричка отошла от станции и с воем набирала скорость.

Однажды я видел между шпалами лужу крови и острые осколки костей... Противно! Нет, электричка — это не то! Лучше всего чего-нибудь проглотиться. Но чего?

Я вернулся домой. Матери не было. Наверное, уехала в город. Тем лучше. Я, как сумашедший, торопливо перерыл аптечку, зачем-то полез по хозяйственным ящикам. В ящике отца нашел бритву.

Где-то я читал, как наполняют ванну теплой водой, перерезают вены, смотрят, как кровь растекается по воде, и погружаются в вечный сон. Но у нас, чтобы растопить ванну, надо идти за дровами, и потом

ждать часа два, пока она нагреется. За это время вернется мама и... Никогда не думал, что умереть так сложно.

Не знаю, зачем я стал чистить бритву мелом. Меня раздражали пятна ржавчины на лезвии. Конечно, если ты собрался умереть, нечего бояться заражения крови. Но все равно противно.

Начистил до блеска бритву и стал искать ручку, чтобы написать родителям письмо. Перерыл весь портфель — нигде нет. Снова полез по ящикам, нашел огрызок карандаша. Таким много не напишешь! И хорошо. В длинном письме я бы обязательно наделал ошибок. Нет, уж лучше всего коротко: «Простите, если можете». Слишком кокетливо. «Простите, но я больше не могу». Тоже не то. Лучше всего ничего не писать. Увидят и все ясно!

Я представил, как Серафима Михайловна вбегает в кабинет директора, а он кричит:

— Почему Алехин не явился в школу?

— Василий Ефремович! Его уже нет!

— Как нет? Что за шуточки?

— Он умер, покончил с собой!

Директор испуганно смотрит на Серафиму.

— Да, Василий Ефремович! Я вам всегда говорила: не такой уж он был плохой!

От этой сцены я сам чуть не разревелся. Решимость таяла, как мороженое на ладони. Еще немного и я ничего не сделаю. Надо не быть тряпкой... взять и раз!...

Я закрыл глаза и полоснул по запястью. От боли взвыл и затряс рукой. Кровь выступала медленно, нехотя. Надо было резануть еще раз, но на это уже не было сил. Я побежал к аптечке, смазал рану йодом, кое-как забинтовал.

Было больно и стыдно. Душила злоба на самого себя. Но я пытался оправдаться: не все ли равно умер я или жив? Всем из-за меня плохо, так я избавлю их от себя. Возьму и уеду, чтобы никто обо мне больше не слышал. Это даже лучше будет: меньше слез, без скандала и не надо тратить на похороны.

Поеду в Донбасс, устроюсь на шахту, стану веселым и сильным, «правильным человеком», как эти парни из кинофильмов. Буду зарабатывать кучу денег и каждый месяц посылать родителям, не указывая обратного адреса. Потом в меня влюбится хорошая девочка из нашей бригады. Я на ней женюсь, и, однажды, когда родители будут старенькие, я приеду к ним с женой и детьми.

Я думал обо всем этом, носился по комнате, раскидывал свои вещи, потом остановился и спросил себя: Что же ты ищешь? Вот так и уйди! Ну, свои деньги надо взять. Без них никуда не уедешь. Денег у меня было 13 р. 82 к. Это не мало. Я постоял перед вешалкой. Решил уйти в плаще. Скоро весна, да к тому же я поеду на юг. Шапку тоже не стал надевать.

На кухне чем-то аппетитно пахло. Я хотел пообедать, но потом решил, что неудобно, уходя из дома навсегда, еще наедаться в дорогу. Ничего мне от них не надо! Ничего!!!

Глава XIII

ПОБЕГ

План у меня был такой. Посидеть в библиотеке, пока не стемнеет, потом пойти к переезду возле бани. Там часто маневрируют поезда. Сесть в какой-нибудь

товарняк и за ночь уехать далеко-далеко, чтобы меня уже не нашли. Там пересесть на другой поезд, который идет на юг, пробираться к Донбассу.

Костя, как всегда, сидел с пачкой журналов.

— Молодчина! — радостно встретил он меня. — В школе только и разговоров, что о вашей драке. Здорово, что ты обломал рога этому бахвалу Шияну.

— Ладно, Костя! Я зашел попрощаться! Уезжаю на Донбасс!

Костя не знал, что и подумать.

— К родственникам на каникулы?

— Какие сейчас каникулы? Насовсем. Хочу устроиться на шахту, зарабатывать... И ну их всех!...

Костя даже вскочил.

— Идея-люкс! Я сам собирался смыться куда-нибудь на Урал или в Донбасс! Юра, подожди денег! Понимаешь, сегодня у отца день рождения. Я никак не могу. А завтра мы с тобой отправимся вместе.

Конечно я обрадовался. С Костей мы бы добились всего! Но его мама сидела за столом такая спокойная, и вообще она очень хорошая...

— Нет, Костя. Подожди немного. Я устроюсь, напишу, потом приедешь ко мне и заживем на славу!

Глаза у Кости блеснули. Да и у меня ком стоял в горле. Мы обнялись. Кое-кто из читателей недовольно поглядывал в нашу сторону. Мы вышли в коридор. Костя отдал мне все свои сбережения: три рубля с мелочью. На пороге мы еще раз обнялись, и я попросил Костю вечером позвонить моим родителям, сказать, что я уехал.

Стемнело, стало примораживать. Я сразу пожалел, что не надел пальто, но возвращаться было поздно. В буфете купил сигарет, закурил, стало теплее и уютнее. Товарняка долго не было. Я проторчал на пере-

езде часа полтора и уже собрался было поехать в город на электричке и там сесть на что-нибудь подходящее, но тут остановился длинный состав и стал маневрировать.

Я влез в высокий вагон с тамбуром. Поезд долго топтался на месте, дергался и, наконец, поплыл. В темноте исчезали знакомые с детства дома. Во мне нарастала музыка.

Прощайте, родители! Прощай, школа! Ни на кого я не в обиде. И вы на меня не обижайтесь. Давайте разойдемся по-хорошему. С этой минуты я по-настоящему начинаю новую жизнь. Ни от кого не буду зависеть, никто не станет читать мне наставления. Благодарить!

Я представил себя самостоятельным и сильным, черным от угольной пыли, сверкающим белозубой улыбкой, и даже замурлыкал песенку. Чего я, душень, столько лет мучился? Давно надо было смыться!

Обследовал тамбур, нашел откидной стул. Теперь можно с комфортом ехать до Владивостока. Все бы ничего, но площадка была открыта с трех сторон. Ветер пронизывал так, что стало ломить спину. Ничего, ночь как-нибудь перетерплю, а утром я уже буду далеко. Проведу день в незнакомом городе, а вечером дальше на юг. Я представлял, какая сейчас на юге жара, но теплее от этого не становилось.

Товарняк двигался рывками: наберет скорость, станет и, смотришь, покати́л в обратную сторону. Потом снова рванет, постоит и, набирая скорость, катит дальше. Полз он часов пять, не меньше. Я продрог так, что шея, когда поворачивал голову, казалось, скрипела. Вот, же, кретин, не мог надеть пальто! Да и шапка сейчас бы не помешала. В голову лезли подходящие случаю образцы народной мудрости, вроде: «Пар

костей не ломит!» Фиолетовыми, негнушимися пальцами я утирал сопли и мечтал о толстом ватнике и рыжей шапке-ушанке.

На какой-то станции, наконец, поезд застрял окончательно. Я не выдержал, думаю, пойду посмотрю что за станция такая, какой области. Прочитал название и глазам не поверил: «СОСНОВАЯ». Это же предпоследняя станция перед городом! Стоило трястись столько часов, дрожать на холоде, когда можно сесть на электричку и проехать это расстояние за полчаса! Нет, вслепую далеко не уедешь! Надо в городе на вокзале изучить схему движения поездов и сесть на товарняк, направляющийся прямо на юг.

На электричке добрался до города и рванул в буфет. Проглотил четыре стакана обжигающего кофе и только тогда начал приходить в себя. Мне стало так хорошо, что уже и не хотелось никуда ехать. Вытянуть бы сейчас ноги и заснуть.

Но я заставил себя изучить схему городского железнодорожного узла и вылез на перрон. Ветер полоснул, как ножом. Я чувствовал, как из меня улетучивается тепло. Товарняки, с молодецким посвистом проносились мимо перрона центрального вокзала. Разве на такой скорости сядешь! И вообще, как ехать в такой холод в плаще? Меня утром снимут в свежезамороженном виде.

План с товарняком мне больше не светил. Завтра утром надо пойти в бюро, где вербуют на работу, оформиться на какую-нибудь шахту, получить деньги, одежду и с комфортом начинать новую жизнь!

Был одиннадцатый час. Я кружил по вокзалу, выискивая местечко, куда бы приземлиться. Сколько народу! В плюшевых полушубках, с мешками и в модных меховых пальто, старушки с палочками и такие

девушки, что посмотришь и думаешь: за такой бы поехал, куда позовет! А может быть, мне они казались такими красивыми, потому что это был вокзал. Вот сейчас ее вижу, могу заговорить, а пройдет совсем немного времени и она окажется совсем в другом городе, за тысячи километров, и никогда я больше ее не встречу. Я смотрел на людей и, хотя это глупо, даже волновался, как у них сложится судьба на новом месте. Все люди на вокзале казались одной семьей. У этих людей в жизни не все в порядке, поэтому они и тронулись в путь, ночуют на вокзале.

В одном месте я пристроился на краешке скамейки, но ноги протянуть было некуда и голову не приклонить. Ох, и неудобны же эти железнодорожные скамейки! Я крутился, спал и не спал, а за спиной гудел чей-то голос. Мне хотелось посмотреть на говорившего, но не было сил открыть глаза. Наконец, мой сосед поднялся, и я смог вытянуть ноги. Вот блаженство! Но только уснул, слышу кто-то трясет за плечо:

— Молодой человек! Спать на вокзале не положено!

Продираю глаза — дежурный. Я поднялся и снова закружил по вокзалу. Было начало первого. Сейчас стакан кофе был бы очень кстати, но буфет закрыт до 5 часов. В углу зала ожидания расположилась на мешках большая компания. Все они были одеты в брезентовые куртки, толстые свитера и джинсы. Бородатый парень в тельняшке держал гитару и листал толстую коленкоровую тетрадь. Кто-нибудь из парней просил:

— Саня! Вот эту!

Бородач заглядывал в тетрадь и пел сиплым голосом под гитарный перебор.

Потом они вспоминали экспедицию на Кавказ и пели туристские песни.

Я попросил тетрадь. Там были сотни песен и ни одной я никогда не слышал по радио или в кино. Не то, что в Наташиной тетрадке! Эти песни были непривычными, но такими простыми, казалось, стоит только взять гитару и песня появится сама:

Ты у меня одна,
словно в ночи луна,
словно в степи сосна,
словно в году весна.

Я достал лист бумаги, слушал разговоры парней и списывал одну песню за другой. Оказалось, что эти ребята геологи, едут на Алтай. А бородач в тельняшке руководитель экспедиции, завлабораторией в МГУ.

И тут меня осенило! А что если попроситься с ними на Алтай? Буду помогать таскать приборы, выучусь потом на геолога. С таким ребятами не пропадешь!

Мне не хотелось просить при всех, да еще с бухты-барахты. Я выжидал удобный случай, листал тетрадь и списывал песни. Ребята прикорнули на своих мешках. Саня тоже отложил гитару и прикрыл глаза. Неудобно было его тревожить. Думаю, пройдусь немного, потом поговорю. Я поднялся, сделал несколько шагов и услышал окрик:

— Стой, парень! Положи тетрадь на место!

Голова у меня загудела, будто по ней треснули гитарой. Я разжал ладони и тетрадь шлепнулась на пол. Саня зло посмотрел на меня. Остальные ребята тоже проснулись. Оправдываться было бессмысленно. А тем более проснуться в их партию! Я подал тетрадь и поспешил убраться.

Сам не понимаю, как это произошло. Но, честное

слово, у меня и в мыслях не было взять эту тетрадь! Да разве поверят? Смешно! Я ходил по вокзалу, думал, как же этим ребятам все объяснить. Надо было спешить. Скоро они уедут и позор останется со мной навсегда!

Вид у меня, наверное, был пришибленный. Да еще разбитая губа. Остановил меня милицейский патруль. Пришлось сочинять басню про опоздание на последнюю электричку. Отпустили.

Лет через десять, когда я уже буду бригадиром шахтеров, приеду в МГУ, найду этого Саню, приглашу в ресторан и скажу: «Помните парнишку, который чуть не украл у вас тетрадь с песнями? Черт возьми, до сих пор не представляю, как это произошло, но даю вам слово, я не собирался ее красть». — «Да выкиньте это из головы!» — скажет он мне. — «Хотите я вам подарю эту тетрадь?» Я пытался думать о чем-нибудь другом и не мог.

Я бродил по сонному вокзалу, облазил все углы, прочел все объявления. Тело было н гудело. Ночь, казалось, никогда не кончится, как будто я полз по узкой бесконечной трубе. Наконец, стрелки добрались до четырех. Буфет открывался через час. Но я уже не держался на ногах. За камерой хранения нашел заколоченную дверь, около нее ручную тележку носильщика, прижал ее мусорным ящиком, положил голову на ручку и сразу же уснул.

Разбудил меня носильщик. Вокзал уже преобразился. На лавках никто не спал и полным ходом шла уборка.

Я выпил в буфете два стакана кофе (есть совсем не хотелось), получил в горсправке адрес бюро по найму рабочей силы и отправился на поиски.

В коридоре бюро висела огромная карта страны и

множество плакатов, призывающих строить домны, прокладывать дороги, добывать руду. Всюду нужны люди. Настроение сразу же поднялось. Я стал выбирать, куда бы мне отправиться. Насчет Донбасса объявлений нигде не было, и я остановился на Кузбассе. Это в Сибири, пока едешь, увидишь полстраны! Костя одобрит мой выбор.

В кабинете, забитом столами и людьми, меня сразу огорошили:

— Документы!

Я протянул свой ученический билет.

— Несовершеннолетних не вербуем!

Я плелся по улицам, еще не оттаявшим от утренней изморози. Куда податься? С кем посоветоваться? Единственное, в чем я был твердо уверен, что домой не вернусь. Денег у меня еще рублей шестнадцать. Недели две протяну запросто.

Сегодня вечером я поеду на пригородном поезде в южном направлении, а там пересяду на товарняк. Главное — добраться до Донбасса. А там на шахту как-нибудь устроюсь. Работают же и в 14 лет. А мне в апреле будет пятнадцать! Если в пути поймает милиция, ничего не буду говорить. Пусть делают со мной, что хотят.

План, конечно, был так себе, но лучше, чем ничего.

Город, казалось, промерз насквозь. Не дома, а темные глыбы льда. И некуда сунуться, чтобы хоть чуть-чуть согреться.

Раньше, когда я удирал с уроков и приезжал в город, день пролетал незаметно. Как подумаешь, что сидел бы я сейчас в школе и зубрил правила о придаточных предложениях, сразу становится весело. Но сегодня я все время вспоминал наш класс, видел каждого за своей партией, и думал о них с завистью.

Сейчас я бы много дал, если бы вдруг по мановению волшебной палочки исчезли все неприятности, и я мог спокойно сидеть на самом занудном уроке.

Проходя мимо столовой, я вспомнил, что вчера весь день не ел, да и сегодня только пил. В животе попискивало, но есть не особенно хотелось. Зайду, думаю, на всякий случай.

Чтобы не тратиться, решил горячего не брать и проглотил стакан кефира с булочкой. Ощущение было непонятное. Повторил и снова ничего не понял. Себе же сказал: чтобы в столовую сегодня больше не ходить, возьму-ка я еще стакан томатного сока и пирожное. Все равно выйдет дешевле, чем обед из трех блюд. Пирожное оказалось ужасно старым. Сначала оно никак не поддавалось, а когда я на него нажал покрепче, рассыпалось по всему столу. Вышел я из столовой и почувствовал, что вот теперь-то я по-настоящему голоден. Нечего было валять дурака, взял бы тарелку борща, хлеб бесплатный, приналег — и сыт. Я вернулся в столовую, поставил на поднос борщ, и стал ждать, когда моя очередь подойдет к кассе. У парня передо мной стоял коричневый, дымящийся гуляш с картошкой. Думаю, гуляш дороговат, возьму-ка я рыбу. Но пока подошла моя очередь, я взял гуляш. Ничего. Завтра я начну жить экономно.

Обедал не спеша, со вкусом и, выходя из столовой, подумал, что все не так уж мрачно. Я обязательно найду свою дорогу в жизни.

Надо было убить время до вечера — пошел в «Нептун». Там за 10 копеек можно весь день смотреть документальные фильмы. Сначала показывали Африку, джунгли, обезьян. Вот где хорошо сбегать из дома! Выстроил себе в джунглях шалаш из пальмовых листьев, живи и лопай бананы. Но потом я уснул, и,

наверное, храпел, потому что меня будили. Я таращил глаза на экран и снова засыпал.

Вышел из кинотеатра, когда уже начало темнеть. Теперь я решил как следует подготовиться к путешествию. Сначала купил несколько газет. Где-то я читал про путешественника, который заворачивался в газеты, чтобы не замерзнуть. Потом пошел в гастроном и накупил булочек, ветчины, колбасы. Теперь я в любой холод не пропаду!

Глава XIV

В ГОСТЯХ У НАШИХ ПРЕДКОВ

Выходя из магазина, столкнулся с Лекой. Он обнял меня, будто мы не виделись сто лет. Такая уж у него манера.

— Ну, старик, и наделал ты шуму! Твоя мамаша вчера ревела, как пожарная сирена. В поселке перепугались, думали, действительно горим. Но твой папаша ее успокоил. Говорит, никуда не денется. Сегодня маман потише, но все время бегают милицию... Слушай, а что ты здесь делаешь?

— Купил провизию на дорогу.

— И далеко собрался?

— Хочу уехать в Донбасс, поступить на шахту.

— Вот что, — сказал Лека, — я сейчас на службу в зоо. Идем со мной, поговорим. Чувствую — тебе надо промыть мозги.

Я был рад услышать о своих. И вообще сейчас мне не хотелось оставаться одному. Но я отказался.

— Нет, Лека! Я хочу уехать. Для меня это вопрос жизни. Понимаешь?

— Все понял. Но зачем тебе Донбасс? Хочешь работать? Пожалуйста, у нас в зоопарке. Могу устроить сторожем или, если ты так любишь уголек, кочегаром.

— Но я же ничего не умею!

— Сторожем? Что там уметь?! Поработаешь, че понравится — скопишь денег и кати на свой Донбасс!

Я заколебался. Правда, у Леки никогда не поймешь: шутит он или говорит серьезно.

— Ты правда можешь устроить меня на работу?

— Правда. Завтра же пойдем в отдел кадров.

— Но я еще несовершеннолетний.

— У нас там только и работают дети, пенсионеры и всякие дефективные вроде меня.

Работа в зоопарке — это, конечно, не так романтично, как на шахте. Но здесь-то я точно устроюсь, а там — кто его знает.

— Твой Донбасс — чушь! — убеждал Лека. — Тебе надо найти себя. Это можно сделать и здесь. Тебя когда-нибудь тянуло к творческой деятельности? Например, к литературе?

— Была когда-то идея. Слушал я на уроках литературы: Пушкин в образе Дубровского не учел того, Гоголь в образе Бульбы этого, а Лермонтов в образе Печорина еще чего-то. Вот я и подумал, как было бы здорово учесть все ошибки Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого и написать роман с таким герсом, у которого были бы абсолютно все положительные черты, перечисленные в нашем учебнике.

— Нет, литературой ты лучше не занимайся! — испугался Лека. — Но вот, например, история. Помнишь, как ты классно рассказывал про Ивана Грозного и князя Курбского?...

— Так это не я, а наш учитель Николай Яковлевич!

— Нет, старик, историей ты мог бы заняться. У тебя выйдет!

Зоопарк был уже закрыт, и мы прошли через служебный вход. Лека позвонил, и в окошке показалось круглое старушечье лицо.

— Тетя Клава, привет!

— Запоздываешь, красавец! Твой сменщик уже ушел. — Пробурчала сторожиха и посмотрела на меня. — А это кто?

— У нас будет работать, веду знакомить с производством.

Тетя Клава дала Леке ключ, и мы прошли. Большинство клеток были пустыми, но в некоторых кто-то ворочался и фыркал. Остановились мы перед маленьким круглым зданием с табличкой «Обезьяны». Наверное, это был самый вонючий вольер. Даже сквозь стены пробивались такие ароматы, что меня чуть не вырвало. Лека открыл вольер. Обезьяны заматались в клетках.

— Располагайся! — широким жестом пригласил Лека.

В центре вольера была площадка для посетителей. Вокруг — клетки с обезьянами. Между клетками отгорожен небольшой кабинет с письменным столом и телефоном. Лека открыл кладовку. В ней мы разделись. Большая часть кладовки была завалена сеном. Вдоль стены на полках стояли банки с соками. Лека взял банку с томатным соком, два стакана и перенес все на стол.

— Сейчас мы немного закусим. Ты здесь переночуешь. А утром в отдел кадров.

Художник налил в стаканы сок. Я развернул свою провизию, и мы стали пировать. Точнее, ел только

Лека, а я пил сок. Все не мог привыкнуть к запаху наших предков. Обезьяны с завистью смотрели на нас и шумно выражали желание принять участие в трапезе.

— Кажется, твоих обезьян не очень хорошо кормят, — сказал я.

— Что ты! — возмутился Лека. — Утром они получают какао, кофе, булочки, бутерброды, потом обед из трех блюд, ужин. А иногда для поднятия тонуса им прописывают по стаканчику портвейна. Чем не жизнь!

— Томатный сок тоже из обезьяннего рациона? — спросил я.

— Кое-чем им приходится по-братски делиться со мной. Не без этого. Но я их не обижаю.

Лека достал из кладовки мольберт, поставил на него холст и стал подправлять. Я пытался разглядеть картину, но глаза слипались. Как будто сквозь трещины на скале проступали очертания мужского лица.

— Работенка не пыльная, — рассказывал художник. — Тебе понравится. Главное — свободного времени навалом. Наберешь книг и сиди себе занимайся! Я так понимаю: почему ты в школе учился неважнецки? Скучища! По себе знаю. Изю дня в день одно и то же. А если ты сам займешься, так всю программу вместо года за два месяца пройдешь, и больше в голове останется. Так ведь?

Я кивнул в знак согласия и протер глаза.

— Школа должна учить мыслить! Кто может сказать, какие знания тебе необходимы в жизни, если ты сам еще не знаешь, кем стать? Вот и пичкают всем понемногу, авось кое-что пригодится.

Голос Леки то удалялся, то гудел прямо надо мной.

Мне хотелось о многом его спросить, но я даже рта раскрыть не мог, так меня разморило.

— Э-э, брат! — воскликнул вдруг Лека. — Тебя уже совсем Морфей того... Перебирайся в кладовку.

Я поднялся и, как пьяный, шатаясь, побрел за Лекой. Художник бросил на сено брезент. Я лег и накрылся плащом. В кладовке было довольно прохладно.

— Хочешь, я тебя познакомлю с обезьянами? — вдруг предложил Лека.

Неудобно отказываться, подумал я и поднялся. Лека водил меня от клетки к клетке, что-то рассказывал об обезьянах, а я тряс холодные мозолистые лапы и улыбался: «Очень приятно. Очень приятно». Обезьяны тоже улыбались: «Вы наш новый работник? Очень приятно». Пойду-ка я лучше спать, решил я. Только сделал несколько шагов, как сзади раздался локомотивный гудок. Я бросился на шпалы и пополз. Надо мною громыхал состав. Я прижался к земле, чтобы меня не зацепило какой-нибудь железякой. Когда же все стихло, меня подхватили две макаки и понесли.

— Сена хочешь? — спросила одна из обезьян.

Я отрицательно помотал головой. Но макаки не поняли и стали совать мне за шиворот сено. Колкое ужасно. Приподнимаюсь, смотрю, я действительно на сене. Ноги застыли, как будто не мои. Поднялся, держась за стенку. Тошнило ужасно. Открыл дверь. Лека спал на столе, накрывшись своей пожарной курткой. Я растолкал его.

— Ну и холодина, — поежился художник. — Постой! Который час? Скоро восемь. Сейчас придет смена. Надо немножко прибрать вольтер, и тогда мы с тобой в отдел кадров.

Я вытащил из-за ворота клок сена, встряхнул.

— Нет, Лека! Не хочу.

— Чего ты?! Начкадрами хороший мужик. Кем-нибудь тебя оформит.

Меня мучило от запахов обезьянника. Не хотелось ни о чем думать. Лишь бы быстрее на свежий воздух.

— Не стоит... Пойду в это, бюро по найму... Завербуюсь куда-нибудь.

— Как знаешь.

Лека проводил меня до проходной, и мы распрощались. Я поехал в центр города, зашел в столовую. Но есть не мог, тошнило от одного запаха еды.

Глава XV

СОВСЕМ ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК

Что же делать? Денег у меня оставалось еще рублей восемь-десять или даже немного больше. Можно еще попытаться уехать. Но думал я об отъезде уже без прежнего энтузиазма. Так только, чтобы отвязаться от вопроса: что же делать? - Что же делать? От этого «что же делать?» голова разболелась еще больше.

Я болтался по улицам без цели. Вернуться домой, как нашкодивший кот? Нет уж, что угодно, только не это. Хорошо бы сейчас загорелся вот этот дом. Дым валит из окон, слышится детский плач. Я накидываю на голову плащ, врываюсь в охваченную дымом комнату... И тут со страшным треском падает крыша. Пусть так. Хоть скажут: умер, как человек!

Высокий толстяк с чемоданчиком прыгнул в отходящий автобус, свалился и сломал ногу. Люди заметили, вызвали скорую помощь. Вот счастливчик!

Мне бы на его место. Лежал бы я в чистой постели, рядом на стульях родители, заплаканные, но счастливые, что «все хоть так обошлось», смущенные в непривычной обстановке одноклассники. Я брел по улицам и мечтал, чтобы хоть какой-нибудь кирпич свалился мне на голову. Но разве так бывает, чтобы на голову упал кирпич, когда ты этого хочешь?!

Сам не заметил, как пришел к вокзалу, зачем-то взял бланк в почтовом отделении. Кому писать, о чем писать? Хорошо бы отстукать такую телеграмму: «Люди! Помогите! Мне плохо!» Может быть кто-нибудь откликнется, пришлет срочную: «Приезжай, Юра! Сделаем из тебя человека!» или «Приезжай! Будешь нам вместо сына!»

Поплелся в зал ожидания (ноги как чугунные), только сел на скамейку, объявляют: «Граждане, очистите помещение! Здесь будет уборка!» Пошел в другой зал, пока нашел место, вытянул ноги, снова предлагают очистить помещение. Я вернулся в первый зал — уборка идет полным ходом, но на скамейках кое-кто сидит. Я тоже пристроился. Никто меня не согнал. Благодать. За спиной деловито гудела моечная машина. От этого шума стало почему-то спокойно. Мысли ясные, четкие. Закрыв глаза, показалось мне, что я дома. Да, да, в своей комнате. За стеной мать гудит пылесосом, делает уборку. Ничего не произошло. Никуда я не убегал. Лежу себе на диване и думаю. Когда же это было? Сколько тысяч лет назад?.. Неужели всего два дня?! Ну, а дальше? Ничего, поеду в Донбасс... деньги у меня еще... И вдруг я подумал: никуда не надо ехать, никуда... Сяду сейчас в электричку и вернусь домой. «Как домой?» — возопил во мне чей-то голос. — «А как же директор, родители, «спортсмены»? «— «Ерунда!» — ответил первый

голос. — «...Скандал дома, Наташа, директор, „спортсмены“ ...Ерунда! Я не хочу об этом думать! Все это было давным-давно!»

Я вдруг заторопился, взял билет, но потом подумал: если вернуться сейчас, в электричке обязательно налетишь на соседей или на знакомых.

Выехал в 23.04. Была уже ночь, поезд почти пустой. Сердце билось, словно я ехал не к себе домой, а неизвестно куда. Мне все казалось, будто того Юрия Алехина, что сбежал из дома, уже не существует. Вместо него послали меня, внешне очень похожего, но совершенно другого человека. Даже названия станций звучали непривычно. Чем ближе я подъезжал, тем больше волновался. Я представлял, как позвоню домой. Мне откроют отец или мать. Ну что я им скажу? Подъезжая к своей станции, я так перетрусил, что решил пересесть на обратную электричку и вернуться в город.

Первым, кого я увидел на станции, был Тимоша. Он беседовал с кассиршей и меня не заметил. Вот уж с кем не хотелось встречаться! Поведет в милицию, составит протокол, потом вызовет родителей и сдаст меня под расписку. Нет, уж лучше самому.

По Центральной теперь не пройти, придется двигать в обход: через школьный двор, по Морской и уже около самого дома выходить на Центральную.

Здание школы, освещенное лунным светом, было мрачное и непривычное. Чего вдруг я испугался, не пойму. Но помню, замедлил шаги и стал ступать осторожнее. Боковая дверь неожиданно открылась, и из нее кто-то вышел. Я стоял около стены, и меня он не заметил. Через полминуты вышли еще двое и вынесли какой-то ящик. Сейчас, когда я вспоминаю этот момент, у меня отнимаются конечности, но тогда я

не испугался. Может быть, просто не успел. Я прижался к стене и задел плечом сосульку. Она звонко хрустнула и упала на землю.

— Стой! Здесь кто-то есть! — услышал я перепуганный голос Эда.

Они бросили ящик, сунули руки в карманы и стали подкрадываться ко мне.

— А, это ты, сволочь! — зашипел Шиян. — Выслеживаешь?!

Несло от всех троих за километр.

— Нужны вы мне очень! — ответил я довольно спокойно. — Я сам на Тимошу нарвался!? Вот и пошел через двор!

— Чего же ты его испугался? — хорохорился Борька. — Ты же у них первый доносчик!

— Какой доносчик! Он из дома сбежал! — возразил Стенли. — Может, не продаст?

— Сейчас же мотанет в милицию! — убеждал Шиян.

— Если что, мы его все равно достанем! — успокоил Стенли.

— Ну, что молчишь? — спросил Эд. — Продашь или не продашь?

— Черт с вами, не скажу! Но эту бандуру отволоките на место.

— А этого не хочешь? — Борька сунул мне под нос кулак.

И что у меня за характер! Говорю себе: помолчи, и все обойдется. Но меня словно кто-то тянет за язык. Слышу свой голос:

— Ты, кажется, уже раз получил?

— Ах, ты, гад!

Я почувствовал, как у меня стремительно набухает губа. Мне вдруг стало все равно, лишь бы скорее

это кончилось. Я двинул кого-то, проскочил между ними и побежал. До освещенной улицы было метров пятьдесят. А там, если закричать, услышат на станции. Я рванулся, но голова вдруг загудела, вокруг меня запрыгали красные обезьяны. Я схватился за голову и почувствовал, что в рукав потекла кровь. Помню еще подумал: Вот и все! Глупо! До чего же глупо!

Когда я очнулся, увидел санитаря, спросил, что со мной. Сотрясение мозга, говорит, разбили голову кирпичом. Меня так и затрясло от смеха. Это же надо — такое везенье! Санитар перепугался, думает, может я того... Не надо, говорит, смеяться. Нельзя сейчас. А я не могу. Лежу, голова забинтована, руки перевязаны, а самого трясет, словно через меня пропускают ток. Весь день бродил по городу, мечтал, чтобы мне на голову упал кирпич, и вот, пожалуйста, все-таки получил кирпичом по голове!

Санитар выпучил на меня глаза, чувствую, ему не по себе от моего смеха. Но что я мог ему объяснить?

Санитар вышел, и в дверях появилось красное, заплаканное лицо матери. За нею вошел отец. Сейчас он был какой-то съежившийся, серый, еле волочил ноги. Я улыбнулся.

— Теперь уже...

Но отец остановил меня:

— Тебе сейчас нельзя разговаривать!

Мама не выдержала.

— Юра! Если тебе захочется чего-нибудь..., — и ручьем потекли слезы. (Ох, и любительница она поплакать!) — Там..., — она показала на дверь, — ученики вашего класса. Наташа тоже здесь. Все волнуются, интересуются твоим состоянием. Серафима Михайловна сегодня звонила, сказала, что мальчик ты спо-

собный, еще нагонишь, лишь бы все было...., — у мамы в горле забулькало, и снова потекли ручьи.

У меня тоже ком подкатил, хотел что-то сказать, но отец жестом остановил.

— Сейчас не надо. Поправляйся! Завтра мы с утра будем здесь! — и они ушли.

— Какое сегодня число? — спросил я у санитара.

— Двенадцатое.

Значит, это случилось вчера. До конца четверти еще две недели. Может быть, успею?

Губы потрескались, слиплись, не разжать.

— Пить, — попросил я.

— Нельзя. Могу только смочить!

Санитар смочил влажной ватой мои губы. Я успел слизнуть несколько капель холодной воды.

В палату проскользнули Жека и Костя. Косте не терпелось поделиться новостями.

— Знаешь, «спортсменов» сегодня арестовали. Собака привела прямо к лодочному сараю Шиянов, и там нашли радиостанцию. Оказывается, они ее укрывали, спрятали на чердаке школы, подождали, пока все утихнет, а прошлой ночью унесли... — Санитар кивнул в сторону двери, и ребята поднялись. — Ну, будь! Завтра зайдем!

Санитар снова смочил мне губы. Я почувствовал тяжесть в голове, и закрыл глаза. В дверь кто-то постучал.

— Нельзя! Нельзя! — крикнул санитар.

— Разрешите этой девочке с ним поговорить! — услышал я голос мамы. — Одну минутку.

Я открыл глаза и увидел на стуле возле кровати Наташу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Всю школу взбаламутил, — улыбнулась Наташа. — Где ты пропадал?

Я не знал, что ей ответить и неопределенно пошевелил пальцами.

— Может быть, тебе нужно что-нибудь из лекарств? У мамы знакомства, все, что хочешь, достанет!

До чего же она внимательна. Ну да, в школе несколько дней все будут говорить обо мне.

— Спасибо, — прошептал я ужасно тихим голосом. И что это на меня нашло изображать умирающего?

Разговор не клеился, и Ната поспешила уйти.

На меня вдруг навалилась усталость. Так бывает, когда читаешь до глубокой ночи и сна ни в одном глазу. А закончишь книгу — и нет сил дотянуться, положить ее на стол. Только закроешь глаза и проваливаешься.

^

На днях обещали выписать. Надоело в больнице до жути. Правда, ребята часто ко мне приходят, а Костя каждый день. Придут, расскажут, что проходили на уроках, и я чувствую — спроси меня — отвечу запросто. Вот бы так учиться: без учителей, без домашних заданий и двоек, чтобы ученики рассказывали друг другу... Ну, меня понесло!...

Серафима преподнесла копию приказа директора. Василий Ефремович объявил мне благодарность за сохранение школьного имущества. А Валерка Шуст прочел свою заметку из стенгазеты, в которой описывалось, как я героически дрался с тремя вооруженными хулиганами. Меня чуть не вырвало от всего этого вранья. Но я промолчал.

Мама не нарадуется, как сердечно принял ее Василий Ефремович, сказал, что все они виноваты, что-то

проглядели, у ребенка сложный характер и все такое прочее.

Сначала я удивился: почему они мне все это рассказывают? И вообще, откуда они меня знают? Но потом я понял, что меня принимают за того Юру Алекина, который учился в 7-б и сбежал из дома. И никто не догадывается, что вернулся совсем другой человек!

СОДЕРЖАНИЕ

Регина Эзера. Предисловие	3
Глава I. Клятва в дубовой аллее . . .	7
Глава II. Я играю на «удахе»	20
Глава III. Как я влюбился в Наташу .	31
Глава IV. Можно ли проглотить дневник?	42
Глава V. Будем развиваться гармонично	50
Глава VI. История с галстуком	66
Глава VII. Одни неприятности	80
Глава VIII. Почему девочки ходят с бан- тами?	89
Глава IX. Опять выговор	103
Глава X. На волосок от гибели	109
Глава XI. Танцами увлекаться не стоит!	118
Глава XII. Я в роли Ивана Грозного .	130
Глава XIII. Побег	137
Глава XIV. В гостях у наших предков .	146
Глава XV. Совсем другой человек . .	151

Станислав Лацаревич Рубинчик

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ

Редактор *В. Семенова*. Худ. редактор
Х. Пурвиньш. Тех. редактор *Г. Слеп-*
кова. Корректор *И. Данемане*.

Сдано в набор 9 июня 1975 г. Под-
писано к печати 29 декабря 1975 г.
Типографская бумага № 2, формат
70×108/32. 5 физ. печ. л.; 7 усл. печ. л.;
4,75 уч.-изд. л. Тираж 15000 экз. ЯТ
01719. Цена ● коп. Издательство
«Лиезма», г. Рига, бульвар Падомью,
24. Изд. зак. № 41/27523-В-286. Отпеча-
тано в типографии «Циня» Государст-
венного комитета Совета Министров
Латвийской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли,
г. Рига, ул. Блауманя, 38/40. Заказ
№ 2483.